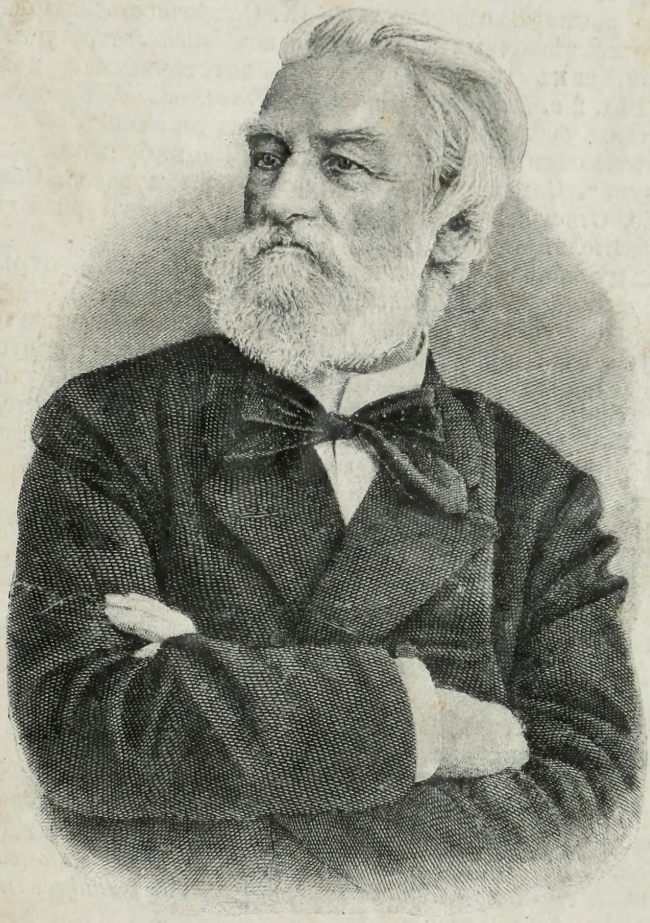
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00300891 9

Dmitrii Vasil'evich Grigorovich

PG
3337
G77Z65
1910

Дмитрій Васильевичъ ГРИГОРОВИЧЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ



Сборникъ историко-литературныхъ статей

составилъ

В. И. Покровскій

Москва 1910.

Изданіе 2-е, дополненное.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

В. Покровскаго:

Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Щеголихи въ сатирической литературѣ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. Ц. 50 к. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Содержаніе: I. Критика Бѣлинскаго — литературная школа для писателей и общества того времени. — II. Бѣлинскій и Мерзляковъ. — III. Бѣлинскій и Полевой. — IV. Бѣлинскій и Надеждинъ. — V. Бѣлинскій и Шевыревъ. — VI. Булгаринъ, Сенковскій и Бѣлинскій. — VII. Бѣлинскій, какъ создатель исторіи новой русской литературы. — VIII. Взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію и древнюю книжную словесность. — IX. Ошибочность воззрѣній Бѣлинскаго на нѣкоторыя произведенія новѣйшей литературы.

Поэзія, какъ главный факторъ эстетическаго развитія. Ц. 1 р. Изд. 2-е. *Включена Мин. Нар. Просв. въ „Каталогъ книгъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“.*

Столѣтіе сатирическаго журнала „Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ“. Содержаніе: Характеръ сатиры журнала. Общее содержаніе. Отношеніе къ предшественникамъ. Литературная дѣятельность писателя. Ц. 20 к.

О педагогическомъ значеніи класснаго чтенія отрывковъ изъ образцовыхъ писателей Ц. 60 к. (Распродано).

Отношенія А. С. Пушкина къ отечественнымъ писателямъ. Содержаніе: I. Введеніе — II. Пушкинъ приглашаетъ другихъ поэтовъ къ служенію музамъ. — III. Радостное привѣтствіе Пушкинымъ произведеній поэтовъ. — IV. Живое участіе Пушкина къ дѣятельности поэтовъ. — V. Уваженіе Пушкина къ достоинству имени писателя. — VI. Альтруистическія и симпатическія чувствованія Пушкина къ писателямъ. Ц. 20 к.

„Мой досугъ или уединеніе“. (Страница изъ русской журналистики XVIII вѣка.) Ц. 20 к.

Дамскій журналъ. Ц. 50 к.

Журналъ для милыхъ. Ц. 25 к.

Рогоносцы въ эпиграммахъ XVIII вѣка. Ц. 50 к.

Смертодавы (врачи) въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. Ц. 30 к.

Книга и читатель двѣсти лѣтъ назадъ. Ц. 50 к.

Жены декабристовъ. (Сборникъ историко-литературныхъ статей съ портретами). Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго по новой русской литературѣ. Ц. 1 р. (8°, 428 стр.) *Допущенъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

Исторической хрестоматіи (Сборника историко-критическихъ изслѣдованій) выпуски:

I вып. О народной словесности. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

II „ О книжной словесности XI — XVI вв. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

III „ О книжной словесности XVI — XVII вв. Изданіе 2-е. Ц. 2 р.

IV „ О Петровской и Елизаветинской эпохахъ и ихъ литературныхъ представителяхъ. Ц. 2 р.

V „ О ложно-классическомъ направленіи въ иностранной и русской литературахъ. Ц. 2 р. 50 к.

Dmitrii Vasil'evich Grigorovich

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ.

Его жизнь и сочиненія.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

Составилъ

В. Покровскій.

Изданіе 2-е, дополненное.

Цѣна 50 коп.

МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ **В. Спиридонова** и **А. Михайлова.**
Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова. Телеф. 120-95.
1910.

UNIVERSITY OF TORONTO
OCT 06 1969
LIBRARY

PG
3337
G77Z65
1910

LIBRARY
FEB 10 1969
UNIVERSITY OF TORONTO

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвижен. пер., д. № 5.

Дмитрій Васильевичъ

ГРИГОРОВИЧЪ.

Оглавленіе.

Стран.

Домашнее ученіе и школьные годы Григоровича, *Архангельскаго* 1
Григоровичъ въ инженерномъ училищѣ по воспоминанію товарища, *Савельева*. . 4
Литературные связи и кружки, способствовавшіе развитію таланта Григоровича, *Архангельскаго*. 13
Путешествіе Григоровича и остальные годы его общественной и литературной дѣятельности, *Бороздина*. 17
Некрологъ Григоровича, *Морозова* 19
Памяти Григоровича, *Демидова*. 22
Общій обзоръ литературной дѣятельности Григоровича, *Мизинова* 28
Особенности творчества Григоровича, *его же* 30
Крестьяне, неудачники, всѣ обездоленные судьбой, дворяне и богатые классы общества въ художественномъ изображеніи Григоровича, *Краснова*. 46
Григоровичъ, какъ художникъ, *его же*. 51
Внутреннія и внѣшнія особенности таланта Григоровича и его тѣневыя стороны, *Дроздова* 54
Художественныя произведенія изъ народнаго быта въ ихъ отношеніи къ дѣйствительности, *Анненкова*. 56
«Деревня». *Изъ «Воспоминаній» Григоровича* 59
Общее содержаніе повѣсти «Деревня», *Семевскаго* 60
Новизна содержанія «Деревни» и произведенное ею впечатлѣніе. Изъ *«Филологическихъ Записокъ» за 1900 и 1902 гг.* 61
Антонъ Горемыка, *Острогорскаго* 62
Отношеніе публики и критики къ «Антону Горемыкѣ», при первомъ появленіи этой повѣсти въ печати. *Изъ «Филологическихъ Записокъ» за 1900 и 1902 гг.* 63
Сопоставленіе земледѣльческаго быта съ фабричною крестьянскою жизнію въ повѣсти «Пахарь», *Де-Пуле* 64
Общее содержаніе повѣсти «Пахарь» и поэтическій ея колоритъ, *Водовозова* . . 66
Содержаніе повѣсти Григоровича: «Пахатникъ и бархатникъ» и ея основная мысль, *изъ «Сѣверной Пчелы» 1861 г. и Орловскаго* 67
«Свѣтлое Христово воскресеніе» и идиллическій характеръ этого разсказа. *Изъ «Москвитянина» 1854 г.* 68
«Свѣтлое Христово воскресеніе» и «Смедовская долина», *Де-Пуле*. 70
«Бобыль», *Семевскаго* 70
«Прохожій и Бобыль», *Де-Пуле* 71
«Святочный разсказъ», *его же* 72
Свѣтлыя и темныя стороны жизни крестьянина-пахаря по сочиненіямъ Григоровича: «Пахарь», Четыре времени года», «Кошка и Мышка», «Свѣтлое Христово воскресеніе», «Мать и дочь» и «Бобыль», *Острогорскаго* 73
Художественная сторона и идея романа «Рыбаки», *Анненкова* 79

Стран.

Картины русской природы и крестьянскаго быта въ романѣ «Рыбаки». *Изъ «Отеч. Записокъ» 1953 г.* 83
Матеріалъ романа «Рыбаки» и его освѣщеніе. *Изъ «Москвитянина» за 1853 г.* . . 94
Характеристика рыбака, *Налимова*. 95
Общее содержаніе и характеристики дѣйствующихъ лицъ въ «Переселенцахъ», *Изъ «Библіотеки для чтенія» за 1857 г. № 2*. 96
Группы дѣйствующихъ лицъ въ романѣ Григоровича «Переселенцы». *Изъ «Сына отечества» за 1856 г.* 105
«Гуттаперчевый мальчикъ» «Акробаты благотворительности», «Карьеристъ», ихъ достоинства и недостатки». *Изъ «Библіографа» за 1885 г. и Ачкасова*. . . 106
«Пикникъ». *Изъ книжки «Недѣли» 1896 г.* 110
«Не по хорошу милъ — по милу хорошъ», *Буренина* 112
Педагоги въ сочиненіяхъ Григоровича W. 114
Природа въ произведеніяхъ Григоровича, *Щукина* 121
Григоровичъ и Тургеневъ, *Острогорскаго*. 124
Значеніе литературной дѣятельности Григоровича, какъ народнаго писателя, *Архангельскаго* 128
Художественное и общественное значеніе сочиненій Григоровича, *Милюкова* . . 131
Воспитательное значеніе сочиненій Григоровича, *Щукина*. 135
Общественное настроеніе сороковыхъ годовъ и отраженіе его на литературной дѣятельности Григоровича, *его же* 136
Григоровичъ — поэтъ «сермяжныхъ героевъ», *Острогорскаго* 137
Григоровичъ — «старый народникъ и гуманистъ», *Налимова* 142
Григоровичъ какъ бытописатель русской деревни съ точки зрѣнія нѣмецкаго критика, *изъ «Новаго времени» за 1893 г.* 146
Отношеніе Григоровича къ своимъ предшественникамъ, *Щукина* 148
Значеніе Григоровича въ области живописи и художественной промышленности, А. О. и *изъ «Новаго времени»*. 149
Разработка этнографіи и изученіе народной словесности съ 30-хъ годовъ въ связи съ живымъ участіемъ къ народу, *Пыпина*. 152
Этнографическій элементъ въ произведеніяхъ Григоровича, *К. Покровскаго* . . . 166

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второмъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи: Григоровичъ въ Инженерномъ училищѣ по воспоминанію товарища, *Савельева*. — Некрологъ Григоровича, *Морозова*. — Памяти Григоровича, *Демидова*. — Крестьяне, неудачники, всѣ обездоленные судьбой, дворяне и богатые классы общества въ художественномъ изображеніи Григоровича, *Краснова*. — Григоровичъ, какъ художникъ, *его же*. Внѣшнія и внутреннія особенности таланта Григоровича и его тѣневыя стороны, *Дроздова*. — Сопоставленіе земледѣльческаго быта съ фабричною крестьянскою жизнью въ повѣсти «Пахарь», *Де-Пуле*. — Общее содержаніе повѣсти «Пахарь» и поэтическій ея колоритъ, *Водовозова*. — Содержаніе повѣсти Григоровича: «Пахатникъ и бархатникъ» и ея основная мысль, изъ «Сѣверной Пчелы» и *Орловскаго*. — «Свѣтлое Христово воскресеніе» и идиллическій характеръ этого разсказа, изъ «Москвитянина» за 1854 г. — «Свѣтлое Христово воскресеніе» и «Смедовская долина», *Де-Пуле*. — «Прохожій» и «Бобыль», *Де-Пуле*. — «Святочный разсказъ», *его же*. — Матеріалъ романа «Рыбаки» и его освѣщеніе, изъ «Москвитянина» за 1853 г. — Характеристика рыбака, *Налимова*. — Группы дѣйствующихъ лицъ въ романѣ «Переселенцы». — «Гуттаперчевый мальчикъ», «Акробаты благотворительности», «Карьеристъ», ихъ достоинства и недостатки, изъ «Библіографа» за 1885 г. и *Ачкасова*. — «Пикникъ», изъ книжки «Недѣли» за 1896 г. — «Не по хорошу милъ — по милу хорошъ», *Буренина*. — Педагоги въ сочиненіяхъ Григоровича, *W*. — Григоровичъ — поэтъ «сермяжныхъ героевъ», *Острогорскаго*. — Григоровичъ — «старый народникъ и гуманистъ», *Налимова*. — Григоровичъ, какъ

бытописатель русской деревни съ точки зрѣнія нѣмецкаго критика, изъ «Новаго времени» за 1893 г. — Значеніе Григоровича въ области живописи и художественной промышленности, изъ «Новаго Времени» за 1884 г. — Разработка этнографіи и изученіе народной словесности съ 30-хъ годовъ въ связи съ живымъ и теплымъ участіемъ къ народу, *Пыпина*. — Этнографическій элементъ въ произведеніяхъ Григоровича, *Покровскаго К.*

Домашнее ученіе и школьные годы Григоровича.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ родился 19 марта 1822 года.

Трудно представить для начальнаго воспитанія и развитія будущаго «народнаго» писателя болѣе неблагопріятныя условія, чѣмъ тѣ, какія окружали Григоровича въ раннія годы его жизни. Отецъ, — родомъ малороссъ, отставной гусаръ, помѣщикъ, — умеръ вскорѣ послѣ рожденія ребенка, и воспитаніе послѣдняго всецѣло пало на обязанности матери — француженки-эмигрантки, или, вѣрнѣе, бабушки со стороны матери — шестидесятилѣтней старухи-француженки, поклонницы Вольтера, «насквозь пропитанной понятіями, господствовавшими во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка», черствой, безсердечной женщины, считавшей себя къ тому же очень опытной въ дѣлѣ воспитанія, изъ полнаго подчиненія которой во всю жизнь не выходила ея дочь, мягкая, уступчивая по характеру, мать писателя.

Раннее дѣтство Григоровича протекло въ деревнѣ, — небольшомъ имѣніи въ Каширскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, куда семья переѣхала еще при жизни отца. Воспитаніе носило исключительно французскій характеръ. До восьмилѣтняго возраста у Григоровича не было въ рукахъ ни одной русской книжки; ребенка заставляли зубрить французскіе глаголы, твердить вокабулы и т. д. Русской грамотѣ будущій писатель научился отъ своихъ дворовыхъ крестьянъ, преимущественно отъ стараго отцовскаго камердинера Николая, который любилъ ребенка, какъ будто бы онъ былъ «десять разъ его роднымъ сыномъ». Ребенокъ былъ неразлученъ съ Николаемъ. «По цѣлымъ часамъ, — вспоминаетъ писатель, — караулилъ онъ, когда меня пустятъ гулять, бралъ на руки, водилъ по полямъ и рощамъ, разсказывалъ разныя приключенія и сказки... За весь холодъ и одиночество моей дѣтской жизни я отогрѣвался только, когда былъ съ Николаемъ. Когда рѣшено было везти меня въ Москву, и наступила минута разставанья съ Николаемъ, я, какъ изступленный, съ крикомъ бросился ему на шею, истерически рыдалъ, кричалъ и такъ крѣпко обхватилъ его руками, что пришлось силой меня оторвать».

Покидая родительскій кровъ, ребенокъ, «плохо читалъ по-русски» и притомъ съ иностраннымъ акцентомъ, чѣмъ вызывалъ насмѣшки своихъ сверстниковъ-товарищей. Впрочемъ, помимо вліянія Николая,

въ обстановкѣ ранняго дѣтства будущаго писателя были и нѣкоторыя другія условія, которыя также должны были парализовать общій господствовавшій тонъ воспитанія и дѣйствовать на ребенка благотворно. Его мать жила въ деревнѣ довольно уединенно; она мало водилась съ сосѣдями-помѣщиками и, напротивъ, очень близко ставила себя къ быту простого народа. По всему уѣзду, среди сосѣднихъ крестьянъ, она извѣстна была какъ весьма искусная «лѣкарка», и къ ней отовсюду изъ окрестныхъ мѣстъ приходило и пріѣзжало множество простого народа не только за совѣтами, но часто и за лѣкарствами. Вообще, домашняя обстановка Григоровича не носила обычнаго тогдашняго помѣщичьяго характера, и, по словамъ писателя, «не имѣла ничего общаго съ бытомъ сосѣдей-помѣщиковъ того времени». Крестьяне здѣсь были отпущены на оброкъ еще Григоровичемъ-отцомъ, и ребенку не приходилось около себя видѣть тяжелыхъ картинъ злоупотребленія помѣщичьей властью. Напротивъ, разсказы, которые иногда приходилось ему слышать объ этихъ злоупотребленіяхъ, всегда производили на него сильное впечатлѣніе. «Въ нашемъ домѣ, — замѣчаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» писатель, — и тѣни не было ничего подобнаго».

Иностранный характеръ продолжаетъ сохранять воспитаніе и нѣсколько лѣтъ послѣ переселенія ребенка изъ родительскаго дома въ Москву, куда лѣтъ десяти увозятъ его для помѣщенія, сначала въ одной изъ гимназій, потомъ, вскорѣ, когда въ гимназіи ребенокъ заболѣлъ и его должны были взять, — въ одномъ изъ частныхъ иностранныхъ пансіоновъ. Собственно это былъ не пансіонъ: Григоровичъ былъ помѣщенъ въ иностранномъ семействѣ, у одной содержательницы моднаго магазина (г-жи Монигетти), у которой было три сына: желая дать имъ образованіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая, «чтобъ оно обошлось дешевле», она придумала брать къ себѣ на домъ воспитанниковъ; за извѣстную годовую плату они пользовались помѣщеніемъ, столомъ и урокомъ. Атмосфера въ семьѣ была артистическая; она отражалась и на воспитаніи дѣтей. Въ ряду другихъ элементарныхъ предметовъ дѣтей учили рисованію и танцамъ; старшій сынъ хозяйки готовился къ поступленію въ Академію Художествъ. Преподаваніе происходило на французскомъ языкѣ. У Монигетти Григоровичъ пробылъ три года. Его умственныя способности за это время, по его собственному сознанію, «не подвинулись ни на одинъ градусъ». Особенно хромало по прежнему знаніе русскаго языка: мальчикъ не былъ въ состояніи «сочинить и написать по-русски самаго простого дѣтскаго письма»; къ матери онъ писалъ по-французски...

Въ 1835 году Григоровичъ былъ переведенъ въ Петербургъ: мать рѣшила отдать его въ инженерное училище. Съ переѣздомъ въ Петербургъ французскій характеръ образованія замѣняется русскимъ; въ подготовительномъ пансіонѣ, куда помѣщенъ былъ Григоровичъ и гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ, все преподаваніе шло на рус-

скомъ языкѣ; къ тому же учитель русскаго языка, «сжалившись» надъ ребенкомъ, обратилъ на него особенное вниманіе: «онъ, — вспоминаетъ писатель, — принялся за меня съ особымъ усердіемъ, заставлялъ писать подъ диктовку, исправлялъ мою рукопись, разъяснялъ ошибки»...

Въ 1836 году Григоровичъ, хотя и съ трудомъ, выдержалъ экзаменъ въ училище и сдѣлался «кондукторомъ» (такъ назывались воспитанники училища въ отличіе отъ кадетъ). Поступленіе его сюда было, впрочемъ, ошибкой. Григоровичъ съ дѣтства не чувствовалъ ни малѣйшей склонности къ математикѣ и вообще къ точнымъ наукамъ; математика ему совсѣмъ не давалась. Его влекло искусство, и въ училищѣ съ охотой и серіозно онъ занимается только имъ. Григоровичъ бралъ отдѣльные уроки у акад. Тамаринскаго и подъ его руководствомъ цѣлые дни проводилъ за рисованіемъ, горя желаніемъ «вырваться на волю», освободиться отъ ненавистныхъ обязательныхъ наукъ. «Пройдя какимъ-то образомъ во второй классъ, предшествующій послѣднему, я пришелъ къ сознанію, — говоритъ писатель въ своихъ «Воспоминаніяхъ», — что дальше итти нѣтъ мнѣ возможности. Логариѳмы окончательно меня сокрушили; зная, что впереди меня ожидаютъ еще какія-то страшныя дифференціальныя исчисленія, я рѣшился во что бы то ни стало упросить матушку (главнымъ образомъ, бабушку), взять меня изъ училища»... Одинъ случай съ трагическими послѣдствіями помогъ несчастному инженеру, и Григоровичъ поступилъ въ Академію Художествъ.

Общее образованіе и развитіе будущаго писателя, за время пребыванія его въ инженерномъ училищѣ, впрочемъ, значительно подвинулось. Главнымъ образомъ онъ былъ обязанъ этимъ случайному обстоятельству: въ одно время съ нимъ «кондукторомъ» училища былъ и другой, будущій русскій писатель — Ѳ. М. Достоевскій. Серіозностью воззрѣній и вообще развитіемъ послѣдній значительно превосходилъ товарищей. Григоровичъ быстро подпадаетъ его вліянію, — весьма благотворному, по словамъ самого Григоровича. «Достоевскій во всѣхъ отношеніяхъ былъ выше меня по развитости, — замѣчаетъ онъ въ «Воспоминаніяхъ», — его начитанность изумляла меня. То, что сообщалъ онъ о сочиненіяхъ писателей, имени которыхъ я никогда не слыхалъ, было для меня откровеніемъ... Первыя литературныя сочиненія, читанныя мною на русскомъ языкѣ, были сообщены мнѣ Достоевскимъ»... Умственное превосходство Достоевскаго сказывалось и на другихъ товарищахъ; кромѣ Григоровича, около Достоевскаго образовалось нѣчто въ родѣ литературнаго кружка, «который держался особо и сходился, какъ только выпадала свободная минута». Членовъ кружка связывала общая страсть къ чтенію: читалось все безъ разбору, что ни попадало подъ руку и что тайкомъ приносилось въ училище. Нерѣдко бывали и литературные споры, впрочемъ, незамысловатые. «Я вступалъ въ горячій споръ съ Достоевскимъ, — вспоминаетъ, напр., Григоровичъ, — доказывая,

что Рафаэль Санціо значитъ Рафаэль святой, такъ прозванный за его великія творенія; Достоевскій доказывалъ, что Санціо обозначаетъ только фамилію художника, — съ чѣмъ я никакъ не хотѣлъ согласиться»...

Помимо вліянія начитаннаго Достоевскаго, Григоровичъ въ это же время, въ бытность свою въ училищѣ, случайно знакомится съ Некрасовымъ. Послѣдній передъ тѣмъ только что издалъ небольшую книжку своихъ стиховъ («Мечты и звуки», С.-Пб. 1840), и чтобы чѣмъ-нибудь существовать, занимался передѣлками и переводами французскихъ пьесъ для театра... Знакомство на первыхъ порахъ ограничилось, впрочемъ, лишь простымъ визитомъ.

Григоровичъ и въ Академіи Художествъ пробылъ однако недолго. Достигнувъ того, чего такъ страстно желалъ, Григоровичъ какъ-то скоро охладѣлъ къ искусству... Вынесенныя изъ Академіи впечатлѣнія описаны авторомъ въ повѣсти «Неудавшаяся жизнь», проникнутой автобіографическимъ характеромъ. Выйдя изъ Академіи, Григоровичъ поступаетъ на службу въ канцелярію директора Императорскихъ театровъ Гедеонова.

Такова была «школа», пройденная Григоровичемъ. Многаго она не дала, да и не могла дать. Личнымъ усердіемъ и ученикъ похвалиться не могъ: годъ отъ году онъ учился «неохотнѣе, хуже»...

Гораздо больше, чѣмъ школѣ, будущій писатель былъ обязанъ, повидимому, собственному личному чтенію, — и въ этомъ отношеніи, особенно важнымъ для него было, какъ мы видѣли, вліяніе Достоевскаго... *Архангельскій.*

Григоровичъ въ инженерномъ училищѣ по воспоминанію товарища.

Главное инженерное училище, въ которое поступилъ Д. В. Григоровичъ въ тридцатыхъ годахъ (1836 г.), созданное великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ (1819 г.), имѣло совсѣмъ отличный характеръ отъ прочихъ того времени военно-учебныхъ заведеній: составъ училища былъ небольшой (126 чел.); каждый, поступавшій въ училище, былъ не моложе 14 лѣтъ, назывался кондукторомъ и присягалъ на вѣрность службы. Вся внутренняя и внѣшняя обстановка (пища, содержаніе, обмундированіе и проч.) были совсѣмъ иныя, чѣмъ въ кадетскихъ корпусахъ. Молодые люди, считавшіеся на службѣ и пользовавшіеся нѣкоторыми правами (относительно пенсіи) и избавленные отъ тѣхъ взысканій, которыя существовали въ кадетскихъ корпусахъ, щеголяли своимъ мундиромъ и считали свое званіе конфуктора выше имени кадета. Многимъ кондукторамъ были извѣстны кадетскіе порядки, права ротныхъ командировъ въ корпусахъ наказывать тѣлесно воспитанниковъ, и не забыты

были въ военно-учебныхъ заведеніяхъ наставленія бывшаго директора 1-го кадетскаго корпуса ген. Клингера, говорившаго неоднократно: «Die Russen muss man mehr schlagen und veniger lehren».

Въ инженерномъ училищѣ существовали, большею частію, взысканія строевыя, хотя, тѣмъ не менѣе, не мягкія, а скорѣе суровыя; но требованія и взысканія были одинаковыя какъ съ кондуктора, такъ и съ офицера, находившагося въ офицерскомъ классѣ; и кондуктора, отпустившаго длинные волосы, и за длинную шевелюру офицера, стригли «подъ гребенку»; и кондуктора, замѣченнаго въ куреніи табаку, и офицера, курившаго въ классной комнатѣ или на дежурствѣ, сажали подъ арестъ или высылали на службу. Еще строже взыскивали за нарушеніе дисциплины, несоблюденіе формы одежды, головного убора, за хожденіе въ фуражкахъ по улицѣ или въ калошахъ и проч. Тѣмъ не менѣе, въ небольшой семьѣ кондукторовъ, замкнутыхъ по недѣлямъ вмѣстѣ, не получавшихъ газетъ, почти незнакомыхъ съ внѣшнимъ міромъ, дѣлившихъ между собою и горе и радости, представлявшихъ собою отдѣльный мірокъ, были и свои традиціонные уставы, обычаи и, пожалуй, законы. Хотя всѣ эти постановленія иногда были сильнѣе драконовскихъ, но въ сущности заключали въ себѣ много хорошаго, ослабляя въ привычкахъ молодыхъ людей остатки дурного домашняго воспитанія. Сближеніе между товарищами было такъ велико, и эта связь такое имѣла вліяніе на всю жизнь бывшихъ кондукторовъ инженернаго училища, что никакія, ни счастливыя ни несчастныя, обстоятельства не разрушали этой связи. Съ шестидесятыхъ годовъ, къ сожалѣнію, все измѣнилось. Но во внутренней жизни училища долго еще были и свои достоинства и свои недостатки, можетъ-быть, слѣды тогдашняго общественнаго настроенія — преобладаніе старшаго надъ младшимъ: въ училищѣ были старшіе I и II класса и были младшіе: — III и IV класса кондукторы; значеніе старшихъ было такъ велико, и надзоръ надъ младшими былъ такъ серіозенъ и строгъ, что проявленіе въ кондукторахъ младшаго класса нарушенія мѣстныхъ традиціонныхъ обычаевъ или моды, безнравственныхъ привычекъ, отсутствіе честности, хвастовство, и обманъ и проч., позорящіе человѣка проступки, въ особенности кондуктора инженернаго училища, наказывались товарищами старшаго класса или внушеніями всякаго рода, или неисправимому предлагалось выйти въ отставку, и все это дѣлалось келейно, никто изъ начальства этого не зналъ. Къ сожалѣнію, самосудъ, эта домашняя расправа, прививалась и въ семьѣ другихъ двухъ младшихъ классовъ, и тамъ былъ самосудъ, и были старшіе и младшіе — первые были кондукторы III класса, послѣдніе были IV класса (обитатели «Камчатки»), такъ называемые «рябцы». Участь этихъ плотовъ была почти та же самая, какая существовала въ то время во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ школахъ, пансіонахъ, гимназіяхъ, училищахъ, бурсахъ и проч.; вездѣ вновь поступавшіе подвергались всякаго рода насмѣшкамъ, оскорбленіямъ и побоямъ.

Трудно сказать, были ли эти недостатки послѣдствіями дурнаго тогдашняго воспитанія или грубости нравовъ извѣстнаго времени, наконецъ, были ли они порокомъ не человѣка, а вѣка (non vitia hominis, sed vitia saeculi), только они существовали въ инженерномъ училищѣ въ то время, когда Д. В. Григоровичъ поступилъ въ него по экзамену.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Д. В. Григоровичъ о первомъ годѣ своего поступленія въ главное инженерное училище не могъ забыть этого тяжелаго для него времени; уже старикомъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «что онъ рѣшительно не можетъ понять, какъ онъ, мальчикъ по природѣ въ высшей степени нервный, впечатлительный, робкій, мягкій, какъ воскъ, съ развитіемъ запоздалымъ — могъ пережить въ той атмосферѣ, гдѣ товарищи его были суровѣе, безпощаднѣе, чѣмъ само начальство».

Къ этимъ чувствамъ, которыя испытывалъ Д. В. въ первый годъ его пребыванія въ инженерномъ училищѣ, и мнѣнію его о томъ обществѣ, гдѣ онъ началъ служить и жить, можно только прибавить, что Григоровичъ, ни по своему воспитанію ни по своимъ душевнымъ качествамъ и слабостямъ, по крайней мѣрѣ, въ ту пору, какъ мы его знали, совсѣмъ не былъ подготовленъ къ той средѣ общества — своеобычной и суровой, въ которую онъ поступилъ.

Нравственныя страданія начались задолго до поступленія Д. В. въ инженерное училище, съ того дня, какъ старушка-мать привезла его въ пансіонъ инж.-капитана Костомарова, для приготовленія къ экзамену въ инженерное училище. «Первый мой визитъ, — говоритъ Д. В., — къ Костомарову произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе». Онъ увидѣлъ передъ собою пожилого, высокаго офицера съ большими черными усами, съ серіознымъ, даже, сколько ему тогда показалось, суровымъ лицомъ; его испугали бывшіе у Костомарова воспитанники (то были: Достоевскій, Паукеръ, Звѣревъ, Готовскій и др.) и еще болѣе, чѣмъ самъ капитанъ. Каждый день пріемнаго экзамена производилъ на Григоровича особенныя страданія, которыхъ конца онъ не могъ дождаться. Наконецъ, онъ былъ принятъ, и снова начались для него испытанія. Достаточно вспомнить, что Григоровича прежде, чѣмъ онъ поступилъ въ инженерное училище, какъ избраннаго по экзамену для пріема, въ числѣ 15 такихъ же кандидатовъ, повели сначала въ лазаретъ для осмотра, потомъ въ какую-то комнату, гдѣ всѣхъ раздѣли донага («гдѣ онъ корчился, какъ дѣвочка, едва удерживаясь отъ слезъ»). Затѣмъ начались его страданія со вступленіемъ въ училище: нарушилось его спокойствіе, явилась тревога во всемъ; утромъ и вечеромъ барабанный бой, утромъ и вечеромъ классы, въ промежуткѣ строевыя занятія: «стойка», «выправка», маршировка, хожденіе въ три пріема, держаніе ноги навѣсу и опусканіе по командѣ: вѣчный крикъ, команда «смирно», даже тогда, когда всѣ стояли во фронтѣ, молча, какъ вбитые въ землю, и проч., и, въ довершеніе тяжелыхъ впечатлѣній Григоровича, начались назойливыя приставанія, разспросы такъ называемыхъ «старыхъ» кондук-

торовъ, которыхъ забавляла его чувствительность, по ихъ понятіямъ, — женственность; насмѣшки ихъ переходили въ грубость и могли кончиться очень печально для Григоровича, «рябца», если бы не выручилъ его изъ бѣды, случайно проходившій мимо, старшаго класса Радецкій[1]) (Ѳ. Ѳ.), и, узнавъ причину слезъ Григоровича, своими внушеніями не прекратилъ совсѣмъ преслѣдованія его товарищами.

Благодаря богатымъ способностямъ и хорошему домашнему воспитанію, Григоровичъ въ первый годъ пребыванія въ инженерномъ училищѣ учился прекрасно, хотя уже тогда у него были любимые и нелюбимые научные предметы и лекціи симпатичныя и антипатичныя. Ему нравились словесныя науки: исторія, географія, русская и иностранная словесность и др., и сильно не долюбливалъ онъ математики, однѣ лекціи которой производили на него тяжелое впечатлѣніе. «Лишь только что-либо касалось», говоритъ Григоровичъ, — «математической выкладки, вычисленія, мозгъ мой словно вдругъ застилался туманомъ, чѣмъ-то придавливался. При одномъ появленіи преподавателя математики Л. М. Кирпичева, сердце мое замирало». Лекціи же литературы онъ прослушивалъ всегда съ напряженнымъ вниманіемъ, составлялъ по нимъ записки и особенно заслушивался литературными сообщеніями г. Прокоповича, друга Н. В. Гоголя. Литературныя ли лекціи Прокоповича и послѣ него Плаксина были для Григоровича тѣми благодѣтельными сѣменами, которыя нашли обильную и плодотворную почву въ душѣ высокоталантливаго Д. В., или его природное влеченіе къ литературѣ, только уже въ первый годъ его классныхъ занятій онъ началъ предпочитать словесныя науки и равнодушно относиться къ наукамъ спеціальнымъ. Обычное нерасположеніе Григоровича къ этимъ послѣднимъ наукамъ увеличивалось съ возраставшей антипатіей его къ фортификаціи. Онъ не могъ спокойно переносить непріятныя для него насмѣшки преподавателя фортификаціи инж.-поручика Густава К., который не стѣснялся смѣяться надъ отвѣтами Григоровича, когда они были неудовлетворительными, и особенно, когда Григоровичъ позволялъ себѣ замѣнять иностранныя техническія названія простыми русскими: словами такъ, вмѣсто слова «туръ», или «габіонъ», называлъ плетеная корзина, «брустверъ» называлъ: грудная защита (по-старинному: перси), «потерны», «сортіи» — проходами, «брульонъ» — черновой рисунокъ, «банкетъ» — приступокъ, пѣшеходня и др.; все это вызывало грубыя насмѣшки Густава К. надъ Григоровичемъ и доводило его до слезъ.

Въ инженерномъ училищѣ было много такихъ личностей, которыя проникались особеннымъ пристрастіемъ къ какому-либо предмету, увлекались его изученіемъ и, по выходѣ изъ инженернаго училища, своими почтенными трудами достигали почестей и славы, только не на инженерномъ поприщѣ[2]). Точно такъ же и Григоровичъ съ осо-

---

[1]) Впослѣдствіи герой Шипки.

[2]) Достоевскій, Сѣченовъ, Трутовскій, Рехневскій, фонъ-Кауфманъ, Герсевановъ, Лееръ, Струве, Яблочковъ и мн. др.

бенною любовію занимался словесными науками, преимущественно литературою, относясь совершенно равнодушно къ остальнымъ наукамъ, какъ бы предчувствуя, что будетъ занимать его въ будущемъ, и, что, какъ онъ говоритъ, составитъ счастіе всей его жизни.

Рядъ впечатлѣній, испытанныхъ Д. В. Григоровичемъ въ первый годъ его пребыванія въ инженерномъ училищѣ, не дѣлали его грубѣе, равнодушнѣе ко всему, что его прежде занимало и тревожило. Потеря нѣкоторыхъ имъ любимыхъ товарищей, высланныхъ юнкерами въ саперные батальоны, по поводу владыкинской исторіи, желавшихъ, по ихъ понятіямъ, искоренить въ ротѣ наушничество, не уменьшила природныхъ особенностей Григоровича. Его мучилъ недостатокъ искренности въ человѣкѣ, къ которому онъ преданъ былъ душою, съ кѣмъ онъ хотѣлъ раздѣлять минуты своего досуга, въ комъ онъ могъ еще найти сочувствіе къ своимъ мечтамъ, кого онъ уважалъ и любилъ, какъ напр. Ѳ. М. Достоевскій. Это былъ человѣкъ совсѣмъ другого характера, иначе держалъ себя и спокойнѣе смотрѣлъ на все окружающее, чѣмъ Григоровичъ, который говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Ѳ. М. выказывалъ черты несообщительности, сторонился, не принималъ участія въ играхъ, сидѣлъ, углубившись въ книгу, и искалъ уединеннаго мѣста. «Съ неумѣренною пылкостію моего темперамента,—говоритъ Григоровичъ,—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнею мягкостію и податливостію моего характера, я не ограничился привязанностію къ Достоевскому, но подчинился его вліянію». Не только съ этимъ можно согласиться, но и даже съ тѣмъ, что на Григоровича имѣли большое вліяніе начитанность Достоевскаго, знаніе имъ трудовъ многихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, и все, что говорилъ Ѳ. М., для Григоровича, по его словамъ, «было откровеніемъ, назиданіемъ, оказавшимъ благодѣтельное дѣйствіе на всю его будущую литературную дѣятельность». Но надобно припомнить, что эти два человѣка съ дѣтства были двѣ совершенно разнородныя силы, анодъ и катодъ, положительныя и отрицательныя, такъ что то, что нравилось и занимало одного, не могло нравиться другому; что привлекало Григоровича (игры «загонки», танцы, пѣсни, живыя картины и пр.), Достоевскому казалось скучнымъ. На то, что особенно сердило Григоровича: барабанный бой, вытягиваніе носка на маршировкѣ и стояніе, какъ онъ говоритъ, въ журавлиной позѣ на одной ногѣ, пока не скомандуютъ ее опустить —Достоевскій смотрѣлъ равнодушно, усердно вытягивая носокъ, учился подходить на ординарцы, хотя сознавалъ, что, по его тѣлосложенію, болѣзненной структурѣ и по его блѣдному лицу, онъ уже по природѣ не былъ красавцемъ, чтобъ быть представителемъ строевого кондуктора. Григоровича сердили нерѣдко фразы инструктора солдатика образцоваго полка, говорившаго: когда маршируете, то такъ, чтобы «носокъ вашъ игралъ»: когда идетъ по фронту начальство справа, то держите лѣвое ухо вострѣе и смотрите начальству «глазъ въ глазъ»,—однимъ словомъ, ему не нравились обычныя солдатскія

выраженія: «уберите третье ребро, или подавайтесь всѣми средствіями впередъ, не упираясь на оныя» и. т. д. Ѳ. М. Достоевскаго наставленія эти не только не сердили, но казались любопытными по своей оригинальности. Походъ изъ Петербурга лѣтомъ въ лагерь Григоровичу не нравился: его утомляли и аммуниція, и ружье съ «полунагалищемъ» (чехломъ на куркѣ), и тесакъ, шанцовой инструментъ, бившій по ногамъ, и киверъ (всегда наполняемый книгами, апельсинами и пр.), наконецъ ранецъ, тоже набиты не соломой, а «бонбоніерками» и пирожками. Достоевскій, какъ «слабый по фронту», назначался въ «квартирьеры», т.-е. въ число (четырехъ человѣкъ) кондукторовъ, которыхъ посылали съ офицеромъ за день до выступленія роты изъ Петербурга въ Петергофъ, для занятія избъ и сараевъ для ночлега роты, въ дер. «Старая Кикинка».

Какъ зимою, такъ и лѣтомъ, въ лагерѣ, образъ жизни и привычки Григоровича и Достоевскаго не мѣняли своего обычнаго характера. Первый любилъ удовольствія, прогулки, игры, купанья, его занимали фонтаны, штурмы на каскады, а владѣя прекрасно французскимъ языкомъ, онъ легко знакомился съ дѣтьми нашихъ аристократовъ и богатыхъ людей, съ подпрапорщиками и пажами. Второго, Достоевскаго, ничто подобное не занимало, по прежнему его можно было найти или одного въ уголкѣ шатра, съ книгою или письмомъ, всегда задумчивымъ и если говорившимъ, то тихо и особенно продолжительно. Григоровичъ, когда перешелъ въ слѣдующій (III) классъ, и когда вышелъ изъ разряда «рябцовъ», сдѣлался неузнаваемъ: къ природной мягкости присоединилось особое добродушіе, онъ сдѣлался душою общества, и дѣйствительно это была личность милая и сердечная, которая увлекала товарищей своею дружбою и въ особенности своими интересными разсказами, дышавшими неподдѣльною искренностію, веселостію и остроуміемъ. По воспоминаніямъ его товарищей, современниковъ, Григоровичъ лѣтомъ, сидя на завалинкѣ шатра, декламировалъ изъ «Горя отъ ума», «Цыганъ» или наизусть читалъ цѣлыя строфы изъ сочиненій: Державина, Озерова и др. Любимымъ чтеніемъ Григоровича лѣтомъ были переводы де-Шаплета (его времени дежурнаго офицера), романы Вальтеръ-Скотта или сочиненія мисс Эджевортъ, Фенимора Купера, Ламартина и др. Въ рукахъ Достоевскаго никогда не было романовъ, и зимой и лѣтомъ можно было видѣть или рукописи, которыхъ никто не касался, или книги серіознаго содержанія, между прочимъ: Масильона, Монтескье, Zschokke: Die Stunden der Andacht, или Knigge: Über den Umgang mit Menschen и т. д.

Не могу забыть того времени, когда въ молодости, будучи дежурнымъ офицеромъ въ главномъ инженерномъ училищѣ, мнѣ приходилось часто видѣться и говорить со многими молодыми людьми, кондукторами училища. До сихъ поръ въ моей памяти сохранились имена многихъ изъ этихъ юношей, не только занимавшихъ меня своими разсказами и тѣмъ сокращавшихъ часы суровой тогдашней

службы, но и привлекавшихъ меня къ себѣ своею чистосердечною и откровенною бесѣдою. Въ то время не всякое начальство могло вызывать юношей-кондукторовъ къ бесѣдѣ съ нимъ: мнѣ, можетъ-быть, удалось воспользоваться этимъ правомъ, отчасти потому, что между нами была небольшая разница въ лѣтахъ, а, можетъ-быть, они довѣряли моей скромности и ласковому, не служебному отношенію съ ними. Молодежь нерѣдко увлекалась моимъ характеромъ, наклонностями и откровенно передавала мнѣ свои впечатлѣнія, и такимъ образомъ представляла мнѣ случай быть нравственно для нея полезнымъ. Это я узналъ впослѣдствіи, когда, спустя десятки лѣтъ, мнѣ приходилось нерѣдко слышать отъ людей пожилыхъ, заслуженныхъ благодарность за все доброе, мною имъ оказанное, во время ихъ пребыванія въ инженерномъ училищѣ. Припоминая это прошлое, даже давно минувшее, мнѣ ясно представляются многія личности, бывшіе воспитанники училища, у меня сохранились въ памяти нѣкоторые предметы нашихъ разговоровъ, общая ихъ характеристика, и, какъ теперь, помню мои частыя бесѣды съ Достоевскимъ, Григоровичемъ и др. Какъ теперь, слышу тихую, спокойную рѣчь Достоевскаго, передаваемую имъ послѣдовательно остановками, прерываемую имъ, повидимому, съ намѣреніемъ или для облегченія груди или же размышленія. Бесѣда Достоевскаго была для меня интересною по изобилію его начитанности и мастерскому ея изложенію. Совсѣмъ другой характеръ имѣла рѣчь Григоровича: какъ теперь, слышится его звонкій голосъ, его одушевленные, живые разсказы, пополняемые хотя мелкими, но яркими блестками остроумія. Немудрено, что онъ своими разсказами привлекалъ многихъ слушателей изъ своихъ товарищей, даже самыхъ угрюмыхъ. Весьма часто, нечувствительно переходя отъ одного предмета къ другому, отъ минутныхъ впечатлѣній къ мечтамъ о будущности, Григоровичъ то забывалъ о своемъ служебномъ положеніи, объ училищѣ, той средѣ, куда судьба его занесла, и радъ былъ случаю поговорить съ кѣмъ-нибудь, чтобъ подѣлиться своими впечатлѣніями, своими розовыми надеждами; то, чувствуя тягость своей зависимости, Григоровичъ представлялъ себя только тогда совершенно счастливымъ человѣкомъ, когда онъ будетъ на свободѣ, за предѣлами классной жизни, внѣ той школы, которая утомляла его своими уставами, казенщиной, притуплявшей въ немъ всякую энергію. Онъ представлялъ себя художникомъ, артистомъ мысли, чувства, вся жизнь котораго посвящена изящному, искусству, его неизсякаемому источнику очарованія, свѣжести и красоты. Онъ заранѣе радовался успѣхамъ своихъ трудовъ, представляя себя любящимъ общество академикомъ, профессоромъ, лауреатомъ — забывая, что еще нѣсколько минутъ, и команда: строиться «на ученье», или барабанный бой къ вечерней зорѣ разрушатъ его иллюзіи.

Въ памяти знавшихъ Григоровича въ инженерномъ училищѣ сохранилась замѣчательная его любовь къ рисованію, особенная любовь къ изящному; была ли эта способность въ немъ врожденная, природ-

ный талантъ, или явилась и развилась въ училищѣ, частію большою практикою, пріобрѣтаемою, или посѣщеніемъ Эрмитажа, музеевъ и Академіи художествъ, — трудно сказать. Впослѣдствіи, большую часть жизни своей посвящая труды свои литературѣ, Григоровичъ въ то же время и, можно сказать, со страстію занимался также изящнымъ искусствомъ, изучая монументальные памятники живописи, скульптуры, ваянія и проч. Теперь, когда имя его сохранилось въ почтенномъ Обществѣ, поощренія художниковъ, можно припомнить то, что Григоровичъ часто говорилъ, что онъ многимъ обязанъ первому и симпатичному учителю рисованія и черченія, преподавателю этихъ предметовъ въ инженерномъ училищѣ, инженеръ-капитану Ал. Петровичу Реймерсу.

Кромѣ того, что Реймерсъ былъ страстный любитель и знатокъ живописи и пластическаго искусства, это была личность особенно интересная. Воспитанникъ того же училища, первыхъ годовъ по его основаніи, человѣкъ хорошо образованный и отличной души, онъ былъ извѣстенъ въ инженерномъ мірѣ по одному прискорбному случаю. Онъ пострадалъ за то, что не исполнилъ лично ему даннаго приказанія начальства. Въ видахъ сбереженія мундировъ, ежедневно носимыхъ кондукторами, построены были сѣрыя куртки съ кожаными локотниками, и приказано было ихъ надѣть, и, когда послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ приказаній младшаго и затѣмъ старшаго начальства (графа Опермана), кондукторы приказаній не исполнили, увѣдомили объ этомъ генералъ-инспектора по инженерной части, великаго князя Николая Павловича, проживавшаго тогда въ Аничковскомъ дворцѣ. Великій князь скоро пріѣхалъ. Кондукторская рота была въ сборѣ, въ павильонѣ (гдѣ она была первоначально помѣщена). Послѣ выраженнаго великимъ княземъ ротѣ неудовольствія, и, когда на его приказаніе, надѣть куртки не послѣдовало исполненіе, великій князь обратился къ право-фланговому, это былъ кондукторъ Реймерсъ.

— Сейчасъ надѣть куртку! — сказалъ великій князь.

— Простите, ваше высочество, мы не промѣняемъ нашего мундира на куртку фурштата! — отвѣтилъ Реймерсъ.

— Такъ ты надѣнешь лямку солдата! — сказалъ великій князь и оставилъ училище.

Къ счастію, гнѣвъ великаго князя скоро прошелъ. Реймерсъ кончилъ курсъ наукъ и вышелъ въ офицеры, но только прапорщикомъ, котораго долго не производили въ слѣдующіе чины. На его счастіе, когда онъ былъ въ инженерномъ училищѣ уже преподавателемъ ситуацій, рисованія и перспективы и когда перемѣнилось начальство, измѣнился и составъ училища, прошлое было забыто, кондукторы по прежнему носили мундиры, одинъ только виновникъ ихъ сохраненія въ училищѣ оставался въ одномъ чинѣ, — пріѣзжаетъ въ инженерный замокъ императоръ Николай Павловичъ. Государь, обойдя офицерскіе классы, вошелъ въ верхній кондукторскій классъ,

гдѣ читалъ лекцію о перспективѣ и теоріи тѣней прапорщикъ Реймерсъ. Государь полюбовался рисунками кондукторовъ, сѣлъ на первую скамейку подлѣ кондуктора, прослушалъ всю лекцію, всталъ и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Реймерсъ, поди ко мнѣ,—и когда Реймерсъ подошелъ, государь обнялъ его со слезами на глазахъ и нѣсколько разъ повторилъ:— Прошлое забываю; мы по прежнему остаемся друзьями!

Вечеромъ въ тотъ же день, изъ капитула орденовъ присланъ былъ пакетъ съ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени на имя инженеръ-подпоручика Реймерса.

Съ каждымъ годомъ, можетъ-быть и съ каждымъ мѣсяцемъ, развивалась въ Григоровичѣ любовь къ рисованію, къ живописи; онъ все менѣе и менѣе занимался научными предметами. По его словамъ, онъ «годъ отъ году неохотнѣе, хуже учился»; его увлекали, съ одной стороны, чтеніе, съ другой, любовь къ художеству. Въ праздничные дни, не сообщая никому, Григоровичъ сталъ ходить въ Академію художествъ, началъ брать уроки рисованія и живописи у художника Тамаринскаго, а знакомство съ его товарищами-коллегами, ихъ «независимость, — какъ онъ говоритъ, — свобода жизни, при занятіяхъ любимымъ предметомъ», о чемъ, возвращаясь въ училище, онъ разсказывалъ только друзьямъ своимъ, давали ему сильно чувствовать строгую зависимость въ стѣнахъ Михайловскаго зáмка. Скрывая свои мечты отъ своей старушки-матери, Григоровичъ ждалъ съ нетерпѣніемъ времени свободы, «хотѣлось скорѣе вырваться на волю»... Мечты его осуществились скоро, только по поводу прискорбнаго случая.

Въ своей автобіографіи Д. В. Григоровичъ подробно описалъ этотъ случай, какъ, гуляя по Большой Морской, заглядѣвшись на эстампы, выставленные въ окнахъ одного магазина съ картинами, онъ не замѣтилъ проѣзжавшаго мимо великаго князя Михаила Павловича и не отдалъ ему воинской чести, и, еще хуже, будучи позваннымъ къ великому князю, Григоровичъ, подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ страха, бросился въ ближайшій магазинъ, оттуда на Мойку, и, не заѣзжая домой, пріѣхалъ въ училище. Вернувшіеся вскорѣ за нимъ его товарищи Подымовъ и Донцовъ, бывшіе свидѣтели горестнаго случая съ Григоровичемъ, старались его успокоить, и самое взысканіе, послѣдовавшее за этотъ проступокъ, ограничилось кратковременнымъ арестомъ, но этотъ случай такъ сильно подѣйствовалъ на нервнаго Григоровича, что онъ заболѣлъ и изъ лазарета увѣдомилъ свою старушку-мать о своемъ несчастіи, и просилъ ее взять его изъ училища. Никто не могъ измѣнить его намѣренія: ни убѣжденія и уговоры начальства (Шаригорета, барона Розена и Дальвица) ни просьбы его матери и друзей его: Достоевскаго, Бекетова и Витковскаго, не могли убѣдить его остаться въ училищѣ; прошеніе объ увольненіи было подано, и онъ былъ уволенъ изъ училища по болѣзни. Такъ кончилъ службу въ инженерномъ корпусѣ одинъ

изъ весьма талантливыхъ и рѣдкихъ душевныхъ качествъ воспитанниковъ Главнаго инженернаго училища, прославившій впослѣдствіи колыбель своего начальнаго воспитанія своими прекрасными учеными и литературными трудами. *Савельевъ.*

Литературные связи и кружки, способствовавшіе развитію таланта Григоровича.

Еще въ Академіи Художествъ Григоровичъ началъ увлекаться театромъ, преимущественно, впрочемъ, его кулисами. Эти увлеченія еще болѣе усиливаются на службѣ; послѣдняя даже поддерживала и развивала ихъ... Страсть къ театру теперь чередуется въ будущемъ писателѣ со страстью къ чтенію. Все это приводитъ постепенно молодого театральнаго чиновника къ первымъ литературнымъ работамъ. Послѣднія, впрочемъ, долго носятъ крайне случайный характеръ. Прочитавъ драму Сулье «Eulalie Pentnos», Григоровичъ дѣлаетъ переводъ на русскій языкъ подъ заглавіемъ «Наслѣдство»; съ грѣхомъ пополамъ пьеса была даже поставлена на сцену. Затѣмъ принимается за передѣлку водевиля «Шампанское и опіумъ».

Все это сблизило будущаго писателя съ литературнымъ міромъ. По поводу названнаго водевиля Григоровичъ знакомится, а потомъ сближается съ В. Г. Зотовымъ, однимъ изъ плодовитыхъ тогдашнихъ театральныхъ писателей и съ его семьей. Литературная атмосфера этого семейства, полная осмысленнаго труда, дѣйствуетъ чрезвычайно благотворно на выступающаго писателя. Черезъ своего пріятеля, артиста Леонова, жившаго въ это время вмѣстѣ съ издателемъ «Энциклопедическаго лексикона» Плюшаромъ, служившимъ, какъ представитель богатой книжной фирмы, своего рода литературнымъ центромъ, — Григоровичъ знакомится съ послѣднимъ и переводитъ для него съ французскаго небольшія повѣсти и анекдоты. Одновременно съ этимъ Григоровичъ знакомится съ Гречемъ, сыномъ извѣстнаго Н. И. Греча, также передѣлываетъ для него съ французскаго какую-то повѣсть, по собственному выраженію переводчика «верхъ нелѣпости», тѣмъ не менѣе изданную Гречемъ подъ заглавіемъ: «Эрленбургскій священникъ». Въ 1842—1843 гг. Григоровичъ возобновляетъ свое знакомство съ Некрасовымъ и на этотъ разъ становится къ нему въ болѣе близкія отношенія. Некрасовъ тогда еще пробивался своими литературными трудами; но его энергія, неутомимая дѣятельность дѣйствовали на всѣхъ необыкновенно возбудительно. Такое же впечатлѣніе они произвели и на начинающаго писателя. «Жить также своимъ трудомъ, сдѣлаться также литераторомъ, казалось мнѣ», вспоминаетъ Григоровичъ, «чѣмъ-то поэтическимъ, возвышеннымъ, цѣлью, о которой только и стоило мечтать. Я не давалъ себѣ покоя, придумывая сюжеты для оригинальной повѣсти».

У писателя является «страстное желаніе написать что-нибудь свое». Некрасовъ поддерживалъ и развивалъ это страстное стремленіе къ литературному труду и немедленно сдѣлалъ Григоровича въ своихъ предпріятіяхъ ближайшимъ помощникомъ. Впрочемъ, Некрасовъ въ этомъ случаѣ больше дѣйствовалъ, кажется, съ чисто эгоистической, коммерческой цѣлью. Онъ сталъ поручать молодому человѣку, стремившемуся къ литературному труду, разныя работы для различныхъ издававшихся имъ тогда книжекъ, альманаховъ и сборниковъ. Такъ, по порученію Некрасова, Григоровичъ изъ десятка французскихъ брошюръ, трактовавшихъ о танцахъ польки и «редовы», составляетъ одну, подъ заглавіемъ (оно было придумано заранѣе Некрасовымъ) «Полька въ Петербургѣ»; пишетъ, по порученію Некрасова, предисловіе къ сборникамъ: «Зубоскалъ», «Первое апрѣля», составляетъ брошюру о Крыловѣ и т. д. Къ этому времени относится появленіе въ печати первыхъ разсказовъ Григоровича: «Театральная карета», «Собачка», «Штука полотна». Послѣдняя была помѣщена также въ одномъ изъ сборниковъ Некрасова.

Такого рода литературная дѣятельность, однако, не удовлетворяла выступавшаго писателя. Къ этому времени почти уже окончательно сложились литературные взгляды и стремленія Григоровича. Своимъ идеаломъ онъ ставитъ Гоголя. «Писать наобумъ, дать волю своей фантазіи, сказать себѣ: «и такъ сойдетъ», казалось мнѣ, — пишетъ онъ объ этомъ времени, — равносильнымъ безчестному поступку. У меня, кромѣ того, — продолжаетъ онъ, — тогда уже пробуждалось влеченіе къ реализму, желанію изображать дѣйствительность такъ, какъ она въ самомъ дѣлѣ представляется, какъ ее описываетъ Гоголь въ «Шинели», повѣсти, которую я съ радостію перечитывалъ».

«Около этого времени, — разсказываетъ Григоровичъ, — въ иностранныхъ книжныхъ магазинахъ стали во множествѣ появляться небольшія книжки подъ общимъ заглавіемъ: «Физіологіи», каждая книжка заключала описаніе какого-нибудь типа жизни. Родоначальникомъ такого рода описаній служило извѣстное парижское изданіе: «Французы, описанные сами собой». У насъ тотчасъ явились подражатели. Некрасову, практическій умъ котораго всегда стоялъ на сторожѣ, пришла мысль издать что-нибудь въ этомъ родѣ; онъ придумалъ изданіе въ нѣсколькихъ книжкахъ: «Физіологія Петербурга». Сюда, кромѣ типовъ, должны были войти бытовыя сцены и очерки изъ петербургской уличной и домашней жизни. Некрасовъ обратился ко мнѣ, прося написать для перваго тома одинъ изъ такихъ очерковъ». Со стороны Некрасова это была первая важная услуга, оказанная начинавшему писателю: онъ натолкнулъ послѣдняго на первый серіозный литературный трудъ... Григоровичу пришла мысль взять для описанія бытъ петербургскихъ шарманщиковъ; рѣшившись остановиться на этой трудной задачѣ, онъ приступилъ къ ея выполненію съ пріемами самаго строгаго натуралиста. «Я прежде всего, —

разсказываетъ онъ, — занялся собираніемъ матеріала. Около двухъ недѣль бродилъ я по цѣлымъ днямъ въ трехъ Подьяческихъ улицахъ, гдѣ преимущественно селились тогда шарманщики, вступалъ съ ними въ разговоръ, заходилъ въ невозможныя трущобы, записывалъ потомъ до мелочи все, что видѣлъ и о чемъ слышалъ. Обдумавъ планъ статьи и раздѣливъ его на главы, я, однакожъ, съ робкимъ, неувѣреннымъ чувствомъ приступилъ къ описанію». Результатомъ изученій былъ очеркъ «Петербургскіе шарманщики», помѣщенный въ первой части изданнаго Некрасовымъ въ 1845 года сборника: «Физіологія Петербурга», — первая работа, которая обратила вниманіе Бѣлинскаго на молодого писателя и которая поставила послѣдняго на его настоящую дорогу.

Вмѣстѣ съ окончательнымъ выясненіемъ литературныхъ стремленій, около этого времени совершается общій переломъ въ умственной жизни нашего писателя. Связи его съ Достоевскимъ теперь особенно усиливаются. Теперь они даже живутъ на одной квартирѣ. У нихъ было двѣ комнаты съ кухней; одну комнату занималъ Достоевскій, другую — Григоровичъ. Прислуги не было; самоваръ ставили сами, за булками и другими припасами отправлялись тоже сами. Каждый получалъ приблизительно рублей по 50, но денегъ этихъ имъ хватало лишь на первыя двѣ недѣли, — послѣднія двѣ передъ получкою не обѣдали, а пробавлялись лишь ячменнымъ кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ и чаемъ. Это было время, когда Достоевскій оканчивалъ свой знаменитый романъ: «Бѣдные люди». Вмѣстѣ съ Достоевскимъ Григоровичъ увлекается теперь Бальзакомъ. Достоевскій только что передъ тѣмъ окончилъ переводъ «Евгенія Грандэ». И Достоевскій и Григоровичъ ставятъ въ это время Бальзака выше всѣхъ современныхъ французскихъ писателей.

Около того же времени Григоровичъ знакомится съ кружкомъ братьевъ Бекетовыхъ. Послѣднее было рѣшительнымъ моментомъ въ умственномъ развитіи писателя. Григоровичъ такъ разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Собирались, большею частію, вечеромъ. При множествѣ посѣтителей (сходилось иногда до пятнадцати человѣкъ) бесѣда рѣдко могла быть общею; рѣдко останавливались на одномъ предметѣ, — развѣ уже выдвигался вопросъ, который всѣхъ одинаково затрогивалъ; большею частію разбивались на кучки и въ каждой велъ свой отдѣльный разговоръ. Но кто бы ни говорилъ, о чемъ бы ни шла рѣчь, — касались ли событій въ Петербургѣ, въ Россіи, за границей, обсуждался ли литературный или художественный вопросъ, — во всемъ чувствовался приливъ свѣжихъ силъ, живой нервъ молодости, проявленіе свѣтлой мысли, внезапно рожденной въ увлеченіи разгоряченнаго мозга; вездѣ слышался негодующій, благородный порывъ противъ несправедливости... Кружку Бекетова, — продолжаетъ писатель, — я многимъ обязанъ. До того времени, какъ я сдѣлался постояннымъ его членомъ, мои мыслительныя способности обтекались точно туманомъ. Бесѣды съ Достоевскимъ никогда не переходили

предѣловъ литературы; весь интересъ жизни сосредоточивался на ней одной. Читалъ я, правда, много, но читалъ безъ всякаго выбора, — все, что попадало подъ руку, читалъ исключительно романы, повѣсти, жизнеописанія художниковъ. Я ни надъ чѣмъ не задумывался сколько-нибудь серіозно; общественные вопросы меня нисколько не интересовали. Впечатлительный и страстный, я, очертя голову, бросался въ жизнь, отдаваясь минутному увлеченію. Многое, о чемъ не приходило мнѣ въ голову, стало теперь занимать меня; живое слово, отрезвляющее умъ отъ легкомыслія, я впервые услышалъ только здѣсь, въ кружкѣ Бѣлинскаго. Успѣхъ моего умственнаго развитія выразился уже тѣмъ, что моему самолюбію было больно за мою отсталость противъ многихъ изъ бывшихъ товарищей. Литературными моими попытками и тѣмъ, что онѣ печатались, нечѣмъ было гордиться; я вполнѣ уже сознавалъ ихъ незначительность и незрѣлость. Послѣднюю мою повѣсть «Сосѣдка», написанную въ промежутокъ этого времени, я почти стыдился признавать за свою. Я чувствовалъ, что дальше такъ итти нельзя, что каждый, пожалуй, опередитъ меня; и я останусь затеряннымъ. Внутренній голосъ подсказывалъ мнѣ, что во мнѣ что-то есть, что я могу что-то сдѣлать, могу пойти впередъ, — но для этого нужны другія условія, нужно прежде всего, разстаться съ праздною жизнью и оставить Петербургъ. Я такъ и сдѣлалъ. Написавъ матушкѣ о моемъ намѣреніи, я въ 1846 году съ наступленіемъ весны, уѣхалъ въ деревню».

Послѣ четырехмѣсячнаго усидчиваго труда была готова задуманная имъ повѣсть, и авторъ повезъ ее въ Петербургъ. Повѣсть носила заглавіе: «Деревня», и въ томъ же 1846 году была напечатана въ декабрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ».

Время появленія «Деревни» и «Антона Горемыки» было медовымъ мѣсяцемъ въ литературной жизни Григоровича. Прославленныя повѣсти сблизили автора съ молодымъ кружкомъ редакціи «Современника». Григоровичъ особенно сближается съ Боткинымъ и Дружининымъ; сближается также съ В. Майковымъ, Далемъ, Сахаровымъ, Гребенкой; входитъ въ кружокъ князя Вл. Ѳ. Одоевскаго, гр. В. А. Соллогуба; въ Москвѣ знакомится съ Н. Ф. Павловымъ, Н. И. Озеровымъ. Возвеличенный отзывомъ и восторгами Бѣлинскаго, Григоровичъ рѣшается окончательно посвятить себя изученію народной жизни и вскорѣ надолго поселяется въ деревнѣ. Годы 1847—1855, проведенные Григоровичемъ въ деревенскомъ уединеніи, — годы наиболѣе усиленной его литературной дѣятельности; послѣ двухъ знаменитыхъ повѣстей, этими годами исчерпывается почти вся послѣдующая литературная дѣятельность Григоровича. Его произведенія теперь быстро слѣдуютъ одно за другимъ, съ необыкновенной плодовитостью. За этотъ періодъ въ печати являются разсказы, повѣсти и романы: «Бобыль» (1847) и «Капельмейстеръ Сусликовъ» (1848), «Похожденія Накатова или недолгое богатство» (1849), «Четыре времени года» (1849), «Неудавшаяся жизнь» (1850), «Свѣтлое Христово воскресеніе», — про-

стонародное повѣрье (1851), «Свистулькинъ»,— физіологическій очеркъ (1851), «Мать и дочь» (1851), «Проселочныя дороги», — романъ безъ интриги (1852—1853), «Смедовская долина» (1852), «Зимній вечеръ» (1852), «Рыбаки» (1853), «Прохожій», — святочный разсказъ (1854), «Столичные родственники» (1856), «Пахарь» (1856), «Школа гостепріимства» (1857), «Переселенцы» (1855—1856) и нѣсколько позже: «Въ ожиданіи парома» (1857), «Пахотникъ и бархатникъ» (1859) и нѣк. др.

Весной 1858 года Григоровичъ покидаетъ деревню и отъ мирнаго сельскаго коноплянника отправляется, по порученію морского министерства, въ морское путешествіе кругомъ Европы.

Архангельскій.

Путешествіе Григоровича и остальные годы его общественной и литературной дѣятельности.

Въ 1858 году Григоровичъ совершилъ путешествіе въ эскадрѣ Средиземнаго моря. Замѣтки объ этомъ путешествіи отличаются яркостью красокъ, множествомъ любопытныхъ бытовыхъ наблюденій и порой очень удачнымъ юморомъ. Правда, и здѣсь много такихъ подробностей, которыя имѣютъ анекдотическій характеръ; но здѣсь эта анекдотичность, непріятно дѣйствующая на читателя въ романахъ и повѣстяхъ Григоровича, оказывается очень кстати и придаетъ еще болѣе интереса описанію, такъ что «Корабль Ретвизанъ» занимаетъ, несомнѣнно, одно изъ почетныхъ мѣстъ среди русскихъ путешествій и можетъ быть поставленъ вслѣдъ за Гончаровскимъ «Фрегатомъ Палладой», этимъ chef d'oeuvr'омъ литературы подобнаго рода. Одной изъ важныхъ особенностей, сближающихъ оба эти описанія, является стремленіе къ параллелямъ между своимъ русскимъ и заграничнымъ, но у Григоровича это стремленіе сильнѣе, чѣмъ у Гончарова, и оно приводитъ его очень часто къ самымъ грустнымъ размышленіямъ о нашей бѣдности и культурной отсталости, при чемъ, конечно, болѣе всего припоминается ему излюбленный имъ деревенскій бытъ.

По возвращеніи изъ морского путешествія Григоровичъ началъ печатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» новое свое произведеніе, въ которомъ онъ хотѣлъ изобразить два поколѣнія: отживающихъ помѣщиковъ стараго закала и новыхъ, молодыхъ, мечтающихъ о сближеніи съ народомъ; однако, была напечатана только первая часть, подъ заглавіемъ «Два генерала», и широкій планъ остался невыполненнымъ. Здѣсь прежде всего помѣшали хозяйственныя дѣла, такъ какъ мать Григоровича передала ему управленіе имѣніемъ, а это было сопряжено съ массою хлопотъ. Въ результатѣ этого хозяйничанья выяснилось, что оно не можетъ обезпечить Григоровича, и что, по его выраженію, надо предпринять что-нибудь рѣшительное. «Разсчитывать на литературный трудъ», говоритъ Григоровичъ, «для меня

рискованно: я писалъ медленно, копотливо; плата была тогда умѣренная. Я помню очень хорошо, что когда въ «Современникѣ» Тургеневу, Гончарову и мнѣ назначена была плата по шестидесяти рублей съ листа, въ редакціяхъ другихъ журналовъ поднялся страшный гвалтъ; говорили, что при такихъ безумныхъ платахъ нѣтъ возможности издавать журналъ, что это равно разоренію и т. д. Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ и искать мѣста, которое не мѣшало бы мнѣ продолжать мои литературныя занятія». Однако, литературнымъ занятіямъ суждено было прекратиться: Григоровичъ на 20 лѣтъ замолчалъ. Литературной работѣ помѣшали и хозяйственныя хлопоты и новая служба, очень подходившая къ исконнымъ художественнымъ вкусамъ Григоровича и цѣликомъ поглощавшая его время, и, наконецъ, для наиболѣе важныхъ литературныхъ работъ Григоровича уже прошла пора: врагъ, противъ котораго онъ боролся болѣе десяти лѣтъ, былъ уже сломленъ и доживалъ послѣдніе свои дни въ ожиданіи 19-го февраля.

Въ поискахъ службы Григоровичъ обратился къ С. А. Гедеонову, директору Императорскаго Эрмитажа. «Должность секретаря Эрмитажа была мнѣ предложена съ величайшею готовностью; полагалось при этомъ только условіе: прежде чѣмъ получить это мѣсто, я долженъ былъ сдѣлать описаніе всѣхъ отдѣленій Эрмитажа въ такой формѣ, чтобы оно могло служить руководствомъ для посѣтителей. Часть осени и зиму я провелъ за этою работою. Когда она была окончена и напечатана подъ заглавіемъ «Прогулка по Эрмитажу», я узналъ, что обѣщанное мнѣ мѣсто отдано дальнему родственнику тогдашняго начальника Гедеонова. Почти въ то же время происходили выборы въ секретари общества поощренія художествъ. Оно было мнѣ предложено, и я охотно согласился; новая обязанность приближала меня къ художественной сферѣ, близкой моему вкусу. Я думалъ найти время продолжать литературныя занятія, но ошибся. На свѣтѣ нѣтъ маленькаго дѣла: все зависитъ отъ того, насколько примешь его къ сердцу и будешь ему искренно преданъ. Дѣло, порученное мнѣ, заинтересовало меня съ самаго начала, и чѣмъ больше я входилъ въ него, тѣмъ больше оно меня завлекало. Планы различныхъ романовъ и повѣстей лежали пока подъ спудомъ; я и при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, никогда не могъ написать строчки въ Петербургѣ, теперь же и подавно нельзя было объ этомъ думать». Время Григоровича цѣликомъ поглощалось художественными выставками, организаціей музея общества поощренія художествъ, заботами о рисовальной школѣ. Послѣдняя можетъ называться смѣло его дѣтищемъ, — столько онъ положилъ въ нее труда. Не знаемъ, вышли ли изъ нея замѣчательные живописцы, но огромная ея заслуга передъ русскимъ обществомъ заключается въ распространеніи въ массѣ извѣстныхъ художественныхъ свѣдѣній, въ выработкѣ извѣстнаго эстетическаго вкуса, и въ этомъ дѣлѣ, конечно, первая роль принадлежитъ главному руководителю школы. О томъ,

съ какою любовью относился Григоровичъ къ этому своему дѣтищу, мы можемъ узнать изъ воспоминаній бывшей ученицы школы. Вотъ одинъ характерный эпизодъ: «Очень интересенъ былъ обзоръ древней скульптуры въ Эрмитажѣ подъ руководствомъ Григоровича. Зайдя въ концѣ мая въ школу, онъ предложилъ ученицамъ собраться на другой день послѣ экзаменовъ въ Эрмитажъ. Собралось всего 12 человѣкъ, и мы начали обзоръ нижнихъ галлерей древней скульптуры. Осматривали все очень внимательно. Григоровичъ объяснялъ чрезвычайно толково, съ знаніемъ дѣла, ясно, просто, краснорѣчиво, обращая вниманіе на многое, прежде нами уже видѣнное, но пропускавшееся безъ вниманія. Перейдя затѣмъ во второй этажъ, мы и тамъ останавливались только передъ статуями, рѣшившись этотъ день посвятить исключительно скульптурѣ». Само собою разумѣется, что такихъ прогулокъ бывало немало, и вполнѣ понятно ихъ высокое эстетически-образовательное значеніе для довольно разношерстнаго состава учениковъ школы.

Ясно, что всѣ эти заботы и хлопоты не могли оставлять досуга для литературной дѣятельности. За весь двадцатилѣтній періодъ пріостановки Григоровичемъ написано было лишь два разсказа, но съ 1882 года писательская работа возобновляется, а за послѣдніе годы появились, кромѣ «Литературныхъ воспоминаній», заключающихъ любопытный матеріалъ не только для біографіи Григоровича, но и для характеристики многихъ литературныхъ дѣятелей, и такія замѣчательныя вещи, какъ «Гуттаперчевый мальчикъ» и «Акробаты благотворительности». Въ этихъ произведеніяхъ послѣднихъ годовъ передъ нами тотъ же Григоровичъ, какимъ онъ былъ и до перерыва своего писательства. Тѣ же достоинства и тѣ же недостатки. Изъ достоинствъ, конечно, ярче всего свѣтится его гуманизмъ, или филантропія. На нашъ взглядъ, сохраненіе этого гуманизма до глубокой старости и въ такую притомъ эпоху, когда все, казалось, ополчилось противъ гуманизма, когда выступало яростное человѣконенавистничество, — есть признакъ рѣдкой духовной свѣжести. Изъ устъ Григоровича намъ звучалъ тотъ ободряющій голосъ лучшихъ временъ нашей литературы, который и въ жизни совершилъ столько хорошаго... Пусть даже будетъ признано, что по таланту Григоровичъ былъ писатель второстепенный, но все же его человѣчность есть нѣчто настолько свѣтлое, его боевая работа дала въ свое время такіе благіе результаты, что его имя навсегда останется въ ряду славныхъ именъ подвижниковъ нашей литературы и общественнаго прогресса.

Бородинъ.

Некрологъ Григоровича.

Въ лицѣ Дмитрія Васильевича Григоровича русская литература лишилась старѣйшаго своего представителя, одного изъ послѣднихъ могиканъ того движенія, которое, начавшись въ первой половинѣ

40-хъ годовъ и вдохновляемое мощнымъ словомъ Бѣлинскаго, дало Россіи незабвенную плеяду великихъ писателей и общественныхъ дѣятелей, художниковъ слова и воспитателей мысли. Сынъ тульскаго помѣщика и француженки, дочери казненнаго въ революцію роялиста, рано лишившійся отца и воспитанный подъ руководствомъ матери и бабушки, хотя и въ русской деревнѣ, но совсѣмъ на французскій ладъ, — до такой степени, что даже и въ 25 лѣтъ говорилъ по-русски чуть ли не съ акцентомъ, потомъ — воспитанникъ инженернаго училища, промѣнявшій его на академію художествъ, но и здѣсь не сдѣлавшійся серьезнымъ художникомъ, человѣкъ, по своему состоянію и общественному положенію принадлежавшій къ кругу такъ называемой «золотой молодежи», которой во всѣ времена были чужды сколько-нибудь серьезные литературные и художественные интересы и серьезныя мысли, — Григоровичъ, подобно другому нашему «французу» — Пушкину, уже въ ранней молодости почувствовалъ, во-первыхъ, смутное влеченіе къ искусству и литературѣ, а во-вторыхъ — то стихійное вліяніе русскаго народнаго быта и пробудившейся въ ту пору общественной мысли, которое сдѣлало его не только чисто-русскимъ писателемъ, но и выразителемъ задушевныхъ стремленій и идеаловъ лучшей части современнаго ему общества. Свою литературную дѣятельность онъ началъ, можно сказать, шутя, благодаря случайному знакомству съ Некрасовымъ и его друзьями, и смотрѣлъ на нее сначала не больше, какъ на развлеченіе и упражненіе въ русскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ далеко еще не вполнѣ, — и первыя его произведенія не имѣли никакого значенія ни въ художественномъ ни въ идейномъ отношеніи. Это было въ 1843 г., а четыре года спустя Григоровичъ уже сразу обратилъ на себя вниманіе серьезныхъ читателей и занялъ выдающееся мѣсто въ литературѣ двумя разсказами изъ народной жизни — «Деревня» и «Антонъ Горемыка». Эти два разсказа, появившіеся почти одновременно съ первымъ очеркомъ изъ «Записокъ Охотника» Тургенева — «Хорь и Калинычъ», были первыми попытками изображенія настоящей народной жизни, — изображенія не приторно-сентиментальнаго или казенно-патріотическаго, какія были въ ходу до того времени, а, по возможности, правдиваго и имѣющаго цѣлью вызвать въ образованномъ обществѣ, по выраженію Бѣлинскаго, «мысли важныя и грустныя», — мысли о тяжеломъ положеніи безправной крѣпостной массы. Такимъ образомъ, Григоровичъ съ честью раздѣлилъ съ Тургеневымъ ту роль, какая выпала на его долю въ литературной подготовкѣ умовъ къ великой реформѣ освобожденія крестьянъ. Въ этомъ — его крупная и незабвенная заслуга.

Дальнѣйшая литературная дѣятельность Григоровича, начатая такъ смѣло и оригинально, шла въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны, онъ продолжалъ быть, въ своихъ повѣстяхъ и большихъ романахъ («Рыбаки», «Переселенцы»), изобразителемъ крестьянской жизни, а съ другой — далъ рядъ небольшихъ картинокъ изъ быта

разнаго мелкаго петербургскаго люда, которыя въ тѣ времена были у насъ въ модѣ подъ названіемъ «физіологическихъ очерковъ». Наша критика, отдавая справедливость добрымъ намѣреніямъ автора «Деревни», нерѣдко упрекала его въ искусственности и излишней идеализаціи изображаемыхъ имъ крестьянъ, видя въ нихъ гораздо больше сходства съ крестьянами изъ романовъ Жоржъ Зандъ, чѣмъ съ настоящими русскими мужиками. Въ этихъ упрекахъ была своя доля правды,—какъ по тому, что сильное вліяніе французской романистики на всю нашу литературу 40-хъ годовъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, такъ и потому, что Григоровичъ былъ лишь поверхностнымъ и случайнымъ наблюдателемъ русской жизни; но то немногое, что онъ изъ нея зналъ доподлинно, онъ описывалъ вполнѣ реально и независимо отъ постороннихъ вліяній, а то, чего онъ не зналъ по непосредственному наблюденію, подсказывалось ему художническимъ чутьемъ, которое давало ему возможность иногда очень вѣрно и мѣтко угадывать самую суть дѣла. Во всякомъ случаѣ эти повѣсти и романы изъ крестьянской жизни, неудовлетворительныя съ точки зрѣнія позднѣйшаго строгаго народничества 70-хъ годовъ, для своего времени были въ нашей литературѣ живымъ и новымъ словомъ. Что касается «физіологическихъ» очерковъ и большого романа «Проселочныя дороги» (1852), въ которомъ юмористически изображался старинный помѣщичій бытъ, то эти произведенія во всѣхъ отношеніяхъ далеко уступаютъ разсказамъ изъ быта крестьянскаго. Также блѣдными вышли и очерки морского путешествія 1858 г., изданныя Григоровичемъ одновременно съ «Фрегатомъ Палладой» Гончарова, подъ заглавіемъ «Корабль Ретвизанъ».

По своей натурѣ Григоровичъ былъ диллетантъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—человѣкъ не особенно глубокій, но способный искренно одушевляться и художествомъ и хорошими идеями. Но художество у него всегда стояло на первомъ планѣ,— и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ прежде всего былъ талантливымъ живописцемъ-пейзажистомъ. Любя природу и глядя на нее глазами художника, онъ умѣлъ подмѣчать и передавать въ своихъ описаніяхъ такія краски, такіе оттѣнки и настроенія пейзажа, которые свидѣтельствуютъ объ его далеко не заурядномъ талантѣ живописца. Люди и ихъ жизнь являются въ его произведеніяхъ также преимущественно, если не исключительно, съ внѣшней, живописной стороны; ему совершенно чужда психологія сложныхъ душевныхъ движеній. Этимъ же качествомъ отличается и его слогъ; оно ярко сказывалось и въ его устной бесѣдѣ, всегда живой, остроумной и главное—ярко изобразительной. Григоровичъ и писалъ и говорилъ образами и красками. Если бы онъ остался вѣренъ кисти—изъ него, безъ сомнѣнія, вышелъ бы крупный художникъ въ области пейзажа и жанра, онъ промѣнялъ кисть на перо,—но пріемы его творчества отъ этого не измѣнились: его произведенія и въ книгахъ являются такими, какъ-будто они были написаны красками на полотнѣ. Кромѣ Тургенева, едва ли

найдется у насъ писатель, который могъ бы поспорить съ Григоровичемъ въ искусствѣ литературнаго пейзажа.

Съ начала 60-хъ годовъ Григоровичъ оставилъ литературу для практической работы на пользу родного искусства: сдѣлавшись секретаремъ Общества поощренія художествъ, онъ всецѣло посвящаетъ себя этой новой дѣятельности, которою онъ горячо увлекся. Болѣе 35 лѣтъ отдалъ онъ неустанной работѣ на этомъ поприщѣ,—и плоды его энергіи у всѣхъ на виду.

Къ литературѣ онъ вернулся лѣтъ 15 тому назадъ, — но она стала для старика-питателя уже не дѣломъ, а «междудѣліемъ», развлеченіемъ въ свободные часы. Онъ далъ рядъ небольшихъ, тонкообработанныхъ разсказовъ,—«Карьеристъ», «Акробаты благотворительности», «Гуттаперчевый мальчикъ», «Сонъ Карелина» и др., которые, въ пору современнаго литературнаго упадка, напоминаютъ, и по формѣ и по мысли, о лучшихъ временахъ литературы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ началъ въ «Русской Мысли» свои воспоминанія, оставшіяся, къ сожалѣнію, далеко неоконченнымъ отрывкомъ.

Григоровичъ не принадлежитъ, конечно, къ числу писателей, занимающихъ мѣсто въ первомъ ряду нашей литературы; это—не могучій талантъ, призванный «глаголомъ» жечь сердца людей» и открывающій новые гаризонты для мысли и чувства. Онъ и самъ хорошо сознавалъ размѣры своего дарованія и не рвался впередъ въ погонѣ за литературной славой; но онъ сумѣлъ извлечь изъ этого дарованія все, что оно могло дать, и пронесъ его чистымъ и невредимымъ чрезъ всю свою долгую жизнь, не измѣняя тѣмъ свѣтлымъ завѣтамъ, которые были имъ восприняты въ молодости, и стараясь, по мѣрѣ, силъ, провести ихъ въ жизнь. И будущій историкъ нашего общественнаго самосознанія, не колеблясь, постановитъ имя скончавшагося нынѣ старца писателя въ ряду именъ лучшихъ русскихъ людей нашего вѣка.

Морозовъ.

Памяти Григоровича.

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва ль не первый вспомнилъ о народѣ...

Въ сѣромъ, сыромъ и уныломъ «городѣ мертвыхъ» — на петербургскомъ Волковомъ кладбищѣ — противъ могильной плиты И. С. Тургенева появилась другая свѣжая могила, въ которую легъ шедшій въ жизни объ руку съ Тургеневымъ «остальной изъ стаи славной» борцовъ за освобожденіе нашего народа, Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ.

Впервые выступилъ онъ со своими произведеніями болѣе полувѣка тому назадъ (въ 1843 г.). Талантъ его былъ не изъ огромныхъ, но у него было достоинство, не оцѣнимое во всякомъ писателѣ: чистое,

неуклонное стремленіе къ правдѣ. «Писать наобумъ, дать волю своей фантазіи, сказать себѣ: «и такъ сойдетъ!» — казалось мнѣ равносильнымъ безчестному поступку», говорилъ онъ. И, конечно, велика была сила этой искренности и правды, если она смогла впервые обратить къ народу симпатію юнаго въ то время Л. Н. Толстого и заставила сжиматься тоской сердце много извѣдавшаго Бѣлинскаго. «Ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, мучительнаго впечатлѣнія», писалъ Бѣлинскій, прочтя разсказанную Григоровичемъ несложную исторію бѣдствій захудалаго горемыки-крестьянина. Вся сила Григоровича заключалась въ этой правдивости. И до него писали о мужикѣ, но въ авторахъ этихъ писаній всегда чувствовался баринъ, снисходившій говорить о «добрыхъ поселянахъ», которыхъ въ жизни онъ совсѣмъ не зналъ, да и знать не хотѣлъ; въ повѣстяхъ Григоровича впервые сказался писатель-*человѣкъ*, облегчавшій свое наболѣвшее сердце въ бесѣдѣ съ «другомъ-читателемъ» о горькой долѣ меньшого брата. «Впервые», свидѣтельствуетъ такой народолюбецъ, какъ Л. Н. Толстой, «убѣдился я тогда, что надъ русскимъ мужикомъ писатель не долженъ смѣяться». Эта свѣтлая черта сочувствія къ униженнымъ и обездоленнымъ прошла чрезъ всѣ произведенія покойнаго Д. В.

Первая искра любви къ крестьянину заронилась въ душу Григоровича еще въ дѣтствѣ. Сынъ малороссійскаго помѣщика, рано лишившись отца, дѣтскіе годы провелъ онъ на Волгѣ, въ симбирской деревнѣ, но въ обстановкѣ, чуждой русской жизни: его первыя воспитательницы — мать и бабушка — были француженки; бабушка, типичная представительница знаменитаго «вѣка просвѣщенія», съ его любовью къ свободѣ, съ уваженіемъ къ труду, къ «правамъ человѣка и гражданина», воспитала мальчика такъ, что окружавшая его тогдашняя русская помѣщичья жизнь казалась ему непонятной и дикой; онъ со страхомъ видѣлъ, какъ грубые праздные люди для разсѣянія своей скуки лишали человѣческаго образа своихъ крѣпостныхъ людей, одѣвая ихъ шутами и шутовками въ желтые халаты и колпаки, съ нашитыми на нихъ изъ краснаго сукна изображеніями звѣрей; впечатлительное сердце ребенка возмущалось и страдало, когда сосѣдъ-помѣщикъ продавалъ «крестьянскую мелкоту, шушеру», т.-е. дѣтей-подростковъ, отрывая ихъ отъ родителей, чтобы на вырученныя деньги дать возможность своей супругѣ лишній разъ съѣздить въ Москву. Къ великой чести родной семьи будущаго писателя слѣдуетъ сказать, что тамъ не понимали возможности подобнаго отношенія къ крѣпостныхъ людямъ. И, вѣроятно, отъ этихъ-то впечатлѣній дѣтства и ведетъ начало жалость къ бѣдному, обиженному судьбой люду, всегда отличавшая Григоровича.

Но были еще и другія причины этой ранней симпатіи: подобно Пушкину и Тургеневу, и Григоровичъ обязанъ былъ самыми свѣтлыми воспоминаніями своего дѣтства крѣпостнымъ людямъ. Родные старались внушить ребенку благородный, человѣчный образъ мыслей,

но не удовлетворяли самой главной потребности дѣтскаго сердца — жаждѣ ласки, теплаго привѣта: съ нимъ обращались холодно и сухо. И вотъ эту ласку, это безхитростное человѣческое сочувствіе маленькій барчукъ нашелъ въ сердцѣ простого, темнаго человѣка, бывшаго слугою въ ихъ домѣ. До восьми лѣтъ въ моихъ рукахъ не было ни одной русской книги», вспомнилъ впослѣдствіи Григоровичъ, будучи уже прославленнымъ русскимъ писателемъ. «Русскому языку выучился я отъ дворовыхъ, крестьянъ и больше всего отъ стараго отцовскаго камердинера Николая. По цѣлымъ часамъ караулилъ онъ, когда меня пустятъ гулять, бралъ на руки, водилъ по полямъ и рощамъ, разсказывалъ сказки. Помню его ласковое, сердечное обращеніе; за весь холодъ и одиночество моей дѣтской жизни я отогрѣвался, только когда былъ съ Николаемъ. Когда рѣшено было везти меня въ Москву, и наступила минута разставанія съ Николаемъ, я, какъ изступленный, съ крикомъ бросился ему на шею, истерически рыдалъ, кричалъ и такъ крѣпко обхватилъ его руками, что пришлось силой меня оторвать».

Тутъ начинается печальная полоса въ жизни Григоровича: выросши одинокимъ, нервнымъ ребенкомъ, плохо зная русскій языкъ, онъ поступаетъ въ гимназію въ Москвѣ, но не выноситъ тяжкихъ условій учебной муштровки въ ней, переходитъ въ пансіонъ и завершаетъ свои школьныя муки въ петербургскомъ инженерномъ училищѣ, угнетаемый казенщиной, шагистикой и бездушнымъ фронтовымъ формализмомъ. На Григоровича надѣваютъ куртку съ погонами, огромный киверъ, украшенный на макушкѣ краснымъ помпономъ, и въ такомъ нарядѣ будущій писатель становится на Михайловскомъ плацу въ шеренгѣ передъ унтеръ-офицеромъ, медленно протягивающимъ: «Ра-а-зъ!» — и стоящіе передъ нимъ кадеты вытягиваютъ правую ногу и носокъ; затѣмъ шла команда: «Два-а-а!» — слѣдовало медленно поднимать ногу и стоять въ такомъ журавлиномъ положеніи, пока не скомандуютъ: «Три!»

«Даже теперь, когда меня раздѣляетъ отъ этого времени больше полустолѣтія, не могу вспомнить о немъ безъ тягостнаго чувства», говорилъ о своемъ первомъ впечатлѣніи отъ училищной жизни Д. В. Къ этому еще присоединялась ужасающая грубость и дикость нравовъ въ военно-учащейся средѣ. Истязанія скромныхъ, застѣнчивыхъ мальчиковъ, «рябцовъ», «маменькиныхъ сынковъ» были вещью обычной.

Вообще, это было трудное, суровое время для всего русскаго общества. Не только быть военныхъ школяровъ, а всю русскую жизнь хотѣли строить по военному ранжиру. Снаружи — пышность и величіе, внутри — гнетъ сильнаго надъ слабымъ и полное презрѣніе къ человѣческому достоинству, къ свободѣ мысли, къ просвѣщенію. Обычнымъ явленіемъ бывали такіе дѣятели и администраторы, какъ изображенный Григоровичемъ генералъ Пыщинъ. Любя присутствовать на эзкамнахъ», разсказываетъ про него авторъ, «немилосердно преслѣдуя учениковъ за длинные волосы и незастегнутыя пуговицы

и въ то же время преслѣдуя инспекторовъ и директоровъ за нелакированные столы и непатертые полы, онъ любилъ также посѣщать библіотеки; но и здѣсь точно такъ же непрестанной заботой его было подтягивать служащихъ и не допускать ихъ къ безпорядку. Такъ, напримѣръ, посѣтивъ разъ библіотеку какого-то заведенія и найдя, что книги на полкахъ стояли не подъ ранжиръ, онъ тотчасъ же обратилъ на это вниманіе и немедленно потребовалъ отчета. Когда ему объяснили происхожденіе пустыхъ мѣстъ на полкахъ тѣмъ, что нѣкоторыя книги разобраны воспитанниками, то онъ пришелъ въ большое негодованіе и тутъ же изрекъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Дурныхъ книгъ нѣтъ; всѣ надо читать по порядку! А то: эта не хороша, другая не годится; въ этомъ явно проглядываетъ своеволіе!... Брать и читать всегда по порядку!...»

Оставивъ училище, онъ нѣсколько времени работаетъ въ рисовальномъ классѣ Академіи художествъ; но слабость зрѣнія помѣшала ему стать художникомъ, хотя онъ всегда живо откликался на замѣчательныя явленія въ области русской живописи.

Знакомство съ Некрасовымъ и Бѣлинскимъ натолкнуло Григоровича на мысль попробовать свои силы въ литературѣ; но ничего выдающагося онъ не могъ создать, пока лѣтомъ 1846 года не посѣтилъ своей деревни. Полузабытыя воспоминанія дѣтства нахлынули на него, сельская тишь, картины окружающей природы — все это много говорило его художническому воображенію и будило порывы творческой мысли.

Однажды къ матери Григоровича, лѣчившей больныхъ крестьянъ, привезли больную молодую бабу. Ее противъ воли выдали замужъ за грубаго парня, котораго также приневолили жениться на ней; онъ возненавидѣлъ ее, чему не мало способствовали его сестры, началъ бить въ трезвомъ и пьяномъ видѣ, и заколотилъ почти до смерти; баба была въ злѣйшей чахоткѣ, и врядъ ли могла пережить весну.

Разсказъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Григоровича, и исторія бѣдной женщины послужила сюжетомъ для его первой повѣсти изъ крестьянскаго быта. Онъ нашелъ, наконецъ, свое настоящее призваніе—стать бытописателемъ народной жизни. Съ увлеченіемъ начинаетъ онъ собирать матеріалы для задуманнаго произведенія: изучаетъ типы и нравы крестьянъ, прислушивается къ ихъ рѣчи, и самъ же у нихъ учится русскому языку. «Первыя главы повѣсти «Деревня» стоили мнѣ неимовѣрнаго труда», признавался онъ самъ: «французскій языкъ, которымъ меня питали до тринадцатилѣтняго возраста, все еще по временамъ давалъ себя чувствовать».

Но вотъ повѣсть кончена, напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» и произвела на публику различное впечатлѣніе. Чуткіе, передовые люди поняли огромное значеніе этого потрясающаго изображенія народной темноты и жестокости нравовъ, жертвой которыхъ гибнетъ несчастная, забитая мужемъ Акулина; вѣрно угадали въ этой повѣсти обращенный къ обществу призывъ скорѣе просвѣтить этотъ

темный, но вовсе не злой въ душѣ людъ. Но были и такіе читатели, которые презрительно косились на «сермяжныхъ героевъ», боялись, чтобы изящная словесность не «провоняла отъ запаха полушубковъ». Въ одномъ журналѣ помѣстили карикатуру на Григоровича, изобразивъ его въ видѣ человѣка, роющагося въ навозной кучѣ и облитаго помоями; даже одинъ изъ друзей Бѣлинскаго «уцѣпился за нѣкоторыя смѣшныя выраженія «Деревни», и, обрадовавшись случаю поглумиться, сталъ поднимать насмѣхъ всю повѣсть, даже читалъ въ пріятельскихъ домахъ нѣкоторыя, по его мнѣнію, самыя забавныя страницы. Но каково же было его изумленіе», разсказываетъ И. С. Тургеневъ, «каково недоумѣніе хохотавшихъ пріятелей, когда Бѣлинскій, прочтя повѣсть Григоровича, не только нашелъ ее весьма замѣчательной, но немедленно опредѣлилъ ея значеніе и предсказалъ то движеніе, тотъ поворотъ, которые вскорѣ потомъ произошли въ нашей словесности! Насмѣшнику оставалось одно: продолжать читать отрывки изъ «Деревни», но уже восхищаясь ими,—что онъ и сдѣлалъ».

Слѣдующимъ лѣтомъ Григоровичъ опять въ деревнѣ создаетъ вторую повѣсть: «Антонъ-горемыка», исторію жалкаго мужика, принужденнаго для уплаты оброка продавать послѣднюю лошаденку, да и ту у него уводятъ конокрады. Гнетъ крѣпостного права былъ обрисованъ во всей его ужасающей наготѣ, и эта повѣсть, вмѣстѣ съ тургеневскими «Записками охотника», пробила немалую брешь въ твердынѣ нашего рабовладѣльчества.

Съ этихъ поръ и утверждается у насъ такъ называемая «народническая литература», изображающая жизнь и бытъ крестьянства. Самъ Григоровичъ много поработалъ надъ этимъ; онъ показалъ народную нужду, нищету, грубость нравовъ, суевѣрія, которыя гнетутъ нашъ бѣдный народъ. Но онъ же умѣлъ подсмотрѣть и тѣ недюжинныя силы, которыя таитъ въ себѣ этотъ народъ, и которымъ надо помочь развиться.

Можетъ-быть, не всегда и не во всемъ вѣрно рисовалъ онъ крестьянскую жизнь, но его произведенія будили общественную совѣсть, заставляли ее тревожиться вопросами о долѣ мужика, и въ этомъ величайшая заслуга покойнаго писателя.

«Какъ христіане, какъ граждане, наконецъ, просто, какъ честные люди, можемъ ли быть безпечными?» спрашивалъ онъ: «имѣемъ ли мы право бросить этихъ людей на произволъ судьбы, не знать ихъ жизни, ихъ потребностей?... Наше равнодушіе, наше невѣжество въ отношеніи къ быту этого народа, который круглый годъ, всю свою жизнь для насъ трудится и проливаетъ потъ свой,—наше равнодушіе и незнаніе постыдно и безчестно!... Мы наряжаемся, пляшемъ, безумно тратимъ деньги, уважаемъ и принимаемъ за серіозное то, что въ сущности вздоръ, и почти презираемъ то, къ чему обязываетъ насъ совѣсть, религія и всѣ человѣческія чувства... Сердце возмущается, и страшно дѣлается, какъ подумаешь обо всемъ этомъ! Нѣтъ, мы живемъ не такъ, далеко не такъ, какъ бы слѣдовало!...»

Онъ звалъ русскаго человѣка присмотрѣться къ неприглядному существованію крестьянина, къ жизни нашей деревни. «Тутъ», говорилъ онъ, «узнаете вы жизнь народа; тутъ только увидите настоящее русское поле, съ тѣмъ необъятно манящимъ просторомъ, о которомъ такъ много уже слышали и такъ много, быть можетъ, мечтали. Тутъ услышите вы впервые народную рѣчь и настоящую русскую пѣсню, и, головой вамъ ручаюсь, сладко забьется ваше сердце, если только вы любите эту пѣсню, этотъ народъ и эту землю!...»

Годы шли, великое дѣло освобожденія народа совершилось, но осталось еще много зла въ нашей частной и общественной жизни. И Григоровичъ продолжалъ любить и жалѣть всѣхъ людей и все живое. Онъ не могъ равнодушно видѣть безучастнаго отношенія къ людскому горю, не встрѣчающему «ни слова ласковаго ни улыбки привѣтливой». Это затаенное горе чуялось ему и въ понуромъ видѣ бродячаго музыканта, уличнаго шарманщика, «продрогшаго отъ холода, усталаго, томимаго голодомъ, одинокаго, вспоминающаго родныя горы и старуху мать», и въ судьбѣ какой-нибудь бѣдной женщины и ея несчастныхъ ребятишекъ. Видѣлъ ли онъ пестроту шумной толпы и яркій блескъ огней на улицахъ столицы въ веселый вечеръ новаго года, ему сейчасъ же мерещились рядомъ съ этимъ ослѣпительнымъ блескомъ иззябшія, посинѣвшія отъ холоду и голоду нищенки-дѣти. Онъ слѣдитъ далѣе за судьбою такого несчастнаго ребенка и разскажетъ намъ грустную исторію «гуттаперчеваго мальчика», расшибшагося въ циркѣ жертвой злой забавы людей, не считающихъ грѣхомъ любоваться, какъ на потѣху имъ «жизнь человѣческая постоянно виситъ на волоскѣ, и съ ней играютъ, какъ съ мячикомъ».

Всего за годъ до смерти Григоровичъ выступилъ съ горькимъ словомъ укоризны противъ людей, рѣшающихся убивать или мучить животныхъ, обличалъ безнравственность такихъ развлеченій, какъ охота.

«Я имѣю врожденное отвращеніе къ охотѣ», говорилъ онъ о себѣ, «не постигая возможности находить удовольствіе въ истребленіи бѣдныхъ птицъ и зайцевъ. Чувствительность, привитая мнѣ отчасти въ дѣтствѣ воспитаніемъ между женщинами, нѣжно любившими собакъ, кошекъ и птицъ, была тутъ ни при чемъ; освободившись отъ нея впослѣдствіи, я точно такъ же всю мою жизнь оставался ненавистникомъ охоты»...

Меньше гордости и больше милосердія къ нашей меньшей братіи, писалъ онъ, проповѣдуя любовь и состраданіе ко всему живому, что нуждается въ нашей помощи и тепломъ, сердечномъ участіи къ себѣ. И эта проповѣдь любви и милосердія и есть то вѣчное, что останется всегда свѣжимъ и никогда не устарѣетъ въ произведеніяхъ покойнаго писателя.

Демидовъ.

Общій обзоръ литературной дѣятельности Григоровича.

Какимъ разнообразіемъ дышатъ всѣ его произведенія за все время! Предположимъ, вы берете для чтенія его первыя повѣсти 40-хъ годовъ. Пробѣгая ихъ, вы не имѣете возможности сосредоточиться на одномъ какомъ-нибудь лицѣ, на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ. Передъ вами не одна Обломовка или Малиновка, какъ у Гончарова, не два-три выдающихся героя; напротивъ, въ этихъ мелкихъ эскизахъ васъ поразитъ большое разнообразіе лицъ, мѣстностей, сценъ. Вы начали читать повѣсти одну за другой, и пестрый калейдоскопъ очутился предъ вашими глазами. Иногда вы унесетесь съ поэтомъ на одну изъ отдаленныхъ петербургскихъ улицъ, къ высокимъ стѣнамъ домовъ, къ тусклымъ фонарямъ въ какомъ-нибудь переулкѣ, и здѣсь подъ мѣрные удары дождя по крышамъ и мостовымъ слушаете заунывную музыку бѣднаго шарманщика. Иногда авторъ унесетъ васъ своимъ разсказомъ на четвертый этажъ какого-нибудь Щербакова переулка въ столицѣ, гдѣ собрались два пріятеля-чиновника, гдѣ за стѣной раздается пѣніе:

Ты не бойся, моя радость,
Не грусти, моя краса!

Иногда вы попадаете вмѣстѣ съ авторомъ на именины дочерей какого-нибудь коллежскаго секретаря, гдѣ предъ вами и три модницы-дочки, и типичная Саввишна, и самъ коллежскій секретарь Ѳома Ѳомичъ Крутобрюшковъ, и ловкіе танцоры изъ средняго круга. За этимъ сейчасъ же новая картина. Вы очутились въ деревнѣ... Осень. Холодно. Изъ улицы образовалась грязная лужа; густой туманъ затянулъ все село; всѣ крестьяне, спасаясь отъ дождя и вѣтра, сидятъ дома, одна только сиротка Акуля стоитъ у рѣки и сторожитъ своихъ гусей. И передъ вами развертывается вся печальная жизнь этой Акули, начиная съ ея дѣтства и кончая смертью, когда при похоронахъ ее провожаетъ до могилы ея несчастная дочь Дуня. Не успѣли вы отдѣлаться отъ впечатлѣній этой «Деревни» (такъ называется разсказъ), а предъ вами поэтъ успѣлъ набросать новыя сцены, новыя лица. Предъ вами длинной вереницей проходятъ одна за другой картины изъ жизни несчастнаго Антона-Горемыки: и управляющій, и добрые господа, и сцена на постояломъ дворѣ, ярмарка въ провинціальномъ городѣ, и сцена отправки колодниковъ; все это смѣняетъ одно другое и поражаетъ васъ разнообразіемъ и пластичною красотою рисунка.

Впечатлѣніе отъ «Антона-Горемыки» еще не исчезло, а вы, перевернувъ нѣсколько страницъ, уже очутились на новомъ мѣстѣ, среди новой обстановки. Предъ вами помѣщица, кумушки-приживалки, больной старикъ, съ сухощавой грудью, въ дырявой рубахѣ, умирающій за околицей. Отъ «Антона-Горемыки» вы попали къ без-

домному, безпріютному бобылю. Вы находитесь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ полныхъ трагизма сценъ, вы не можете еще отдѣлаться отъ давящаго васъ кошмара, и вдругъ предъ вами другая картина. Предъ вами провинціальный городъ, провинціальный театръ, старикъ-капельмейстеръ Сусликовъ, провинціальные актеры и трагикъ Громиловъ. Едва вы покончили съ Сусликовымъ, едва успѣли увидать, какъ онъ умиралъ въ комнатѣ станціоннаго смотрителя, предъ вами опять деревня; предъ вами, какъ живой, стоитъ въ своемъ синемъ кафтанѣ, въ ситцевой рубашкѣ съ мѣднымъ гребешкомъ за поясомъ, кулакъ-фабрикантъ Никаноръ Ивановичъ. Прошла минута, и вы опять въ Петербургѣ. Вы въ средѣ jeunesse dorée съ улыбкой слушаете разговоръ о продѣлкѣ надъ пріятелями, пустые разговоры о лошадяхъ, о караковыхъ жеребцахъ. Вамъ, можетъ-быть, стало скучно. Поэтъ угадываетъ какъ-будто это. Онъ васъ уводитъ въ среду художниковъ, въ ресторанъ Юргенса. Кругомъ слышны горячіе споры объ искусствѣ, мечты о славѣ и Италіи. Предъ вами проходятъ тяжелыя сцены изъ жизни неудавшагося талантливаго художника Андреева. Вы видите Андреева, начиная отъ его занятій въ академіи и кончая его печальной жизнью почтмейстера въ какомъ-то глухомъ провинціальномъ городишкѣ.

Но и Андреевъ исчезъ. Вы оставили его съ пріятелемъ около кладбища, на которомъ подъ жидкой ветелкой схоронена его сестра, и опять очутились въ деревнѣ. Предъ вами картина села въ Свѣтлое Христово воскресенье, предъ вами Андрей со своей дочерью Ласточкой, предъ вами сельскій храмъ во время заутрени и разложенный костеръ чумаковъ. Вы очутились въ мірѣ народныхъ легендъ, изящно обработанныхъ художникомъ-поэтомъ. Вдругъ предъ вами новая сцена. Вы прогуливаетесь съ авторомъ на берегу Оки, встрѣчаете тамъ порченую и ея мать. Не успѣли вы прочитать эту повѣсть «У порома», въ ушахъ вашихъ какъ-будто все еще раздаются слова несчастной матери: «не отъ человѣка, касатикъ, а отъ Господа Бога», — предъ вами красавецъ Невскій проспектъ, напудренный, завитой Свистулькинъ, и комическое происшествіе на балу, неудачная покупка дома, покупка ленточекъ, — все это своимъ комизмомъ развлекаетъ васъ и помогаетъ вамъ отдѣлаться отъ тяжелыхъ сценъ въ повѣсти «Мать и дочь».

Такъ разнообразны первые мелкіе разсказы и очерки Григоровича, написанные имъ въ сороковыхъ годахъ. Но эти маленькія летучія брошюрки были только прелюдіе другихъ, болѣе крупныхъ произведеній. Съ начала 50-хъ годовъ являются большіе романы поэта; онъ выдвигаетъ впередъ, если можно такъ выразиться, свою артиллерію: въ 1852—1853 годахъ онъ обрабатываетъ обширную картину захолустной помѣщичьей жизни — романъ «Проселочныя дороги». Одновременно почти съ этимъ выходитъ въ свѣтъ лучшее, самое задушевное произведеніе Григоровича — «Рыбаки» (явилось въ концѣ 1852 года). Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1855—56 годахъ написаны

были «Переселенцы», вышла эта объемистая повѣсть о несчастной семьѣ переселенныхъ на новыя мѣста крестьянъ. Какъ-будто утомленный долгой работой надъ многолѣтними повѣстями, Григоровичъ въ концѣ 50-хъ годовъ снова ворочается къ своимъ маленькимъ мелкимъ памфлетамъ и пишетъ «Школу гостепріимства» (1857), «Столичные родственники» (1856), «Въ ожиданіи порома» (1857), «Пахарь» (1856), «Кошка и мышка» (1857), «Пахотникъ и бархатникъ» (1859). И, наконецъ, вся эта кипучая литературная дѣятельность Григоровича замыкается крупнымъ произведеніемъ, послѣдней прощальной пѣснью — дневникомъ заграничной поѣздки, «Кораблемъ Ретвизаномъ». Это было уже предъ самымъ началомъ 60-хъ годовъ. Начало уже свѣтать. Послышался «благовѣстъ прощенья», и старый, какъ-будто утомленный поэтъ сложилъ свое перо, ушелъ мирно съ литературной сцены, заснулъ послѣ работы до своего вторичнаго пробужденія. Изъ бойкаго памфлетиста вышелъ исправный секретарь Общества поощренія художествъ, толкователь и знатокъ искусства; Дмитрій Васильевичъ, авторъ «Деревни» и «Антона-Горемыки», сталъ прежнимъ художникомъ Митей, и опять «старые мастера» — художники овладѣли его вниманіемъ.

Мизиновъ.

Особенности творчества Григоровича.

Въ чемъ заключаются пріемы, эта «лѣстница», приставленная поэтомъ для того, чтобы читатель могъ взобраться по ней до пониманія его произведеній?

Самый любимый первый пріемъ Григоровича — это вывести излюбленное идеальное лицо. Идеальныя лица взяты у Григоровича почти всѣ изъ деревни, за исключеніемъ одного разсказа «Неудавшаяся жизнь», гдѣ идеалистъ взятъ изъ среды культурнаго класса. Впрочемъ, и въ деревнѣ Григоровичъ иногда не находилъ ихъ: по его мнѣнію, человѣкъ, отставшій отъ деревни, вносившій въ эту обитель мира и идеаловъ смуту, начала городской цивилизаціи, — фабричный непригоденъ былъ для идеальнаго лица: оттого-то типы Захара въ «Рыбакахъ» и Мишахи въ «Смедовской долинѣ» отрицательные. Поэтъ искалъ идеаловъ у земли, въ глуши, въ отдаленныхъ деревняхъ. Тамъ, по мнѣнію поэта, и были всѣ тѣ качества, которыхъ лишена была цивилизація. Что касается до типа Андреева, то появленіе его весьма просто объяснимо: Григоровичъ былъ, сказано, половиной души отданъ спеціально искусству, вотъ почему и явилась идеальная фигура талантливаго художника Андреева. Просматривая произведенія Григоровича, на каждомъ шагу видишь идеалистовъ, «сермяжныхъ героевъ», какъ называетъ ихъ и самъ Григоровичъ. Сиротка Акуля въ разсказѣ «Деревня», Катерина въ «Переселенцахъ», отчасти Дуня въ «Рыбакахъ» — все это женскіе характеры идеальные. Это лица, съ устъ которыхъ не сорвется ни одного упрека, это

идеалы труда, доброты, честности. Обратите вниманіе на Катерину въ «Переселенцахъ». Это — олицетвореніе труда. Вся семья Тимоѳея въ Марьинскомъ держится благодаря ей. Она все устраиваетъ сама на новомъ мѣстѣ поселенія и выполняетъ при этомъ случаѣ данное ею обѣщаніе. Когда въ домѣ нѣтъ лошади, мужъ ея, Лапша, бросаетъ работу, она одна занимается полемъ, достаетъ зерна, лошадей, допахиваетъ ниву. На новомъ поселеніи, за неимѣніемъ другой работы, она ставитъ заплаты на крестьянскія коротайки и этимъ содержитъ семью. Въ Катеринѣ, по Григоровичу, идеалъ труда. Но поэтъ не ограничивается этимъ. Суровая съ перваго взгляда, Катерина была одной изъ добрѣйшихъ натуръ. Она не хуже матери ухаживаетъ за сумасшедшей Дуней; оставить послѣднюю на произволъ судьбы значитъ, по словамъ Катерины, «грѣхъ принять на душу свою». Она боится оставить больную на попеченіе господъ; она боится, что безъ нея Дуню закидаютъ грязью даже деревенскіе ребятишки. Катерина добра ко всѣмъ, и поэтому она предлагаетъ все въ распоряженіе пріѣзжаго торгаша. О честности ея не можетъ быть и рѣчи: когда она вступаетъ на скотный дворъ, прекращаются въ первый же мѣсяцъ всякія плутни, и все тамъ идетъ иначе.

Такихъ же идеалистовъ выбираетъ Григоровичъ среди мужскихъ типовъ деревни. Цѣлый рядъ ихъ выведенъ въ его разсказахъ: «славный, добрый, смирный мужикъ» (по отзыву фабричнаго) Антонъ-Горемыка, Андрей въ разсказѣ «Свѣтлое Христово воскресеніе», больной старикъ въ «Бобылѣ»; Ваня въ «Рыбакахъ», безкорыстно оплакивающій дядю Акима и охарактеризованный Кондратіемъ въ такихъ словахъ: «добрая ласковая душа! Памятенъ ему всякъ человѣкъ», — все это одни идеалы. Сюда же относится Петя въ «Переселенцахъ», отказывающійся отъ всякихъ процентовъ, Анисимычъ въ «Пахарѣ», Савелій въ «Кошкѣ и мышкѣ». Чтобы ознакомиться съ идеалами Григоровича, можно остановиться на самыхъ задушевныхъ типахъ поэта — на Глѣбѣ и дѣдушкѣ Кондратіи въ «Рыбакахъ».

На первый взглядъ Глѣбъ, старый рыбакъ Оки, можетъ показаться не идеальнымъ типомъ; его, пожалуй, можно назвать человѣкомъ спекуляціи, барышникомъ. Онъ принимаетъ къ себѣ въ домъ Акима и Григорія. И почему? Здѣсь нѣтъ мѣста какимъ-либо возвышеннымъ идеаламъ, здѣсь все дѣлается изъ расчета: «Глѣбъ», — говоритъ Григоровичъ, — «смекнулъ, что двоихъ выгодно оставить у себя въ домѣ. Акимъ будетъ работать только изъ-за хлѣба, а Григорій впослѣдствіи можетъ стать лишнимъ столбомъ, опорой и надеждой дома». Возьмите отношенія Глѣба къ семьѣ; здѣсь опять вездѣ утилитарный взглядъ. Сноха для него только «новая работница на смѣну старухѣ». Глѣбъ вездѣ крайній экономъ. Какъ ему непріятна свадьба Григорія! Съ горечью въ сердцѣ отворяетъ онъ завѣтнымъ витымъ ключомъ сундучокъ въ своей каморкѣ и жертвуетъ на эту свадьбу. Самъ поэтъ замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ про Глѣба, что въ немъ нерѣдко «замѣчался тотъ грубый эгоизмъ, который часто встрѣчается

въ семьянистомъ мужикѣ». Таковы, между прочимъ, черты Глѣба. Но рядомъ есть еще и другія. Этотъ старикъ, воспитанный среди глуши, среди патріархальнаго быта, удержалъ въ себѣ много старины. Отцовская власть его не знаетъ предѣловъ: въ дѣлахъ хозяйственныхъ, семейныхъ никто не можетъ подать голоса; 20-лѣтніе сыновья не могутъ отойти за версту отъ дома, жену свою онъ пригласилъ только разъ въ жизни посовѣтоваться, отпускать ли изъ дому Гришуху.

Но эти, повидимому, отрицательныя качества стушевываются въ описаніи Григоровича. Отцовская власть Глѣба, мы видимъ, не приводитъ къ худымъ результатамъ. Глѣба нельзя укорять за то, что онъ преслѣдовалъ все дурное въ семьѣ: примѣръ старшихъ сыновей, вышедшихъ изъ-подъ отцовской власти, показываетъ намъ, что̀ сталось безъ Глѣба: Ваня, послѣ возвращенія на родину, узналъ о нихъ, что они перессорились и проживали, Богъ знаетъ, гдѣ. Что вышло бы изъ Григорія, если бы не было власти старика? Что̀ было бы, намъ извѣстно, потому что извѣстно, что сдѣлалъ Григорій, когда не стало Глѣба. Нельзя, съ другой стороны, строго относиться и къ финансовой оцѣнкѣ лицъ у Глѣба, къ его скопидомству. Человѣкъ, который до 60 лѣтъ, иногда по колѣно въ замерзшей рѣкѣ, добывалъ себѣ гроши и клалъ въ сундукъ, человѣкъ, не знавшій покоя цѣлую трудовую жизнь, могъ пожалѣть, что его трудовыя деньги идутъ на свадьбу Гришки, свадьбу, не особенно ему пріятную. У Глѣба и не могло быть оцѣнки лицъ другой, кромѣ финансовой: онъ самъ цѣнилъ себя, какъ рабочаго вола, и потому не терпѣлъ, чтобы Акимъ, Григорій или кто другой жилъ на счетъ его стариковскаго труда. Но совсѣмъ иначе поступилъ Глѣбъ съ Кондратіемъ: онъ ясно видѣлъ, что съ Кондратія нечего спрашивать того, что можно спросить съ Григорія, тутъ пропала у него меркантильная точка зрѣнія, и онъ отъ души предлагалъ уголъ Кондратію.

Въ другихъ отношеніяхъ старый рыбакъ у Григоровича не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Это идеалъ, «сермяжный герой». Это такое же олицетвореніе трудолюбія, какъ и другіе герои Григоровича. «Богъ труды любитъ», — вотъ завѣтъ Глѣба, вотъ то религіозное вѣрованіе, которому оставался всю жизнь вѣренъ рыбакъ Оки. Онъ всегда слѣдуетъ этому завѣту. Лѣтомъ и весной просыпается онъ вмѣстѣ съ жаворонками, зимою и осенью вмѣстѣ съ солнцемъ; онъ не спитъ даже тогда, когда все кругомъ покоится сномъ, когда еще спятъ куры и голуби, завернувши головки подъ свои пушистыя перья. Глѣбъ въ работѣ не отстаетъ отъ здоровой молодежи, отъ сыновей и работниковъ. Убѣжденіе Глѣба не заключается въ томъ, что у человѣка долженъ быть хлѣбъ, потому что есть ротъ; онъ сердечно вѣрилъ, что Бога можно благодарить только молитвой и трудомъ. Наканунѣ смерти этотъ старикъ, подъ проливнымъ дождемъ, ѣдетъ въ лодкѣ по Окѣ и ловитъ неводомъ рыбу. Ока была для него ареной труда, она укачала его силы, но онъ не проклялъ ее

за это: полумертвый, онъ садится на лавкѣ, глядитъ на бурную рѣку и посылаетъ ей прощальный привѣтъ: «Прощай, кормилица! Намъ уже больше не видѣться съ тобой». Разстаться съ трудомъ, умирать, оставить свой неводъ для Глѣба значило слишкомъ много: когда онъ въ послѣдній разъ оторвался отъ лодокъ и черезъ силу пошелъ къ дому, ему казалось, что онъ несетъ на себѣ гробъ близкаго родственника.

Рядомъ съ этимъ беззавѣтнымъ трудомъ въ Глѣбѣ замѣчательная сила характера. «Въ продолженіе 60-лѣтней жизни, — говоритъ Григоровичъ, — Глѣбъ не зналъ, что̀ значитъ отчаиваться, плакать, убиваться, падать духомъ». Возьмите сцену прощанія Глѣба съ сыномъ: онъ говоритъ здѣсь женѣ, что лишніе проводы — лишнія слезы; возвратившись домой, онъ не спитъ, не пьетъ, только лежитъ на своихъ вершахъ, и въ то же время говоритъ женѣ: «у меня, — чтобъ я этихъ слезъ не видѣлъ!» И рядомъ съ этимъ желѣзнымъ характеромъ въ Глѣбѣ какая-то мягкость, веселость: смѣясь онъ работаетъ; поострить и надъ Акимомъ и поиграетъ съ дѣтьми; на лицѣ его вы не видите ни постоянной суровости ни грусти. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ этимъ желѣзнымъ равнодушіемъ Глѣба скрыты глубокія нравственныя силы. Какъ онъ любилъ своего сына! Онъ не могъ вспомнить о немъ, онъ груститъ о немъ на свадьбѣ пріемыша; онъ, и умирая, говоритъ о немъ: «не забывайте о немъ всѣ; передайте ему мое благословеніе; умиралъ старикъ, скажите, умиралъ, его поминаючи»; вотъ слова, которыя произносилъ умирающій старый рыбакъ.

Въ Глѣбѣ воплотился идеалъ Григоровича, идеалъ человѣка, не тронутаго культурой, представителя глубокой старины. А рядомъ съ этой фигурой стоитъ другая фигура — дѣдушки Кондратія.

Въ этомъ старикѣ не было той физической мощи, какая была въ Глѣбѣ. Захаръ подъ пьяную руку не могъ похвастать предъ своими товарищами шириною плечъ и высотою груди Кондратія, какъ онъ хвасталъ ими въ Глѣбѣ. Но духовный міръ Кондратія выше Глѣбовскаго. Это такой же беззавѣтный поклонникъ труда, какъ и Глѣбъ. «Пока Господь грѣхамъ терпитъ, не отымаетъ рукъ, пока глаза видятъ, долженъ всякъ человѣкъ трудиться, какія бы ни были его лѣта; труды наши — та же молитва передъ Господомъ», — вотъ заповѣдь дѣдушки Кондратія. Онъ трудится, потому что, по его убѣжденію, должна трудиться всякая тварь, начиная съ муравья и мошки и кончая человѣкомъ. Кондратій трудится, потому что въ «трудахъ жили святые отцы», потому что трудились и сами апостолы Христовы. Трудиться по Кондратію значило радоваться въ жизнь. И старикъ остался до гроба вѣренъ этому убѣжденію: онъ трудится на озерѣ, трудится пастухомъ, ковыряя лапти, трудится даже тогда, когда отъ старости дрожитъ рука и кочадыкъ не попадаетъ въ лапти (ему было около 90 лѣтъ). Благодаря труду, Кондратій всегда сохранялъ личную независимость, и его нельзя было попрекнуть взя-

тымъ кускомъ хлѣба; его, напр., Анна и Дуня уговариваютъ перейти къ нимъ, а онъ отвѣчаетъ, что его не оставитъ Богъ, какъ не оставляетъ Онъ маленькихъ пташекъ. Даже его не могъ уговорить въ этомъ и Глѣбъ. «Нѣтъ, видно, тебя не уломаешь», говоритъ онъ. Если даже Кондратій и сказалъ Глѣбу, что придетъ къ нему послѣ за помощью, то здѣсь не видѣлъ «поклона»: «земля землѣ не кланяется», сказалъ онъ оригинально въ отвѣтъ.

Такимъ образомъ по идеаламъ Кондратій стоитъ не ниже Глѣба. Но есть пункты, гдѣ личность Кондратія стоитъ выше товарища его. Практическій Глѣбъ узко понималъ слово «трудъ»: книга для него «пустое дѣло», «доля рыбака не книжки читать, а неводъ таскать». Вотъ почему Глѣбъ неодобрительно смотрѣлъ на занятія Вани. Почему у Глѣба выработался такой взглядъ, сказать трудно: можетъ-быть, на него подѣйствовалъ примѣръ одного «книжнаго человѣка», пьяницы Кавычки, и потому-то онъ составилъ себѣ невыгодное понятіе о «грамотникѣ» или, какъ онъ выражался, «о дьячкѣ». Дѣдушка Кондратій, наоборотъ, дорожитъ грамотой; онъ учитъ Григорія и Ваню и называетъ грамоту «добрымъ дѣломъ». Сколько было радости у Кондратія, когда онъ получилъ письмо отъ Вани послѣ долгой, многолѣтней разлуки. И другія черты Кондратія какъ-то мягче, нѣжнѣе, чѣмъ у Глѣба. У него нѣтъ суровости, строгости отца Вани. Кондратій добродушно обращается съ Дуней, онъ не держитъ ее въ такой опекѣ, какъ Глѣбъ, онъ не соглашается съ Глѣбомъ въ томъ, что Гришкѣ нужно переломать ребра. «Этимъ не поможешь, — говоритъ кротко Кондратій: — не тронь ты его, пуще не грози, не подымай рукъ, побоями да страхомъ ничего не сдѣлаешь. Переговори лучше добрымъ словомъ, возьми кротостью, терпѣніемъ». Такъ отвѣтилъ Кондратій на предложеніе Глѣба — погрѣть Гришкѣ бока. Этою-то мягкостью и отличается 90-лѣтній старикъ отъ своего товарища. Мягкость его сказалась и въ самомъ внѣшнемъ видѣ: это не былъ физически бодрый старикъ, какъ Глѣбъ; Глѣбъ казался ему самому дубомъ, котораго не сломитъ буря; свѣтло-голубые глаза Кондратія смотрѣли съ какою-то дѣтскою простотою, у него не было мужественнаго, энергическаго, румянаго лица Глѣба, не было быстрыхъ пронизывающихъ, пылавшихъ въ минуту досады глазъ, не было пышныхъ черныхъ, кудрявыхъ волосъ Глѣба.

Таковы герои Григоровича въ «Рыбакахъ». Поэтъ выдвинулъ ихъ; онъ нарочно выставилъ ихъ идеалы, особенно идеалъ труда, чтобы этимъ подкупить читателя, онъ нашелъ ихъ въ той глуши, которую любилъ такъ самъ, въ той глуши, гдѣ, по его словамъ, «хранится сокровища добра и правды». Онъ доказалъ читателю, что идеаловъ надо искать въ неиспорченной деревнѣ. Но этого мало. Иной читатель безучастно могъ пройти мимо этого героя, могъ не симпатизировать идеаламъ этихъ поэтическихъ образовъ. Григоровичъ не возбудилъ бы такимъ образомъ симпатіи къ своему герою, тѣмъ болѣе, что краски его иногда такъ радужны, такъ веселятъ глазъ

(особенно въ «Рыбакахъ»), что читателю нѣтъ надобности превращаться въ филантропа, въ душѣ его могло бы пробудиться одно даже чувство удовольствія при чтеніи прекрасныхъ картинъ рыбацкой жизни. Наконецъ, самая проповѣдь о трудѣ, извѣстно, всегда, какъ и всякое поученіе, мало даетъ иногда результата. Поэтому нужно было задѣть другія стороны, подѣйствовать съ той стороны. Отсюда вытекаетъ другой пріемъ Григоровича.

Прочитывая Григоровича, обращая вниманіе на типы сермяжныхъ героевъ, читатель невольно замѣтитъ одну сторону творчества поэта. Оказывается, большинство героевъ Григоровича—это несчастные страдальцы, это идеальные мученики. Для поэта мало выставить идеальныхъ Петю или Катерину, мало этихъ свѣтлыхъ образовъ, успокоивающихъ душу читателя, ему нужно заставить ихъ страдать, ему нужно пробудить въ читателѣ жалобное чувство къ своему сермяжному герою. У Григоровича, можно сказать, вездѣ одно страданіе. У него страдаетъ бѣдный шарманщикъ среди глухихъ улицъ Петербурга; у него страдающей выведена Акуля въ «Деревнѣ», страдаетъ Антонъ-Горемыка, страдаетъ бобыль, страдаетъ Андрей съ Ласточкой, страдаетъ мать съ сумасшедшей дочерью въ разсказѣ «У порома»; романъ «Переселенцы» безошибочно можно назвать Одиссеей страданій семьи Лапши. Героевъ Григоровича всѣ обижаютъ, бьютъ; ихъ плохо кормятъ, ихъ бьютъ за каждаго пропавшаго утенка; ихъ бьютъ, такъ сказать, и снаружи и снутри: бьютъ и внѣ дома, бьютъ подъ пьяную руку и домашніе; ихъ посылаютъ черезъ силу работать. Идеалисты Григоровича обливаются слезами; у нихъ нерѣдко исхудалая грудь, они дѣлятъ часто свою радость только съ животными, они фигурируютъ въ качествѣ колодниковъ; несчастныя идеальныя дѣти у Григоровича дрожатъ отъ холода,—словомъ, всѣ претерпѣваютъ массу и физическихъ и нравственныхъ страданій. И перо поэта какъ-то особенно умѣетъ оттѣнять эти сцены страданій. Позволю себѣ для примѣра напомнить одну изъ этихъ сценъ. Въ концѣ повѣсти «Деревня» везутъ на кладбище Акулину. Григорій подвязалъ веревками гробъ къ розвальнямъ, для «куража» выпилъ немного, приладился на край гроба, нахлобучилъ на глаза шапку, махнулъ вожжами и ѣдетъ. Дочь Акулины, Дуня, которая прежде, стояла ли стужа, шелъ ли дождь, пекло ли солнце, всюду ходила за матерью, нарочно въ этотъ день заперта въ камору.

«Вьюга злилась,—продолжаетъ Григоровичъ.—Дорогу заметало. Цѣлыя горы снѣгу разсыпались на голову Григорію. Онъ, ошеломленный виномъ, ни на что не обращалъ вниманія и только хлесталъ и стегалъ клячу, которая то и дѣло вязла въ оврагахъ. Вдругъ, посреди завыванія вѣтра и шума метелицы, ему послышались крики. Онъ оглянулся. Въ мутныхъ волнахъ между сугробами, сломя голову, бѣжала Дунька. Григорій приподнялся на облучкѣ и погрозилъ ей. «Пошла, пострѣлъ, домой! Пошла домой!» кричалъ онъ и съ остервененіемъ колотилъ клячу. Хмель успѣлъ обуять его.

Удары сыпались за ударами. Лошадь несла во всю мочь. Изрѣдка оборачивался Григорій назадъ. «Пошла домой, пострѣлъ!—горланилъ онъ:—пошла домой! Вотъ я те окаянную!» А Дунька все бѣжала и бѣжала...

«Вьюга становилась сильнѣе. Снѣжные вихри и ледяной вѣтеръ преслѣдовали ребенка, и забирались ему подъ худенькую его рубашонку и обдавали его посинѣйшія ножки и повергали его въ сугробы, но онъ все бѣжалъ, все бѣжалъ... Вой вѣтра становился слышнѣе и слышнѣе. То взрывалъ онъ снѣжные хребты и яростно крутилъ ихъ въ замутившемся небѣ, то гналъ передъ собой необозримую тучу снѣга и, казалось, силился затопить поля, лѣса, все Кузьминское со всѣми его жителями, амбарами, угодьями и господскими хоромами».

Въ этой сценѣ—образчикъ художественнаго паѳоса Григоровича, образчикъ глубокаго человѣческаго сочувствія къ бѣдному ребенку. Изъ этой сцены видно, какъ умѣетъ поэтъ подбирать мастерски краски для своихъ печальныхъ картинъ. Таковы картины «Деревни». «Переселенцы», эта Одиссея страданій, есть цѣлая вереница печальныхъ картинъ съ начала до конца. Поэтъ какъ-будто нарочно задался цѣлью ввести читателя въ эту мрачную картинную галлерею, такъ или иначе связанною съ исторіей семьи Катерины. Онъ вамъ опишетъ домъ въ деревнѣ, отсутствіе даже засова у воротъ, полусгнившій соломенный навѣсъ, еле державшійся на кривыхъ столбахъ, падающую ригу, поломанныя орудія хозяйства, запущенный дворъ. Такова первая изъ картинъ. За ней идетъ другая: семья ужинаетъ обглодками хлѣба, приправленными кисленькимъ квасомъ. И за этими двумя потянулись эти картины до безконечности: сумасшедшая Дарья, уводъ сына Степана, похищеніе слѣпыми странниками Пети, покиданіе родного клочка земли, сопровождаемое плачемъ всѣхъ; несчастія на новыхъ мѣстахъ; печальная жизнь мальчика Пети у Верстана, постоянныя затрещины и пинки, путешествіе ребенка въ знойные, нестерпимые дни, постоянная боязнь за Мишу; полная тревогъ жизнь маленькаго бѣглеца и т. д.—все это какъ-то мрачно, печально.

Неудивительно поэтому, что повѣсти и разсказы Григоровича производили въ свое время на пессимистически настроенныхъ людей 40-хъ и 50-хъ годовъ страшное, подавляющее впечатлѣніе. Траурная кайма повѣсти соотвѣтствовала трауру души современниковъ поэта. Въ одномъ изъ номеровъ тогдашняго «Современника» Бѣлинскій нашелъ повѣсть «Антонъ-Горемыка» и вотъ что писалъ послѣ Боткину: «Повѣсть измучила меня. Читая ее, я все думалъ, что присутствую при экзекуціяхъ. Страшно!» Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «перечитывать Антона я не буду, хотя всегда перечитываю по нѣскольку разъ всякую русскую повѣсть, которая мнѣ понравится. Ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнія». На этомъ примѣрѣ Бѣлинскаго мы видимъ, какъ дѣйствовали въ свое время разсказы

Григоровича. Не составляли исключенія въ данномъ случаѣ даже «Рыбаки»: надъ жалостной сценой проводовъ Вани, вѣроятно, плакала не одна чувствительная душа: «слезы навертываются на глаза,— говоритъ одинъ изъ людей 50-хъ годовъ,—когда читаешь эти съ неподдѣльнымъ чувствомъ написанныя страницы». А между тѣмъ «Рыбаки»—одна изъ свѣтлыхъ картинъ галлереи Григоровича. Нужно замѣтить при этомъ, что особенно мрачнымъ колоритомъ отличаются первыя мелкія повѣсти поэта: «Антонъ-Горемыка», «Бобыль», «Деревня» (первыя двѣ въ 1848 г., а послѣдняя въ 1846 г.). Здѣсь вездѣ страданіе или смерть, это безпросвѣтная, душная ночь безъ капли свѣту, безъ малѣйшей прохлады. Отчего такъ было, сказать трудно: можетъ-быть, въ этихъ густыхъ краскахъ сказалась молодость, которая всегда, извѣстно, и горячо любитъ и горячо ненавидитъ. Но потомъ, или по не зависящимъ отъ поэта обстоятельствамъ, или потому что

Броженье юноши унялось,
Остепенился вдругъ поэтъ,

Григоровичъ сталъ сглаживать темные, густые штрихи, онъ началъ вводить особаго рода примиряющій элементъ. Если онъ прежде раздражалъ читателя сплошь до конца, если читатель прежде закрывалъ книгу среди «мучительнаго, гнетущаго» впечатлѣнія, то насколько иначе было въ позднѣйшую пору! Поэтъ началъ успокоивать читателя, онъ сталъ давать ему возможность отдохнуть отъ тяжелыхъ сценъ, онъ сталъ вставлять въ свои произведенія болѣе свѣтлыя, успокоивающія глазъ картинки. Читатель, кончивъ повѣсть, уже скорѣе долженъ былъ оставить ее наполовину примиренный, потому что Григоровичъ сталъ рисовать въ концѣ повѣсти не одни страданія; его герои-идеалисты уже не умирали, они становились счастливцами, передъ читателемъ въ концѣ повѣсти была убаюкивающая нервы картина спокойной, счастливой жизни. Возьмите въ противоположность «Деревнѣ» (1846 года), гдѣ въ концѣ повѣсти многострадальную сироту везутъ на кладбище, разсказъ Григоровича «Зимній вечеръ» (1853 года). Здѣсь въ концѣ предъ вами не голодный Яша, не голодныя дѣти, не холодная, нетопленная комната бѣдняка, а всѣ веселы, сыты, всѣ танцуютъ, ярко пылаетъ затопленная печка. То же самое въ «Переселенцахъ». Въ концѣ повѣсти здѣсь помѣщены сцены, которыя заставляютъ забыть всѣ страданія героевъ; злодѣи уже получили достойное возмездіе, и торжествуетъ невинность. Въ концѣ повѣсти Петя съ добрымъ торговцемъ ѣдутъ отъ урядника и въ верстахъ 100 отъ Сосновки встрѣчаютъ конвойныхъ и колодниковъ, между которыми идетъ и злодѣй Верстанъ; дядя Мизгирь, достойный сотрудникъ Верстана, въ концѣ романа убитъ товарищами; Филиппъ, мучившій семью Катерины, фигурируетъ на судѣ и получаетъ наказаніе. Перемѣнились въ концѣ романа и Бѣлицыны, главные виновники страданій: въ концѣ романа Бѣлицына сожгла все, чему поклонялась вначалѣ. Не страдаетъ уже и Петя: обласканный помѣ-

щиками, онъ уже учится столярному ремеслу, онъ неразлученъ съ семьей; одни только грустныя воспоминанія объ умершемъ товарищѣ, мальчикѣ Мишѣ, тревожатъ лишь душу ребенка. Въ концѣ повѣсти Катерина уже скотницей; она занимаетъ видное мѣсто въ дворнѣ. Поэтъ въ концѣ «Переселенцевъ» не забылъ даже Фуфаева, того весельчака-нищаго, который несъ больного Мишу на своихъ рукахъ, который всегда защищалъ Петю: Фуфаевъ въ концѣ повѣсти снова живетъ въ Марьинскомъ, всѣми обласканный, накормленный; онъ весело отдуваетъ щеки и гордится своей волюшкой. То же происходитъ и въ «Рыбакахъ»: здѣсь въ концѣ романа нѣтъ страданій Дуни, Ваня безсрочно-отпускнымъ является черезъ 15 лѣтъ обратно и живетъ съ ней; въ надлежащія мѣста отправлены и два злодѣя — Захаръ и Гришка: одинъ сосланъ въ Сибирь, другой лежитъ на днѣ Оки. Вездѣ тишь, гладь и благодать Божья, «все вѣетъ миромъ и прохладой».

Такъ сгладилъ поэтъ въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ свои темныя краски, съ спокойной душой закрывалъ его повѣсть читатель.

Указавъ читателю на то, что идеалъ нужно искать въ деревнѣ, и притомъ въ деревнѣ, полной несчастій, Григоровичъ все-таки думалъ, что читатель мало растроганъ, что у него остались кое-какія сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, читатель могъ спросить поэта: неужели идеалисты одѣты одной сермягой? неужели и въ культурномъ человѣкѣ, о которомъ забыла филантропія, нѣтъ идеаловъ Глѣба, Кондратія, Катерины или кого-нибудь изъ подобныхъ лицъ? неужели если свѣтло внизу, такъ темно и въ то же время вверху? неужели городская цивилизація отстала передъ идеальной деревней?

Поэтъ какъ-будто чувствуетъ это возраженіе, и новыя картины уже не деревни, а города, одна за другой проходятъ передъ читателемъ. Здѣсь уже не сермяжные герои, здѣсь выведенъ герой въ приличной, щеголеватой одеждѣ, здѣсь типъ взятъ сверху. И что же въ результатѣ? Читатель съ удивленіемъ смотритъ на эти новыя лица и видитъ только одни контрасты прежнимъ. Поэту, кажется, хочется добить павшаго врага, хочется показать, что нечего искать идеаловъ въ культурномъ слоѣ. Конечно, онъ могъ бы этого не не сдѣлать. Можно было бы наканунѣ 60-хъ годовъ и въ верхнемъ слоѣ отыскать Глѣба, Кондратія, можно бы указать на нихъ читателю. Возьму одинъ примѣръ даже еще изъ эпохи до 40-хъ годовъ. Въ 30-хъ годахъ въ Московскомъ университетѣ учился молодой человѣкъ, сынъ помѣщика Воронежской губерніи. Посмотрите, что онъ пишетъ въ своихъ письмахъ роднымъ и знакомымъ. «Много минутъ провели мы человѣчески... Душа проситъ воли, умъ — пищи, жизнь — дѣятельности. Я сижу, работаю, надѣюсь сидѣть и работать еще больше... Можетъ-быть, науки со временемъ совершенно замѣнятъ мнѣ жизнь, начало этому я уже вижу»... Онъ собирается путешествовать и пишетъ: «Мнѣ нужно поучиться до отъѣзда. Я

стыжусь своего невѣжества во многихъ вещахъ». Студентъ 30-хъ годовъ весь поглощенъ чисто человѣческими интересами: онъ живетъ театромъ, литературой, Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гёте, Виландомъ, Гюго, пробуетъ силы на поприщѣ литературы (пишетъ драму и стихи), живетъ университетской наукой, замышляетъ писать исторію театра, поглощенъ вопросами философіи. А между тѣмъ этотъ идеалистъ уже въ то время, на студенческой скамьѣ, былъ больной физически человѣкъ, который, по выходѣ изъ университета, прожилъ только около 6 лѣтъ. Этотъ студентъ былъ Н. Станкевичъ. Можно было Григоровичу найти въ 40-хъ и 50-хъ годахъ такихъ же людей. Но онъ не искалъ ихъ; онъ въ одномъ мѣстѣ своей повѣсти «Проселочныя дороги» выразился такимъ образомъ про высшій слой: «благодаря просвѣщенію, — говоритъ онъ здѣсь, — разливающему благодатные лучи по всему пространству нашего отечества, людей, упорно коснѣющихъ въ невѣжествѣ, у насъ очень мало». А между тѣмъ самъ нарочно отыскиваетъ одного изъ малыхъ сихъ; онъ здѣсь ловитъ только одни отрицательные типы; онъ нарочно отыскиваетъ ихъ въ глубинѣ «Проселочныхъ дорогъ». Ему не хочется какъ будто, чтобы его идеалъ, его сермяжный герой, стушевывался въ ряду другихъ свѣтлыхъ фигуръ; ему хочется, чтобы тотъ свѣтился ярче среди окружающей темноты. У Григоровича является, мы видимъ, новый пріемъ — дѣйствовать на читателя контрастомъ.

Пріемъ этотъ одинъ изъ любимыхъ у поэта. Достаточно прочитать даже иногда одно заглавіе разсказа, и уже нечего даже и читать, напр., «Пахотника и бархатника», чтобы убѣждаться въ этомъ пріемѣ Григоровича: онъ — въ самомъ заглавіи. Самъ Григоровичъ даже пишетъ по поводу этого своего литературнаго пріема въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «позвольте теперь говоритъ онъ — перенести васъ изъ унылой деревушки, утопающей въ грязи и облитой дождемъ, прямо въ центръ Петербурга. Переходъ, конечно, очень рѣзокъ, но тѣмъ лучше мнѣ кажется. Безъ контрастовъ и неожиданныхъ переходовъ отъ худого къ хорошему, отъ мрачнаго къ веселому и обратно, не только романы и повѣсти, но и самая жизнь была бы однообразна и, слѣдовательно, невыносимо скучна» («Пахотникъ и бархатникъ»). Въ этихъ ироническихъ словахъ поэтъ самъ указалъ намъ свою любимую манеру — прибѣгать къ контрастамъ.

И дѣйствительно, эти контрасты, какъ нарочно, есть почти во всѣхъ произведеніяхъ Григоровича. Вездѣ, въ противоположность сермяжнымъ героямъ, беззавѣтнымъ труженикамъ, людямъ характера и стойкихъ нравственныхъ началъ, людямъ силы и воли, у поэта выведены лица культурнаго класса съ мелкими страстями, безъ опредѣленнаго нравственнаго облика, съ ничтожными низменными побужденіями; вездѣ идеальной и несчастной жизни простого человѣка у поэта противополагается счастливая, беззаботная, обезпеченная, лишенная всякихъ высокихъ стременій, жизнь верхняго помѣщичьяго слоя. Такой контрастъ вы найдете въ «Антонѣ-Горемыкѣ»,

въ «Бобылѣ», въ «Переселенцахъ». Рядомъ съ кровельщикомъ, упавшимъ и разбившимъ грудь о бревна, больнымъ старикомъ, этимъ бобылемъ, умирающимъ за околицей, помертвѣлыя уста котораго только шепчутъ о пощадѣ, вы непремѣнно найдете жизнь добродѣтельной старушки, приказавшей выслать бобыля за околицу и одарившей его какою-то цѣлебной травкой, старушки, окруженной массой всевозможныхъ приживалокъ. Рядомъ съ Акулей всегда у поэта непремѣнно встрѣтится какая-нибудь представительница культуры, разсуждающая о «глупости» Акулины; рядомъ съ Антономъ вы найдете непремѣнно блаженствующаго за самоваромъ Карла Карловича со своей супругой. Рядомъ съ трудовой жизнью своего идеальнаго героя поэтъ выведетъ непремѣнно какого-нибудь Бондаревскаго и Бѣлостоцкаго, занятаго кофейнями, весь талантъ убившаго на то, чтобы перегнать карету Клары Петровны. Онъ выведетъ людей, съ дѣтства интересующихся однимъ зеркаломъ, людей, которые три мѣсяца отказываются отъ обѣда, чтобы купить себѣ брелоки къ часовой цѣпочкѣ, и мечты которыхъ заключены въ галстукѣ à la papillon. Поэтъ ищетъ вездѣ такихъ лицъ. Онъ идетъ въ самыя захолустья, чтобы найти тамъ необходимый контрастъ. И его находка увѣнчивается успѣхомъ. Какимъ удовольствіемъ дышитъ лицо поэта, какъ радостно свѣтятся его глаза, когда онъ, отрекомендовавъ читателю Глѣба, Кондратія, Ваню, сейчасъ же подводитъ новаго знакомаго, Аристарха Ѳедоровича Балахнова или Попельковскаго. Поэтъ, кажется, на верху счастья. Онъ съ удовольствіемъ знакомитъ, съ скрытою радостью, васъ съ этимъ новымъ лицомъ. Онъ пишетъ все: какъ виситъ у Балахнова его портретъ надъ письменнымъ столомъ съ надписью: «стою за правду»; какъ поэтъ, представитель культуры говоритъ всѣмъ, что «истина должна освѣтить мысли», какъ онъ всѣмъ жалуется на то, что приходится «на каждомъ шагу встрѣчать забвеніе того, что возвышенно и достойно»; какъ онъ въ то же время занятъ только однимъ дѣломъ — побить на выборахъ своего соперника, какъ онъ разоряетъ семью, не уплачиваетъ долговъ, какъ онъ занятъ всякими мелочными заботами о свадьбѣ Порфирія Павловича. Такъ же опишетъ поэтъ и другого новаго знакомаго, Попельковскаго. Вы узнаете отъ него сейчасъ всю немногосложную біографію этого человѣка: постоянныя розсказни про фортуну, про скупую тетку, про наслѣдство въ 300.000, про свое якобы хорошее образованіе и рядомъ съ этимъ выпрашиваніе постоянно сигаръ у собесѣдника, постоянный заемъ какихъ-нибудь двухъ рублей на извозчика; полное отсутствіе идеаловъ, — вотъ біографическія черты новаго знакомаго.

Чтобы познакомиться поближе съ этими контрастами Григоровича, возьмемъ самый лучшій изъ нихъ, такой типъ, въ которомъ поэтъ замѣчалъ уже нѣкоторую симпатію своимъ вкусамъ, — типъ Бѣлицыныхъ въ «Переселенцахъ», тѣхъ людей, которыхъ поэтъ вывелъ для контраста своей идеальной Катеринѣ.

Какіе здѣсь идеалы, какая здѣсь жизнь?

Идеалъ Бѣлицыныхъ — спокойное, комфортабельное существованіе. Сама Бѣлицына въ деревнѣ мысленно занята устройствомъ своей гостиной въ Петербургѣ; она мечтаетъ постоянно о комодѣ во вкусѣ Помпадуръ, она думаетъ затмить своей обстановкой другіе дома столицы. Самъ Бѣлицынъ мечтаетъ объ англійскомъ паркѣ о дорожкахъ, клумбахъ; онъ мечтаетъ о томъ, какъ сдѣлать шире прудъ, какъ прорубить просѣку черезъ садъ; онъ думаетъ посадить посреди двора липу, чтобы придать дому англійскій характеръ. Удовольствія составляютъ утопію Бѣлицыныхъ, а мечты о морскихъ заграничныхъ купаньяхъ смѣняются мечтами о житьѣ въ Петергофѣ, о гуляньяхъ и музыкѣ. Когда въ деревню пришло письмо отъ знакомой Бѣлицыной, въ которомъ осмѣивался горохъ, морковь и отшельничество ея, въ которомъ упоминалось о гостинной во вкусѣ Людовика XV, то оба супруга съ завистью и печалью прочитали эти строки. Бѣлицыны пробуютъ трудиться, но неудачно: нѣсколько дней они сидятъ за счетами, записками, докладами; въ теченіе нѣсколькихъ часовъ они выслушиваютъ скотницу и Герасима, но проходитъ мимолетное чувство, запрягается экипажъ, хозяева бросаютъ счеты и бумаги, и поѣздъ двигается къ Петербургу. Трудовая жизнь осталась позади, и о ней сохраняется одно лишь грустное воспоминаніе. Бѣлицыны не лишены идеаловъ. Въ нихъ много доброты, много добраго сердца. Бѣлицынъ приходитъ въ негодованіе при слухахъ о мести мужиковъ Тимоѳею; онъ обѣщается устроить судьбу несчастной семьи, отыскать пропавшаго Петю. Бѣлицынъ, растоганный, говоритъ Катеринѣ, что онъ приметъ въ ней участіе, что это его долгъ христіанина; онъ въ своей соломенной шляпѣ, въ сопровожденіи Герасима идетъ въ клѣть, гдѣ лежитъ больной Тимоѳей, онъ освѣдомляется о его здоровьѣ, ему хочется послать за докторомъ; онъ мечтаетъ объ устройствѣ больницы въ Марьинскомъ, онъ засиживается въ кабинетѣ, пишетъ проектъ и выставляетъ цифру за цифрой. Жена раздѣляетъ симпатіи мужа. Она такъ же добра, какъ и самъ Бѣлицынъ: она собственными руками надѣваетъ на голову ребенка Катерины чепчикъ, она даритъ платокъ и нѣсколько денегъ, она также увлечена проектомъ больницы. Но всѣ эти идеалы отзываются непрактичностью, не даютъ результатовъ. Жизнь окружающихъ незнакома Бѣлицынымъ. О такихъ несчастіяхъ, какія были у Лапши, они читали только въ повѣстяхъ и романахъ, они только иногда вмѣсто дѣла складываютъ руки и поднимаютъ добрые глаза къ небу, моля о защитѣ. Число полей, десятинъ въ каждомъ полѣ, свойство почвы, выраженія: «яровое», «паръ», «въ клину» — все темно для Бѣлицына. Онъ не знаетъ ничего о своихъ строеніяхъ, онъ не можетъ опредѣлить ихъ пригодности. Онъ знаетъ баварскую и саксонскую методы обработку земли, но ничего не знаетъ объ ихъ примѣненіи на практикѣ. Окружающіе всѣ для него неясны, и онъ съ удивленіемъ разсказываетъ женѣ слѣдующій

эпизодъ: «Одинъ изъ мужиковъ срубилъ березу: я далъ ему денегъ и вдругъ узнаю, что часъ тому назадъ онъ опять попался! И гдѣ же? Онъ снова рубилъ у того дерева, у котораго мы поймали его». Особенно непрактичны оказались Бѣлицыны въ вопросѣ о переселенцахъ. Мечты сдѣлать деревянные навѣсы для скота и незнаніе того, что лѣсъ дорогъ въ степной полосѣ, незнаніе того, что гурты гоняютъ громадными партіями, что гуртовщики рѣдко становятся подъ навѣсъ, — все это отозвалось печально на переселенцахъ. По непрактичности Бѣлицыны оба похожи другъ на друга: одну можно было обмануть всякой скотницѣ, другого могъ провести всякій мужикъ. Это незнаніе жизни разбило всѣ идеалы благотворительныхъ супруговъ, мечтательныхъ идеалистовъ. Кипучій хозяинъ уже началъ вести съ управляющимъ апатичные разговоры; длинными стали казаться Бѣлицынымъ дни въ деревнѣ; хозяинъ пересталъ даже ходить на скотный дворъ, не поддерживали бодрости духа ни катанье на лодкѣ ни прогулки въ лѣсу. Всякое петербургское письмо раздражало идеалистовъ. Всѣ мечты о благотворительности разлетѣлись впрахъ, обѣщанія спасти Петю не были выполнены. Семья переселенцевъ, утомленная и разбитая, вернулась, потративъ время и силы, на старое пепелище.

Таковъ типъ культурнаго человѣка, помѣщика, нарисованный Григоровичемъ въ противоположность сермяжному Глѣбу или Катеринѣ. Неустойчивость въ основныхъ взглядахъ, мечтательный идеализмъ сквозятъ здѣсь въ каждой чертѣ. А это между тѣмъ одинъ изъ лучшихъ типовъ! Что же сказать о другихъ контрастахъ? Здѣсь не мѣшаетъ сдѣлать одно замѣчаніе. Отъ этого пріема Григоровича рисовать самые прозаическіе, будничные типы культурнаго человѣка, изображать людей безъ глубокихъ страстей, безъ порывовъ къ идеаламъ, происходитъ то, что иногда и скучно и утомительно читать его нѣкоторые романы. Таковы, напр., «Проселочныя дороги». «Дочитать его до конца, — говоритъ одинъ изъ критиковъ, — дѣло большого труда, и рѣдко кто на это отваживается»; другому изъ критиковъ «добрые люди говорили, что онъ не прочтетъ и 50 страницъ этого творенія», какой-то изъ рецензентовъ разъ даже замѣтилъ про «Проселочныя дороги», что онъ проѣхалъ ихъ только изъ-за пріятной компаніи съ Дмитріемъ Васильевичемъ Григоровичемъ. Самъ поэтъ даже какъ-будто чувствовалъ и самъ въ одной изъ главъ (VIII) извинился предъ читателемъ. И дѣйствительно, читая романъ, будто ѣдешь по тряской, овражистой и проселочной дорогѣ» и отъ постояннаго мельканія однообразныхъ луговъ, осинъ, буераковъ и овраговъ начинаешь нечувствительно засыпать; словно утомленный путникъ, кончивши романъ, закроешь книгу и невольно скажешь: «слава Богу, пріѣхали!»

Но не удовольствовался поэтъ ни деревенскими идеалами своими, ни своими страдающими героями, ни отрицательными типами культурнаго класса. Ему все казалось, что читатель не понялъ его

мысли, что лѣстница, приставленная имъ къ поэтическому созданію, нехватаетъ до надлежащей степени, что нужно яснѣе высказаться, чтобы не было сомнѣнія. И новые пріемы пущены въ ходъ.

Григоровичъ начинаетъ ради обдѣленнаго человѣка глумиться прямо, открыто надъ тѣмъ, что не встрѣчаетъ его сочувствія; онъ начинаетъ открытую апологетику своихъ идеальныхъ лицъ. У читателя не остается уже никакихъ сомнѣній, и задача поэта выполнена.

Прочитывая нѣкоторыя повѣсти Григоровича вы нерѣдко наталкиваетесь на ироническій, сатирическій строй фразы. Критики 50-хъ годовъ поэтому нерѣдко говорили про Григоровича, что онъ большой острякъ, что въ каждомъ словѣ его «много соли, даже перцу» («Библ. для Чт.»1853). Такимъ же былъ, кстати можно замѣтить, Григоровичъ не только въ литературѣ, но въ обыденной жизни, въ своемъ пріятельскомъ кружкѣ. Его считали веселымъ собесѣдникомъ, мастеромъ разсказывать смѣшные анекдоты, товарищемъ всяческихъ проказъ. Такъ отзывается о немъ въ «Воспоминаніяхъ» Фетъ. Въ другихъ «Воспоминаніяхъ» (Арсеньева) передается разсказъ о томъ, что за ужиномъ у графа Ламберта Григоровичъ въ такой юмористической формѣ разсказалъ про свое путешествіе, что всѣ присутствовавшіе страдали отъ истерическаго хохота. Эта иронія, свойственная Григоровичу, и есть новый способъ добить противника. Ее вы встрѣтите у Григоровича тамъ, гдѣ онъ рисуетъ отрицательные типы, гдѣ нѣтъ мѣста его симпатіи. Такой ироніей пропитаны, напр., многія мѣста «Деревни» или «Антона-Горемыки». Вы читаете сцену, гдѣ господа знакомятся съ Акулей, читаете характеристику Карла Карловича и сейчасъ чувствуете злую иронію въ каждой строкѣ. Берете вы заключительныя строки «Бобыля», гдѣ описывается сцена, какъ уѣзжаютъ на дрожкахъ «съ доброй мѣрой картофеля и цѣлымъ коробомъ новостей» приживалки, и вамъ ясны будутъ антипатіи автора. Но особенно иронія замѣтна въ «Проселочныхъ дорогахъ. Можно даже совсѣмъ не читать романа, а только пробѣжать одни заглавія, и вы сразу угадываете отношеніе поэта къ выведеннымъ типамъ. Вотъ напр. заглавіе XIV главы: «Желчь начинаетъ кипѣть въ величавой груди Аристарха», или заглавіе XXI главы: «Аристархъ Ѳедоровичъ, вѣрный своей цѣли, увеселяетъ Порфирія Павловича и вмѣстѣ съ тѣмъ не забываетъ дѣлъ своихъ». Изъ этихъ заглавій прямо чувствуете, какъ относится поэтъ къ Балахнову. Это предчувствіе, дѣйствительно, оправдывается, когда начинаешь читать повѣсть, особенно когда читаешь высокопарныя фразы, какими описаны чувства Балахнова. Григоровичъ иногда даже открыто сознавался предъ читателемъ въ томъ, что онъ смѣется, глумится надъ выведеннымъ типомъ: «надъ ними, право, подчасъ не грѣшно посмѣяться», говоритъ онъ про типы въ «Проселочныхъ дорогахъ». Онъ прямо заявлялъ иногда, что его романъ «есть собраніе забавныхъ сценъ, лицъ, заслуживающихъ насмѣшки».

Сопоставьте эти ироническія фразы поэта съ величаво-спокойнымъ торжественнымъ тономъ, какимъ написаны «Рыбаки», и вы сейчасъ увидите, что въ «Рыбакахъ» нѣтъ шутки; надъ вами здѣсь незримо носится духъ самого автора, сочувствующаго и Глѣбу, и Ванѣ, и дѣдушкѣ Кондратію.

Но если Григоровичъ глумился надъ несочувственными для него лицами, если онъ здѣсь не соблюдалъ величаваго спокойствія чистаго художника, то же онъ дѣлалъ и въ другихъ случаяхъ. Онъ не прочь былъ иногда прервать нить разсказа и преподнести читателю уже не поэзію, а просто самую обыкновенную прозаическую проповѣдь или внушительное замѣчаніе. Предъ вами въ такихъ случаяхъ уже не поэтъ, предъ вами трибунъ, ораторъ, громящій съ своей высоты противника. Такіе перерывы, вставки не рѣдки у Григоровича. Въ одномъ мѣстѣ романа «Переселенцы» поэтъ разсказываетъ о Машѣ. Сообщивъ о томъ, что Маша осталась равнодушной къ чудесному вечеру, обнимавшему степь, что она ни разу не взглянула на ясное небо, не полюбовалась солнечнымъ закатомъ, Григоровичъ вдругъ дѣлаетъ такое отступленіе, спеціально обращаясь къ читательницамъ: «не спѣшите заключать, мои читательницы, перелистывающія страницы этой повѣсти вашими нѣжными пальчиками, не спѣшите заключать, что молоденькой мужичкѣ свойственнѣе думать о мукѣ и картофелѣ, чѣмъ устремлять мысли къ предметамъ возвышеннымъ, которые васъ однѣхъ занимать могутъ. Поэзія ваша не столько составляетъ принадлежность исключительно одаренной природы, сколько, попросту, находится въ зависимости отъ счастливой обстановки жизни. Если вы восхищаетесь солнечнымъ закатомъ, если устремляете къ небу прекрасные глаза и такъ мило произносите: «Oh, que c'est beau!» повѣрьте, это доказываетъ только, что вамъ нечего думать о недостаткѣ муки и картофеля; если ваши близкіе, если ваши дѣти здоровы и сыты, сердце ваше спокойно и радостно бьется, вамъ очень пріятно гулять по полю послѣ чая или удобно сидѣть на балконѣ въ ожиданіи чая съ отличнымъ бѣлымъ хлѣбомъ и привлекательными тартинками. Право, такъ! Не спѣшите дѣлать заключеніе о грубыхъ душевныхъ свойствахъ такого-то человѣка, справьтесь прежде объ обстоятельствахъ человѣка, тогда уже и заключайте».

Предъ вами въ этихъ строкахъ не поэтъ. Здѣсь вы видите, авторъ прямо беретъ подъ свою защиту Машу, созданный имъ идеалъ; онъ громитъ людей, не раздѣляющихъ его взгляды, онъ сердится, онъ старается предупредить всякое возраженіе, онъ превращается въ памфлетиста, въ проповѣдника. И такихъ вставочныхъ поученій не мало въ произведеніяхъ Григоровича и въ другихъ мѣстахъ. Такое же, напр., поученіе попадается въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же «Переселенцевъ», гдѣ авторъ оправдываетъ своихъ некультурныхъ героевъ противъ обвиненія въ утилитаризмѣ: въ этомъ мѣстѣ Григоровичъ опять дѣлаетъ отступленіе и совѣтуетъ читателю самому натощакъ сѣсть въ темную и холодную избу, просидѣть въ ней

сутки и тогда уже обвинять его героя въ томъ, что у него нѣтъ поэтическихъ восторговъ, что онъ не понимаетъ, напр., живописности рѣки или березы: «тогда», говоритъ Григоровичъ, «для васъ живописная рѣчка не стоила бы гроша, если бы въ ней тотчасъ нельзя было наловить налимовъ, лучина тогда сдѣлалась бы самымъ естественнымъ назначеніемъ самаго живописнаго дерева». Опять и въ этомъ мѣстѣ нѣтъ ни капли поэзіи, здѣсь одно поученіе, одна проповѣдь. Особенно непоэтичными можно назвать послѣднія повѣсти Григоровича, напр. «Неслужащіе», «Почтенные люди, обремененные семействомъ», «Очерки современныхъ нравовъ». Всѣ они могутъ назваться скорѣе какими-нибудь трактатами и далеки отъ поэзіи.

Таковъ былъ Григоровичъ наканунѣ 60-хъ годовъ. Цѣлыя 20 лѣтъ училъ онъ читателя искать обѣтованной земли въ деревнѣ. Подчасъ причудливыми, фантастическими красками рисовалъ онъ своему читателю эту примитивную землю и цивилизацію; поэтъ твердилъ ему, что тамъ, въ этой деревнѣ, красота, тамъ идеалы, и напрасно онъ будетъ искать ихъ въ другомъ мѣстѣ. Григоровичъ убѣждалъ читателя, во имя человѣколюбія помочь этой обѣтованной землѣ, гдѣ все такъ прекрасно, все такъ полно поэзіи, но гдѣ въ то же время такъ много страданія, такъ много горя. Искалѣченными образами, жалостными сценами старался затронуть чувство состраданія своего читателя. Въ Григоровичѣ лучше, чѣмъ въ комъ-либо, замѣтно неотразимое вліяніе духа времени. Время филантропіи, время тяжелой тоски о земныхъ несовершенствахъ, время борьбы разныхъ началъ, время, все, даже поэзію, сводившее къ практическимъ гуманнымъ задачамъ, время лихорадочной дѣятельности вполнѣ отразилось на личности поэта. И Григоровичъ, подобно другимъ, мечталъ о счастіи человѣчества; онъ плакалъ надъ своимъ идеаломъ; онъ ненавидѣлъ сильною ненавистью противника; онъ глумился надъ нимъ, онъ пѣлъ въ тонъ времени печальныя пѣсни; онъ сыпалъ сарказмами; онъ громилъ проповѣдями; онъ торопился лихорадочно не упустить времени; онъ былъ такъ же плодовитъ на произведенія, какъ плодовито было само время. Мятежная пора какъ нельзя лучше отразилась на мятежныхъ чертахъ поэта. Въ Григоровичѣ не было спокойствія, индифферентной любви ко всему, это поэтъ бурной, ознаменованной борьбою разныхъ началъ, эпохи. Все это, мы видѣли, замѣтно на его произведеніяхъ. Они порождены были временемъ; они пропитаны его идеалами. И люди той эпохи понимали родного имъ поэта; они видѣли, что этотъ поэтъ «плоть отъ плоти ихъ и кость отъ костей ихъ». Они привѣтствовали каждую его повѣсть и мучились вмѣстѣ съ поэтомъ: «мысли грустныя и важныя»—какъ выразился Бѣлинскій—являлись послѣ чтенія его произведеній. И самъ поэтъ жертвовалъ для времени всѣмъ. Онъ почти пренебрегъ совсѣмъ тѣмъ искусствомъ, къ которому рвался съ дѣтства. Онъ горячо, страстно вмѣшался въ водоворотъ борьбы, слился съ эпохой. Кто хочетъ поэтому изучить общій характеръ 40-хъ и 50-хъ годовъ, тотъ по не-

обходимости долженъ раскрыть повѣсти Григоровича: въ нихъ вся эпоха, съ ея свѣтлыми и темными сторонами.

Но эпоха 40-хъ и 50-хъ годовъ прошла.

Тучи промчатся,— солнце блеснетъ;
Горе не вѣчно,— радость придетъ,—

пѣлъ поэтъ. Пришло 19-е февраля, пришла и радость для людей 50-хъ годовъ. Просіяли лица, снята была траурная одежда. Филантропическіе идеалы осуществлены; нечего больше было плакать, лихорадочно бѣгать взадъ и впередъ, нечего посылать проклятія. Вмѣстѣ съ эпохой сошелъ со сцены и Григоровичъ. Въ праздничный день, среди веселаго пира не было мѣста его плачущей музѣ. «Голосъ остался, да пѣть нечего», сказалъ разъ про себя Тургеневъ. Эти слова могъ бы повторить про себя и Григоровичъ: ему, дѣйствительно, нечего было пѣть. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ принялся было за составленіе книжекъ для народа, редактировалъ между прочимъ историческіе разсказы подъ заглавіемъ «Знаменитые русскіе люди изъ простолюдиновъ», редактировалъ сборникъ пѣсенъ и пословицъ, но скоро оставилъ это, замолкъ; онъ погрузился въ міръ спеціально искусства, онъ сталъ жить той половиной души, о которой почти забылъ раньше.

Мизиновъ.

Крестьяне, неудачники, всѣ обездоленные судьбой и дворяне и богатые классы общества въ художественномъ изображеніи Григоровича.

Полвѣка назадъ на русской литературѣ лежала высокая и трудная обязанность—подготовить наше общество къ освобожденію крестьянъ. Литература должна была показать, что милліоны русскаго народа, презрительно третируемаго въ качествѣ рабовъ—на дѣлѣ такіе же люди, съ такою же нравственностью и съ такою же душою, если еще не лучшею, какъ у помѣщиковъ, и что если народная масса и кажется намъ сѣрою, темною, то это только потому, что она бѣдна и невѣжественна, и что эта бѣдность и невѣжественность имѣютъ своимъ источникомъ тѣхъ же помѣщиковъ-рабовладѣльцевъ. Тогда, чтобы сказать эту правду въ глаза нашему обществу, вышло на литературное поприще много молодыхъ талантовъ. Но всѣхъ примѣтнѣе, всѣхъ слышнѣе оказались между ними голоса Тургенева и Григоровича.

Съ первыхъ шаговъ своей литературной дѣятельности Григоровичъ выказалъ себя какъ человѣкъ высокогуманный, сочувствующій низшимъ классамъ общества, и въ то же время какъ смѣлый обличитель сильныхъ. Въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ изъ народнаго быта онъ сталъ доказывать, что помѣщики являются только эксплоататорами народнаго труда, что, если они вмѣшиваются въ жизнь

народа, то являются въ ней только въ качествѣ безсмысленной, злой силы. Въ первомъ же, обратившемъ на себя вниманіе критики и публики, разсказѣ «Деревня» Григоровичъ описалъ несчастную сироту Акулину, выросшую среди толчковъ и побоевъ. Но сама по себѣ Акулина начала было устраиваться, примиряться съ горькой участью, когда явившійся въ деревню помѣщикъ, по непонятному, случайному капризу, не задумываясь, что изъ этого выйдетъ, велѣлъ обвѣнчать ее насильно съ мужикомъ, который и не хотѣлъ на ней жениться. Акулина попала въ дикую, враждебно къ ней настроенную, семью и зачахла отъ дурного обращенія. Въ послѣдующихъ разсказахъ крѣпостное право бичевалось не менѣе сильно. Въ «Антонѣ-горемыкѣ» управляющій доводитъ до разоренія и затѣмъ до ссылки на каторгу мужика, написавшаго отъ деревни жалобу барину. Хотя, повидимому, весь разсказъ вертится на исторіи продажи крестьянской лошади, однако на умъ читателю постоянно приходитъ коренная причина бѣдствій Антона—лѣнь и распутство барина, поставившаго въ управляющіе совершенно негоднаго человѣка, мужа своей наложницы. Въ «Пахатникѣ и бархатникѣ» минутное увлеченіе барина хористкой изъ балета служитъ причиной если не полнаго разоренія, то, по крайней мѣрѣ, сильнаго экономическаго упадка цѣлой деревни. Въ «Бобылѣ» старуха-помѣщица, повидимому, сердобольная и добродушная, выгоняетъ пришедшаго къ ней больного старика умирать на улицу изъ боязни хлопотъ, сопряженныхъ съ производствомъ слѣдствія о смерти. Въ свое время такіе разсказы должны были звучать рѣзкимъ тономъ, призывая къ покаянію, заставляя помѣщиковъ опомниться и оглянуться—что же они сдѣлали съ ввѣренными имъ крѣпостными.

Но не только въ обличеніяхъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ заслуга Григоровича. Своими повѣстями и разсказами изъ народнаго быта онъ привлекъ общественное вниманіе и сочувствіе къ крестьянину. Григоровичъ показалъ, что если крестьянинъ и ниже помѣщика въ смыслѣ культурности и образованности, зато въ нравственномъ отношеніи онъ ничуть не ниже любого человѣка изъ общества. Крестьяне Григоровича тонко чувствуютъ, благородно думаютъ и великодушно поступаютъ. Рисуя портреты людей даже ничтожныхъ, въ родѣ Акима изъ «Рыбаковъ» и Ѳедота изъ «Пахатника и бархатника», Григоровичъ умѣетъ и къ нимъ расположить читателя и въ нихъ найти свѣтлыя, человѣчныя стороны. Вообще, Григоровичъ былъ прекраснымъ популяризаторомъ народа. Благодаря именно его разсказамъ, читатели впослѣдствіи стали интересоваться и такими реальными изображеніями мужиковъ, каковы они у Глѣба Успенскаго и другихъ нашихъ писателей-народниковъ, и даже описаніями Рѣшетникова, представлявшаго мужика въ видѣ какой-то особой этнографической расы, не имѣющей ничего общаго съ нами.

По сравненію съ нашими позднѣйшими писателями картины крестьянской жизни у Григоровича, несмотря на бѣдность обстановки,

на трагичность положенія, отзываются идилліей. Герои его представляютъ изъ себя идеальные типы крестьянъ. Такъ Глѣбъ изъ «Рыбаковъ», Карпъ изъ «Пахатника и бархатника»—идеалы домовитыхъ хозяевъ. Оба скуповаты и расчетливы; оба ведутъ домъ крѣпкой, властной рукой, но оба идеально честны, справедливы, стойки, упорны въ работѣ. Это матерые дубы—крѣпкіе, рослые; такими Карпами и Глѣбами стоитъ и держится Россія. Филиппъ (изъ «Пахатника») и Антонъ-горемыка, въ свою очередь, идеальные типы мужиковъ съ общественною подкладкою. Оба терпятъ за мірское дѣло, но оба горячо и самоотверженно берутся за него. Но особенно хорошо умѣлъ изображать въ своихъ повѣстяхъ Григоровичъ такія черты характера русскаго крестьянина, какъ незлобивость, кротость, покорность судьбѣ, любовь къ ближнему и чистое, искренное смиреніе. «Каженникъ» Алексѣй въ «Прохожемъ» является деликатнымъ, вѣрнымъ поклонникомъ; онъ всячески выгораживаетъ свою возлюбленную въ глазахъ ея недовольныхъ родителей. Когда же онъ получаетъ отказъ въ обидной формѣ, онъ не озлобляется, но, страдая сердцемъ, спѣшитъ оказать помощь ближнему—принимаетъ къ себѣ прохожаго, котораго гнали ото всѣхъ дверей. Еще деликатнѣе и великодушнѣе Ваня изъ «Рыбаковъ». Еще ребенкомъ онъ оказывается вѣрнымъ товарищемъ сорванца Гришки, не жалуется на обиды, претерпѣваемыя отъ него, и не выдаетъ его; въ юности Ваня великодушно уступаетъ Гришкѣ невѣсту и идетъ въ солдаты, а отбывъ воинскую повинность, даетъ у себя пріютъ вдовѣ счастливаго соперника. Волненія, переживаемыя Ваней, когда онъ узналъ, что дѣвушка, которую прочили ему въ невѣсты, любитъ его товарища, сдѣлали бы честь самому утонченному интеллигенту. Но всего симпатичнѣе, всего полнѣе образъ дѣдушки Кондратія. Его благожелательность, строгій образъ жизни, покорность судьбѣ, неизмѣнное трудолюбіе и нежеланіе быть кому-либо въ тягость дѣлаютъ его сѣдины величавыми. Передъ нами не простой рыбакъ какъ хочетъ увѣрить насъ Григоровичъ, но подвижникъ, святой. Народъ, среди котораго возможны такія личности, конечно, заслуживаетъ величайшаго интереса и сочувствія.

Есть, конечно, у Григоровича и отрицательные типы. Но, если они попадаются среди крестьянъ, то это, по мнѣнію нашего писателя, результатъ дурного примѣра, принесеннаго извнѣ, изъ города. Гришка, обладающій пылкимъ нравомъ, сбивается съ пути истиннаго въ компаніи бывшаго фабричнаго Захара. И только фабричные, цѣловальники, мелкіе торговцы представляютъ, дѣйствительно, отрицательные типы Григоровича. Всѣхъ типичнѣе, всѣхъ ярче, конечно, Захаръ,—продуктъ фабричной цивилизаціи,—ловеласъ, кутила и бездѣльникъ. Вообще романъ «Рыбаки», по справедливости признанъ критикою лучшимъ произведеніемъ Григоровича, какъ по живости бытовыхъ картинъ, такъ и по количеству интересныхъ типовъ, выставленныхъ въ немъ. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что типы

крестьянъ въ этомъ романѣ недостаточно реальны, именно недостаточно сѣры: читатель живетъ среди лицъ живыхъ, яркихъ, съ опредѣленной физіономіей, съ высокимъ нравственнымъ развитіемъ, хотя и не всегда вѣрно направленнымъ. Между крестьянской дѣйствительностью этого романа и тою, какую далъ намъ въ своихъ «Подлиновцахъ» Рѣшетниковъ, разница больше, чѣмъ между бытомъ европейца и какого-нибудь папуаса.

Такимъ же интереснымъ и разукрашеннымъ является и бытъ крестьянъ у Григоровича. Конечно, онъ не скрывалъ правды: онъ описывалъ и бѣдность, и грязь, и грубость разговоровъ и обращенія. Но какъ человѣкъ со вкусомъ, Григоровичъ выискивалъ въ крестьянскомъ быту и обращалъ преимущественно вниманіе на то, что красиво, на то, что живописно. Изъ крестьянскихъ работъ Григоровичъ предпочтительнѣе описываетъ сѣнокосъ и жатву; изъ картинъ домашней жизни — праздничные дни, толпу, хотя и не трезвую, но живописную. Отдѣльныя описанія — того, какъ Антонъ Горемыка ѣздилъ за хворостомъ, или Акимъ съ Гришкой шелъ раннею весной къ рыбаку Глѣбу — прямо просится на полотно. Ряженые въ метель подъ новый годъ въ «Прохожемъ» представляютъ весьма живописную картину. Такимъ образомъ, крестьянскій бытъ разсказовъ Григоровича является передъ читателемъ не въ непосредственномъ, неприглядномъ, неприкрашенномъ видѣ, но какъ бы предварительно написаннымъ художникомъ съ тонкимъ вкусомъ на полотно, а затѣмъ уже переложеннымъ въ повѣсти и разсказы. Если такой способъ описанія и грѣшитъ противъ голой правды, зато, въ смыслѣ привлекательности изложеніе Григоровича выигрываетъ, а именно показать крестьянина съ его казовой интересной стороны и составляло задачу русской литературы въ эпоху непосредственно передъ и послѣ освобожденія крестьянъ.

Гуманныя чувства Григоровича не ограничиваются одними крестьянами. Онъ сочувствуетъ всѣмъ обдѣленнымъ судьбой, всѣмъ неудачникамъ, къ какому бы классу общества они ни принадлежали. Въ его изложеніи начинаютъ звучать теплые, сердечные тоны, какъ только онъ коснется бѣдности, обездоленности. Этой теплотой достигаются двѣ цѣли — и сама бѣдность не кажется отталкивающей, и читатель бываетъ растроганъ до глубины души. Въ сочувствіи Григоровича къ бѣднякамъ, въ его гуманности и любвеобильности, съ какими онъ выискиваетъ живое чувство въ такой средѣ, какъ уличные шарманщики, клоуны — есть что-то очень напоминающее Диккенса, писателя, тоже выбиравшаго своихъ героевъ изъ бѣдноты. Нѣкоторые святочные разсказы Григоровича, какъ напримѣръ «Зимній вечеръ», даже кончаются по-диккенсовски — неожиданнымъ благополучіемъ, въ формѣ матеріальной помощи, приходящей къ героямъ: деньги, какъ извѣстно, высшее благополучіе, какое представляютъ себѣ сентиментальные писатели. Но въ этомъ случаѣ, нечего и говорить, Григоровичъ гораздо правдивѣе Диккенса, и большинство его

разсказовъ изъ быта бѣдности кончаются трагически. Гуттаперчевый мальчикъ разбивается во время представленія въ циркѣ; его покровитель, клоунъ Эдвардсъ, окончательно запиваетъ; герой «Неудавшейся жизни», едва только раскрылась передъ нимъ перспектива стать художникомъ, долженъ принести себя въ жертву ничтожной, невѣжественной семьѣ и заглохнуть въ должности мелкаго почтоваго чиновника въ провинціи...

Но какъ бы въ возмѣщеніе той сердечности, съ какою относится Григоровичъ къ крестьянамъ и бѣднымъ, дворяне и богатые классы общества рисуются имъ съ самой неприглядной стороны... Въ крестьянскомъ быту нашъ писатель видѣлъ только красивое и трогательное, — въ помѣщичьемъ ему бросается въ глаза только непривлекательное и смѣшное. Большой романъ безъ интриги «Проселочныя дороги» мѣстами звучитъ даже карикатурой. Вообще же, типы изъ разсказовъ и романовъ Григоровича изъ дворянскаго быта значительно пополняютъ коллекцію пошляковъ, начатую Гоголемъ. Выше уже было сказано, какъ неприглядны они — сами помѣщики въ разсказахъ изъ крестьянскаго быта. Въ разсказахъ нашего помѣщичьяго и чиновничьяго быта дворяне еще хуже. Одни «Столичные родственники» даютъ цѣлую галлерею пошляковъ. Самыя фамиліи героевъ предваряютъ объ ихъ пошлости. Неподражаемо описана семейка господъ Фуфлыгиныхъ, глава которой, безконечный пошлякъ, промотавъ имѣніе, ѣдетъ искать «мѣста» въ Петербургъ, такъ какъ считаетъ ниже своего дворянскаго достоинства управлять частнымъ заводомъ, какъ ему предлагали въ провинціи. Въ Петербургѣ семья Фуфлыгиныхъ попадаетъ въ компанію родственниковъ-проходимцевъ благороднаго происхожденія, выманивающихъ у провинціаловъ ихъ послѣднія сбереженія и всячески надувающихъ ихъ. Исполнены глубокаго комизма сцены, въ которыхъ пройдоха Мирзоевъ заставляетъ Фуфлыгина самыми недостойными средствами, черезъ жену, хлопотать о мѣстѣ у вліятельнаго господина, но не для Фуфлыгина, а для самого Мирзоева. Въ концѣ концовъ разоренные и обнищавшіе Фуфлыгины принуждены вернуться управлять заводомъ. Еще большей силы достигаетъ юморъ Григоровича въ его «Акробатахъ благотворительности». Даже въ такомъ разсказѣ, какъ «Гуттаперчевый мальчикъ», гдѣ Григоровичъ, повидимому, вовсе не хотѣлъ особенно осмѣивать аристократической семьи графовъ Листомировыхъ, отношеніе его къ ней оказывается крайне ироническимъ. Такъ, весьма естественно, что паденіе маленькаго клоуна не могло произвести особаго впечатлѣнія на пятилѣтняго Пафа — единственную мужскую отрасль графовъ, и въ добродушной тетѣ Сонѣ могло вызвать скорѣе опасеніе за спокойствіе нервовъ ея племянниковъ, чѣмъ сочувствіе къ несчастному мальчику — однако и въ этомъ разсказѣ, какъ-то невольно выступаетъ наружу себялюбіе, эгоизмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ничтожество этихъ богатыхъ и знатныхъ людей, дѣлающихъ себѣ потѣху изъ кривлянья бѣдняковъ, сопряженнаго съ трагизмомъ, со смертельною опасностью...

Какъ опытный наблюдатель, Григоровичъ подмѣтилъ много мелкихъ черточекъ, по которымъ сразу можно признать въ обществѣ пошляка и даже отнести его къ той или иной категоріи — «скучныхъ людей», или «почетныхъ людей, обремененныхъ семействомъ» и, ссылаясь на это семейство, готовыхъ на всякіе некрасивые поступки и другихъ. Эти свои наблюденія Григоровичъ изложилъ не въ формѣ беллетристической, но въ формѣ физіологическихъ (какъ выражались въ сороковыхъ годахъ) очерковъ нравовъ. Въ бойкихъ остроумныхъ фельетонахъ общественная пошлость изобличается имъ, пожалуй, еще больше, чѣмъ въ его разсказахъ. Особенно тонка классификація и опредѣленіе въ «Скучныхъ людяхъ». Тутъ мы имѣемъ необыкновенно богатую коллекцію внѣшнихъ признаковъ нравственнаго и умственнаго убожества. И, несмотря на бойкость изложенія и смѣшныя сравненія и сопоставленія, читая эти очерки, невольно припоминается классическая гоголевская фраза: «Скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа».

Являясь такимъ образомъ въ своихъ изображеніяхъ крестьянской жизни идеализаторомъ крестьянскаго быта, впадая даже порой въ нѣкоторую сентиментальность, — въ изображеніяхъ жизни нашихъ высшихъ классовъ, Григоровичъ оказывается сатирикомъ-юмористомъ. Эта сторона его произведеній еще болѣе усиливаетъ сочувствіе, которое онъ старается вызвать въ своихъ читателяхъ къ низшимъ классамъ. Вообще, гуманное отношеніе къ слабымъ составляетъ отличительную черту нашего стараго искуснаго мастера, основное положеніе всѣхъ его произведеній. *Красновъ.*

Григоровичъ, какъ художникъ.

При оцѣнкѣ писателя-художника нельзя ограничиваться однимъ содержаніемъ его произведеній, одними его идеалами и симпатіями. Форма его произведеній: манера писать и кругъ, изъ котораго онъ черпаетъ свои образы, составляютъ нѣчто не весьма маловажное при опредѣленіе того мѣста, какое онъ долженъ занимать въ литературѣ.

По роду своихъ произведеній Григоровичъ является бытописателемъ, по преимуществу. Дѣйствующія лица его произведеній скорѣе типы, чѣмъ характеры. Григоровичъ не занимается тонкимъ психологическимъ анализомъ; его герои очерчены лишь общими чертами, принадлежащими цѣлой группѣ людей; индивидуальныя особенности и вліяніе ихъ на складъ жизни не занимали писателя. Онъ задавался изображеніями жизни общества, или, по крайней мѣрѣ, отдѣльныхъ классовъ его, а не жизни личности. Въ этомъ отношеніи Григоровичъ является литературнымъ послѣдователемъ Гоголя (а не Пушкина). Вліяніе Гоголя можно даже прослѣдить на произведеніяхъ нашего писателя. Правда, рѣзко замѣтно оно только на первыхъ романахъ Григоровича. Позже вниманіе Григоровича приковы-

валось другими писателями — Диккенсомъ изъ иностранныхъ и гр. Л. Н. Толстымъ изъ русскихъ. Кромѣ того, сильно развилась самобытность Григоровича, всегда отличающая самый крупный талантъ. Однако, до самаго конца, по литературнымъ пріемамъ, въ Григоровичѣ можно признать писателя гоголевской школы.

Въ произведеніяхъ Григоровича особенно плѣняетъ его необыкновенное умѣнье разсказывать. Пишетъ ли онъ повѣсть или разсказъ, или просто очеркъ, всегда онъ расположитъ планъ разсказа умѣло; всегда онъ блещетъ юморомъ, живостью и необыкновенною чистотою и ясностью рѣчи. Въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ Григоровичъ сообщаетъ, что русскій языкъ не былъ для него вполнѣ роднымъ и что его сначала затрудняло недостаточное знаніе языка. При чтеніи его произведеній очень трудно повѣрить этому. Григоровичъ одинъ изъ блестящихъ нашихъ стилистовъ. Но всего удивительнѣе то обаяніе, какимъ онъ зачаровываетъ слушателя, о чемъ бы онъ ни говорилъ. Заведетъ ли онъ рѣчь о томъ, возможна ли любовь съ перваго взгляда, станетъ ли восхвалять патріархальную жизнь рыбаковъ — нельзя оторваться отъ страницъ книги. Самое пустое приключеніе — анекдотъ о томъ, какъ два младшихъ чиновника стали, сами не зная того, ухаживать за содержанкой ихъ начальника жившей по сосѣдству съ ними, и были застигнуты начальствомъ врасплохъ у своей очаровательницы, — Григоровичъ умѣетъ разсказать такъ, что получается художественное произведеніе, картина, на которой всѣ лица живутъ полной жизнью.

Много содѣйствуетъ художественности разсказовъ Григоровича его умѣнье живописать. Какъ у большинства беллетристовъ-бытописателей, произведенія его лишены той тайной музыкальности, заставляющей прислушиваться къ мелодіи чувства, какую можно подмѣтить въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, напримѣръ, Тургенева («Фаустъ», «Три встрѣчи»); зато на ея счетъ развилась сторона живописная. Мы уже говорили объ умѣньѣ Григоровича подмѣтить въ крестьянскомъ быту все красивое и картинное. И это — черта общая всѣмъ его произведеніямъ. Когда читаешь ихъ, получается такое впечатлѣніе, будто передъ глазами проходитъ быстро смѣняющаяся панорама жанровыхъ картинъ. Приступая къ разсказу, Григоровичъ, прежде всего, мастерски очерчиваетъ мѣсто дѣйствія; онъ не забудетъ при этомъ ни одного яркаго пятна картины, ни одного предмета, характернаго для обстановки. Всегда онъ упомянетъ и объ освѣщеніи. И тогда уже на общемъ фонѣ онъ напишетъ дѣйствующихъ лицъ, при чемъ такъ обрисуетъ ихъ наружности, ихъ одежду, что читателю всегда будетъ казаться, что онъ гдѣ-то встрѣчалъ героевъ Григоровича. Достаточно припомнить фигуру Акима, или дѣдушки Кондратія изъ «Рыбаковъ», портретъ г-жи Фуфлыгиной въ розовой шляпкѣ на скамейкѣ III класса, описаніе избы Антона Горемыки и сидящихъ въ ней его жены и Архаровны, чтобы понять, сколько сюжетовъ для прекрасныхъ картинъ масляными красками

могли бы дать произведенія Григоровича. Онъ настоящій живописецъ, въ родѣ г. В. Е. Маковскаго или Рѣпина съ тою только разницею, что пишетъ не красками, а словами и пишетъ еще ярче и колоритнѣе.

Говоря о талантѣ Григоровича къ живописанію, нельзя умолчать о картинахъ природы въ его произведеніяхъ. Описанія природы въ романахъ —вещь сравнительно новая. Романисты прошлыхъ вѣковъ никогда не отводили имъ много мѣста. У большинства англійскихъ писателей даже нынѣшняго вѣка, у Теккерея, Диккенса, въ цѣломъ романѣ иногда не встрѣтишь ни клочка голубого неба, ни деревца, а тѣмъ болѣе цѣлаго пейзажа. Украшать романы и повѣсти картинами природы стали только въ послѣднее время, и особенно много на этомъ поприщѣ сдѣлано русскими писателями и именно Тургеневымъ и Григоровичемъ. Какъ живописецъ въ душѣ, Григоровичъ умѣлъ отлично понимать и видѣть все, что красиво въ русской природѣ. По его мѣткому замѣчанію, «природа средней полосы Россіи рѣдко представляетъ сочетаніе мѣстности, которая бы въ общей сложности могла назваться великолѣпной панорамой; все ограничивается, обыкновенно, нѣсколькими лощинами, обросшими лѣсомъ и оживленными ручьемъ, или безконечною гладью полей и луговъ съ разбросанными кой-гдѣ деревушками. Вся прелесть этихъ видовъ заключается не столько въ общемъ ихъ очертаніи, сколько въ деталяхъ и тѣхъ мелкихъ эпизодахъ, которые попадаются на каждомъ шагу, но со всѣмъ тѣмъ рѣдко группируются въ одну гармоническую картину («Смедовская долина»). И вотъ такіе-то эпизоды и детали особенно умѣлъ подмѣчать Григоровичъ. Сколько такихъ эпизодовъ въ «Рыбакахъ»! Какъ живописна хижина дѣдушки Кондратія съ соломенною кровлею на берегу озера! Какъ картиненъ ночлегъ гуртовщиковъ при свѣтѣ костра въ сосѣдствѣ съ громадными быками, которыхъ они пригнали на продажу! Какъ хороши въ первой главѣ «Пахатника и бархатника» детали повилики, оплетавшей подошву колосьевъ, разливая въ воздухѣ тонкій миндальный запахъ, и пестрѣвшей бѣлорозовыми чашечками въ жаркомъ лучезарномъ сіяньѣ, наполнявшемъ глубину поля!

Для современнаго читателя произведенія Григоровича представляются въ видѣ живописной панорамы средней и сѣверной Россіи; передъ глазами читателя попеременно проходятъ то поля и лѣса, извивы рѣкъ въ разное время года и дня, то деревни и отдѣльныя избы, то большіе города съ блестящими парадными домами на главныхъ улицахъ и жалкими лачужками на окраинахъ. Среди этой страны Григоровичъ показываетъ и населеніе, его нравы, обычаи; жизнь въ ея общемъ теченіи съ ея общественными отношеніями и явленіями то несправедливыми, то великодушными, но всегда одинаково интересными. И эта-то интересность зрѣлища, показываемаго Григоровичемъ, заставляетъ забывать нѣкоторую его односторонность и, несмотря на нее, считать нашего писателя однимъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ художниковъ, мастеромъ старой, образцовой школы.

Красновъ.

Внутреннія и внѣшнія особенности таланта Григоровича и его тѣневыя стороны.

И до Григоровича и съ нимъ рядомъ въ нашей литературѣ были попытки ввести мужика въ семью литературныхъ героевъ. То было время литературы бѣдныхъ людей, горемыкъ, петербургскихъ угловъ, подваловъ и чердаковъ. Отсюда недалеко было и до горемыки—крѣпостного мужика. Но послѣдняго начали изображать только со стороны его небывалыхъ нѣжныхъ чувствъ. Житейская обстановка крестьянъ была въ пренебреженіи. Григоровичъ же одинъ изъ первыхъ началъ проникать во весь строй крестьянской жизни, въ особенности всего міросозерцанія простолюдина. Въ каждой народной повѣсти Григоровичъ показываетъ, какъ его герои связаны съ своею средою, съ своимъ міркомъ, тяготѣющимъ надъ ними своими требованіями и отношеніями. Такимъ образомъ Григоровичъ первый возбудилъ интересъ къ реальному народному быту.

Страннымъ, поэтому, кажется намъ мнѣніе нѣкоторыхъ, что Григоровичъ будто бы выводитъ въ своихъ произведеніяхъ не чистокровныхъ мужиковъ, а какихъ-то пейзановъ по образцу героевъ Жоржъ-Зандъ. Странно видѣть пейзана въ мужикѣ Григоровича, задавленномъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ крѣпостничества бѣдностью, невѣжествомъ, непосильнымъ трудомъ. Но и въ такихъ условіяхъ жизни мужикъ все-таки сохранилъ добрыя стороны своего характера: нравственную стойкость, выносливость, незлобіе и прочее. Въ изображеніи этихъ сторонъ народнаго характера видна не сентиментальность Григоровича, а его теплое, сердечное пониманіе жизни, души крѣпостного люда: «Въ грязномъ и грубомъ мужикѣ, въ простой бабѣ онъ всегда видитъ человѣка, съ особенною любовью старается отыскать въ нихъ все хорошее и рядомъ съ картинами и образами потрясающими, мрачными любитъ изображать трогательныя сцены семейнаго счастія и радости («Пахари», «Четыре времени года», «Свѣтлое Христово воскресеніе», «Прохожій»), характеры сильные и привлекательные, полные любви, кроткаго незлобія и терпѣнія. Представленія русскаго простонародія съ его свѣтлыхъ сторонъ, привлекающихъ къ себѣ читателя, составляетъ яркую особенность симпатичнаго таланта Дмитрія Васильевича».

У Григоровича разумное, а не сентиментальное, Карамзинское преклоненіе предъ положительными сторонами характера крестьянъ. Всѣ лучшія свойства простолюдина: сила вѣры, кротость, чистота помысловъ, расчетливость, любовь къ хозяйственному порядку и тому подобное не составляютъ его природнаго дарованія, а находятъ себѣ объясненіе въ условіяхъ его земледѣльческаго быта. Его «пахарь» постольку и хорошъ, поскольку онъ крестьянинъ; его Глѣбъ Савиничъ («Рыбаки») потому именно и хорошъ, что въ своемъ лицѣ воплощаетъ все лучшее въ крестьянскомъ и рыбачьемъ быту, среди

котораго онъ выросъ и живетъ; его Алеша («Прохожій») потому и образцовый мужъ, и примѣрный сынъ, что не тронутъ городскою и фабричною жизнью и т. д. Наоборотъ, Карпъ (въ «Деревнѣ») потому и негодяй, что весь пропитанъ атмосферою миткалевой фабрики. Это прототипъ подобныхъ лицъ въ другихъ повѣстяхъ Григоровича: торгашей, фабричныхъ гулякъ, подобныхъ пріемышу Гринѣ Загару (въ «Рыбакахъ») и др.

Къ внѣшнимъ особенностямъ таланта Григоровича относится его склонность къ жанру, въ художественномъ описаніи прелестей и красотъ сельской природы. Разнообразные ландшафты природы описаны у него до мельчайшихъ деталей; такъ сказать, ароматъ сельской природы чувствуется въ каждомъ простонародномъ произведеніи Григоровича, особенно въ «Антонѣ Горемыкѣ», «Переселенцахъ» и «Четырехъ временахъ года».

Другою внѣшнею особенностію произведеній Григоровича является обиліе этнографическаго матеріала, подобно разсказамъ Даля. Часто этнографическій элементъ повѣсти совершенно заслоняетъ собою самое повѣствованіе, напр., въ повѣсти «Прохожій».

Конечно, талантъ Григоровича не безъ крупныхъ недостатковъ. Къ нимъ относятся растянутость въ изложеніи, искусственные эффекты, отсутствіе истиннаго юмора, къ которому тѣмъ не менѣе Григоровичъ часто прибѣгаетъ; мѣстами мелодраматичность нѣкоторыхъ сценъ, особенно въ большихъ произведеніяхъ (припомнимъ, напримѣръ, деревенскую идиллію на озерѣ въ «Рыбакахъ») и т. п.

Что же касается историческаго значенія народныхъ произведеній Григоровича, то оно неоцѣнимо. Этими произведеніями Григоровичъ отвлекъ нашу литературу отъ ея замкнутой жизни среди интеллигентныхъ слоевъ русскаго общества и ввелъ ее въ кругъ интересовъ простонародной жизни. Въ отношеніи же крѣпостного права сочиненія Григоровича имѣли значеніе, аналогичное съ значеніемъ извѣстной «Хижины дяди Тома» Бичеръ Стоу. Особенно такое значеніе выпало на долю «Антона Горемыки». «Историческое значеніе «Антона Горемыки» вообще, не меньше «Записокъ Охотника». Уступая имъ въ художественныхъ достоинствахъ и въ глубинѣ народной психологіи, «Антонъ Горемыка» яснѣе и непосредственнѣе обрисовалъ ужасы крѣпостного права. Если возводить 19-е февраля къ его литературному генезису, то слезы, пролитыя надъ «Антономъ Горемыкою», занимаютъ въ немъ такое почетное мѣсто, какъ чувство глубокаго уваженія къ народу, которое читателя «Записокъ Охотника» приводило къ убѣжденію, что народъ достоинъ свободы».

Въ заключеніе не можемъ не указать на ту беззавѣтную любовь къ родному словесному искусству, какою отличался умершій писатель. Любовь эта помогла таланту Григоровича выбраться изъ неблагопріятныхъ условій его дѣтства и юношества и во всю жизнь его свѣтила ему отраднымъ маякомъ. «Я всегда», говоритъ Григоровичъ, «съ чувствомъ глубочайшей благодарности обращаюсь къ Про-

мыслу, направившему меня съ юности къ литературнымъ занятіямъ. Любовь къ литературѣ была моимъ ангеломъ-хранителемъ; она пріучила меня къ труду, она часто служила мнѣ лучше разсудка, предостерегая меня отъ опасныхъ увлеченій; ей одной, наконецъ, обязанъ я долей истиннаго счастья, испытаннаго мною въ жизни» («Литерат. воспомин.»). *Дроздовъ.*

Художественныя произведенія изъ народнаго быта въ ихъ отношеніи къ дѣйствительности.

«Рыбаки» романъ Григоровича невольно возбуждаетъ потребность отдать отчетъ о рядѣ литературныхъ произведеній съ тѣмъ же направленіемъ, какимъ онъ отличается. Созданія, въ основаніи которыхъ лежатъ жизнь и обычаи простого народа, замѣтно расплодилась у насъ во всѣхъ формахъ, и уже начали составлять яркую и, скажемъ, утѣшительную черту современной литературы. Много новыхъ элементовъ для романа, повѣсти и комедій открыли даровитые писатели на этомъ поприщѣ; много оригинальныхъ лицъ и физіономій, принадлежащихъ исключительно русскому міру, ввели они въ дѣло, и на многіе, доселѣ еще невѣдомые источники патетическаго, страстнаго и комическаго успѣли они указать намъ. Бодрость и сила, отличающія всегда плоды свѣжей, нетронутой почвы, сообщаются и этимъ народнымъ произведеніямъ и чувствуются даже тогда, когда, отстранивъ мысленно и съ усиліемъ, разумѣется, родовую привязанность къ лицамъ, выводимымъ ими, вы стараетесь взглянуть на нихъ, какъ чужой на чужого. Чувствуется присутствіе оригинальной мысли въ этихъ изображеніяхъ новаго міра, открытаго авторами, который по самой своей замкнутости и своеобычности представляетъ вмѣстѣ со многими затрудненіями (о чемъ будемъ сейчасъ говорить) и много выгодъ для писателя. Такъ, произведенія изъ народнаго быта всегда сжатѣе, сосредоточеннѣе, чѣмъ тѣ, которыя захватываютъ разнородные круги общества, а потому и дѣйствуютъ сильнѣе послѣднихъ на воображеніе въ минуты самаго чтенія; они не имѣютъ причинъ заниматься анализомъ тонкихъ душевныхъ ощущеній, и потому кажутся здоровыми на видъ; они, наконецъ, проще въ завязкѣ, которая не можетъ быть сложна по существу самаго дѣла, и потому кажутся особенно величавыми на первый взглядъ.

Отдавъ полную справедливость качествамъ, отличающимъ новое направленіе въ литературѣ, и всей душой желая еще большаго его развитія, мы, однакожъ, должны предостеречь публику отъ недоразумѣнія, которое легко можетъ возникнуть по поводу его. Многіе, и въ томъ числѣ, вѣроятно, нѣкоторые изъ писателей этого рода, думаютъ, что простонародная жизнь можетъ быть введена собственно въ литературу во всей своей подробности, безъ малѣйшаго ущерба

для истины, цвѣта и значенія своего. По нашему крайнему разумѣнію, это весьма важная ошибка, способная пробудить (и порождающая) безплодныя стремленія къ такой цѣли, которая врядъ ли можетъ быть достигнута. Литературная передача всякаго явленія имѣетъ свои незыблемыя правила, пріемы, манеру, которымъ долженъ подчиниться матеріалъ самый непокорный, и которые налагаютъ клеймо свое на самый гордый и самостоятельный предметъ. Что бы ни дѣлалъ авторъ для тщательнаго сохраненія истины и оригинальности въ своихъ лицахъ, онъ принужденъ наложить краску искусственности на нихъ, какъ только принялся за литературное описаніе. Желаніе сохранить рядомъ другъ подлѣ друга требованія искусства съ настоящимъ, жесткимъ ходомъ жизни, произвесть эстетическій эффектъ и вмѣстѣ цѣликомъ выставить бытъ, мало подчиняющійся вообще эффекту,—желаніе это кажется намъ неисполнимымъ. Еще хуже бываетъ, когда коснется дѣло до выраженія нравственнаго достоинства, присущаго лицамъ простонародья. Здѣсь является опять литературное пониманіе его, почасту расходящееся съ простымъ, менѣе требовательнымъ пониманіемъ самаго круга. Есть, наконецъ, множество строгихъ представленій въ литературѣ, безспорно принимаемыхъ всѣми, какъ фундаментъ, на которомъ легко, прилично и удачно могутъ быть построены завязка и интересъ разсказа. Въ извѣстной степени представленія эти не чужды никакому классу; но они никакъ не составляютъ обязанности или несчастія для простого человѣка, и авторъ принужденъ иногда гнуть постороннее лицо подъ ними къ землѣ только силою своего произвола. Къ этому прибавить надо добрую часть книжныхъ истинъ, вмѣшивающуюся, разумѣется, невольно отъ самого автора, въ его сужденіе и сообщающую завязкѣ совсѣмъ другой цвѣтъ, чѣмъ тотъ, подъ которымъ является она невооруженному глазу человѣка. Въ этомъ перечетѣ разныхъ литературныхъ условій нельзя забыть и того, что въ арсеналѣ беллетристическаго произведенія есть всегда множество поясненій, развязокъ и окончательныхъ соображеній, готовыхъ къ услугамъ писателя, который долженъ только владѣть талантомъ правильнаго выбора; но они, случается иногда, не составляютъ ни малѣйшаго объясненія, никакой развязки дѣлу въ глазахъ человѣка, знакомаго съ нимъ настоящимъ образомъ. Такъ, истина жизни и литературная истина въ смѣшеніи своемъ отнимаютъ другъ отъ друга цѣлыя, иногда весьма характерныя части. Этимъ даже можно объяснить отчасти явленіе, уже замѣченное многими. Грамотный, но еще не развитой простолюдинъ, читая грубыя изображенія самого себя, не читаетъ поясненій своей жизни, дѣлаемыхъ поэзіей и литературой. Дѣйствительно, они должны многое скрыть въ его глазахъ: такъ, очертанія крыльца и забора итальянской избы пропадаютъ въ гущѣ плюща и винограда, обвивающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

Мы весьма далеки отъ мысли обвинить всѣхъ нашихъ разсказчиковъ въ тѣхъ погрѣшностяхъ, которыя перечислены нами теперь:

напротивъ, мы видимъ во всѣхъ тщательное стараніе обойти ихъ. Но это самое и доказываетъ, что онѣ дѣйствительно существуютъ, и что не всегда могутъ быть обойдены. Простонародную такъ называемую литературу никакъ нельзя сравнить съ тѣми группами разсказовъ, какіе еще недавно существовали у насъ: ни съ разсказами объ идеальныхъ художникахъ, томящихся въ дѣйствительности, ни съ свѣтскими повѣстями, гдѣ калейдоскопически противопоставлено внѣшнее изящество благородству простого, робкаго чувства и пр. Тѣ брали преимущественно свои типы изъ воображенія, распаленнаго ночной работой, простонародные разсказы берутъ свои типы изъ жизни и, какъ мы сказали, часто даютъ имъ выраженіе глубокое и сильно затрогивающее чувство читателя. Со всѣмъ тѣмъ общій характеръ разсказовъ послѣдняго рода заключается именно въ томъ столкновеніи искусства съ выбраннымъ предметомъ, о которыхъ сейчасъ говорено было. Почти въ каждомъ разсказѣ видите вы тяжелую борьбу между литературной манерой и бытомъ, который подчиняется ей не совсѣмъ охотно. Есть напряженіе со стороны писателя и добрая цѣль изворотовъ, которыя не укрываются отъ глазъ читателя. Борьба писателя переходитъ и на чтеца его, и какое-то необъяснимое сомнѣніе идетъ объ руку съ невольнымъ увлеченіемъ отъ разсказа. По окончаніи чтенія вы побѣждены авторомъ, благодаря многимъ превосходнымъ частностямъ, столь изобилующимъ въ новыхъ произведеніяхъ, благодаря мастерскимъ описаніямъ, яркимъ освѣщеніямъ картинъ, что́ составляетъ неотъемлемую принадлежность этой школы, благодаря, наконецъ, чертамъ глубоко и вѣрно подмѣченнымъ въ жизни; но когда возвращаетесь вы къ основной мысли произведенія, сужденіе ваше опять двоится. Въ душѣ вашей рождается смутное и неопредѣленное чувство. Вы знаете, что разсказъ превосходенъ; но вы спрашиваете: много ли въ немъ истины самой по себѣ, и такъ ли сказывается она въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ?

Довольно замѣчательно, что, сличеніемъ разныхъ произведеній одного и того же рода, вопросъ, заданный вами себѣ самому, не разрѣшается, а напротивъ, еще больше запутывается. Кто не знаетъ изъ русскихъ читателей, что въ небольшихъ разсказахъ, гдѣ дѣло собственно въ подмѣткѣ внѣшней физіономіи простолюдина, въ описаніи обычая, привычекъ его, въ изложеніи формальныхъ его отношеній къ другимъ людямъ и, наконецъ, въ уловленіи характеристическихъ частностей его быта и природы, гдѣ онъ движется, школа произвела нѣсколько образцовыхъ вещей. Таковы нѣкоторые разсказы Тургенева, Писемскаго, Кокорева и многіе эпизоды самого Григоровича и пр. То же самое можно сказать и о вводныхъ лицахъ у другихъ писателей, не занимавшихся преимущественно тѣмъ отдѣломъ, о которомъ говоримъ. Вѣрность подлинному типу и истина самаго представленія бросаются вездѣ въ глаза читателя. Наслажденіе это еще увеличивается отъ разнообразія средствъ, какія употребляются писателями для выраженія типовъ, встрѣченныхъ ими. Родъ таланта,

свойственный каждому изъ авторовъ, его художническіе способы, освѣщеніе, какое преимущественно любитъ онъ давать своимъ представленіямъ, наконецъ, уголъ зрѣнія, подъ которымъ онъ наблюдаетъ ихъ,—все это, вмѣстѣ съ живостью изображаемаго предмета, оставляетъ въ насъ вполнѣ цѣльное впечатлѣніе. Совсѣмъ другое бываетъ, когда писатель переходитъ къ идеализаціи быта, другими словами: къ открытію мысли, движущей его, къ скрытнымъ душевнымъ ощущеніямъ и къ поводамъ, опредѣляющимъ его убѣжденія, привязанности, отвращенія. Здѣсь писатель становится въ противорѣчіе почти съ каждымъ изъ своихъ читателей, имѣющимъ о томъ же предметѣ свои мысли, а также почти и съ каждымъ собратомъ своимъ по ремеслу. На этой общей почвѣ писатели, представляющіе такое множество точекъ соприкосновенія, уже не сходятся... То, что одному кажется естественнымъ выводомъ изъ всей жизни человѣка, то другому кажется искусственной прибавкой со стороны біографа; гдѣ одинъ видитъ ограниченную потребность, тамъ другой открываетъ только случайность и т. д. Метода приложенія чувствъ и мыслей, имѣющихъ уже права гражданства въ образованномъ мірѣ, къ жизни на всѣхъ концахъ общества имѣетъ и защитниковъ и противниковъ, сражающихся доводами одинаково сильными, т.-е. произведеніями, въ которыхъ искусно развито то и другое убѣжденіе. Изъ разногласія этого отдѣляется, однакоже, для наблюдательнаго глаза, одна непреложная истина. Смущенный читатель начинаетъ догадываться, что настоящее существо дѣла, слово разгадки, которое должно примирить всѣхъ, какъ древняя рѣка Алфей, бѣжитъ подъ землею, и что вмѣсто дѣла наружу бросается только литературное пониманіе его, какъ свѣжая растительность, доказывающая несомнѣнное существованіе источника. Но литературное пониманіе уже не имѣетъ достаточной очевидности, чтобы подчинить себѣ мысли, убѣжденія читателя. Будучи дѣломъ личнаго произвола, оно тѣмъ же личнымъ произволомъ и можетъ быть отстранено. Это не капиталъ, имѣющій одну установленную цѣнность, а фондъ, упадающій и возвышающійся смотря по развитію и состоянію мысли въ обществѣ и по ея направленію. Такимъ образомъ, литературное произведеніе является намъ, какъ дерево висячихъ садовъ, поднятое на огромную высоту, выращенное на почвѣ, тщательно собранной тамъ, и, при всей пышности своей, не имѣющее того залога настоящей растительной жизни, какая свойственна дереву, самобытно поднявшемуся на родной землѣ и глубоко пустившему въ нее корни свои. *Анненковъ.*

«Деревня».

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Д. В. Григоровичъ подробно разсказываетъ исторію новаго произведенія, которое было имъ написано въ тиши деревенскаго уединенія.

«Я сознавалъ»—пишетъ онъ,—«что пришелъ конецъ моимъ мытарствамъ, что пора одуматься, пора прійти въ себя, приняться за настоящую работу и доказать, что мои порывы къ литературѣ не были мимоходными капризами, но признакомъ врожденнаго призванія»...

Долго не попадалось подходящаго сюжета; но случай помогъ дѣлу: «Къ матушкѣ,—разсказываетъ писатель,—привезли больную молодую бабу. За обѣдомъ матушка разсказала ея исторію. Ее противъ воли выдали замужъ за грубаго молодого парня, котораго также приневолили взять ее въ жены; онъ возненавидѣлъ ее, чему не мало способствовали его сестры, началъ ее бить въ трезвомъ и пьяномъ видѣ и заколотилъ почти до смерти; баба была въ злѣйшей чахоткѣ и врядъ ли могла пережить весну. Она говорила, что ей легче умереть, чѣмъ жить; ее сокрушала только судьба дочки, двухлѣтней дѣвочки: онъ и ее заколотитъ на смерть, говорила она. Разсказъ этотъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Сюжетъ повѣсти былъ найденъ. Я тотчасъ же принялся его обдумывать и приводить въ повѣствовательную форму. Знакомый съ простонароднымъ русскимъ языкомъ только по рѣдкимъ книгамъ, которыя удавалось читать, я сталъ усердно его изучать практически, проводилъ время на мельницѣ, бесѣдуя съ помольцами, разговаривалъ съ нашими крестьянами, стараясь прислушаться къ складу ихъ рѣчи, записывалъ выраженія, казавшіяся мнѣ особенно характерными и живописными... Первыя главы стоили мнѣ неимовѣрнаго труда. Французскій языкъ, которымъ меня питали до тринадцатилѣтняго возраста, все еще по временамъ давалъ себя чувствовать; я долго иногда путался, пріискивая ту фразу, которая должна была выпукло и пластично выразить то, что хотѣлось сказать... Каждую главу передѣлывалъ я, переписывалъ по нѣсколько разъ, вымарывая, переправляя въ ней все, что чуть-чуть казалось неладнымъ...

Изъ «Воспоминаній» Григоровича.

Общее содержаніе повѣсти «Деревня».

Здѣсь описана печальная жизнь крестьянской дѣвушки-сироты, много горя натерпѣвшейся еще въ дѣтствѣ и юности въ чужой семьѣ, а затѣмъ насильно выдаваемой замужъ, по капризу барина (который думаетъ, что оказываетъ ей благодѣяніе) за парня, которому вовсе не нравится и вся семья котораго не желаетъ этого брака. Повѣсть оканчивается смертью несчастной женщины, замученной мужемъ. Сцены, когда баринъ объявляетъ свою волю роднѣ жениха, отчаяніе невѣсты, пѣсни и пляска передъ барскими хоромами для увеселенія господъ, приходъ молодыхъ на поклонъ къ помѣщику—все это написано не особенно ярко, но было большою

новостью въ литературѣ[1]). Авторъ, видимо, желалъ показать, сколько горя можетъ причинить человѣкъ, даже и не злой, но плохо знающій крестьянскую жизнь и, между тѣмъ, вооруженный почти неограниченной властью надъ крестьянами своей вотчины. На Бѣлинскаго эта повѣсть произвела очень благопріятное впечатлѣніе.

Семевскій.

Новизна содержанія «Деревни» и произведенное ею впечатлѣніе.

Въ повѣсти, сюжетомъ которой послужило дѣйствительно деревенское происшествіе, разсказывалась исторія бѣдственной жизни и смерти крестьянской сироты, выданной замужъ по приказанію барина за грубаго мужика, буяна, пьяницу и драчуна. Исторія немногосложна, но разсказана она была съ искреннимъ сочувствіемъ къ горю сиротки; въ ней было замѣтно наблюденіе надъ жизнію деревни; въ ней рельефно изображена и темнота и грубость и безправность народная. Весь разсказъ дышитъ чувствомъ грусти, общимъ печальнымъ тономъ. Но главное, необыченъ былъ выборъ сюжета для разсказа. Простонародная жизнь въ наготѣ ея, съ обыденной обстановкой, до сихъ поръ еще ни разу не была предметомъ литературнаго изображенія. Разсказъ «Деревня» былъ первенцемъ произведеній изъ простонароднаго быта. Немудрено, что разсказъ обратилъ на себя общее вниманіе, заставивъ заинтересоваться имъ и современную критику. Это была собственно первая повѣсть, рисовавшая бытъ народный въ самой голой правдѣ и тѣмъ самымъ ближе всего подошедшая навстрѣчу зарождавшимся въ обществѣ симпатіямъ къ крестьянскому люду. Самъ Григоровичъ придавалъ, очевидно, особое значеніе новому, непривычному для тогдашнихъ читателей сюжету своего произведенія. «Хотя разсказчикъ этой повѣсти», говоритъ онъ, «чувствуетъ неизъяснимое наслажденіе говорить о просвѣщенныхъ, образованныхъ и принадлежащихъ къ высшему классу людяхъ; хотя онъ вполнѣ убѣжденъ, что самъ читатель несравненно болѣе интересуется ими, нежели грубыми, грязными и вдобавокъ еще глупыми мужиками и бабами, однако онъ перейдетъ скорѣе къ послѣднимъ, какъ лицамъ, составляющимъ, увы! главный предметъ его повѣствованія». Успѣхъ деревни сблизилъ автора ея съ такими лицами, какъ Даль (Казакъ Луганскій), авторомъ многочисленныхъ маленькихъ этнографическихъ разсказовъ изъ народнаго быта.

---

[1]) Тургеневъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ говоритъ о повѣсти Григоровича, что «это первая попытка сближенія нашей литературы съ народной жизнью, первая изъ нашихъ деревенскихъ исторій —«Dorfgeschichten». Написана она была языкомъ нѣсколько изысканнымъ, не безъ сентиментальности, но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта несомнѣнно».

и съ Сахаровымъ, авторомъ двухтомныхъ «Сказаній русскаго народа». Знакомство съ такими писателями, особенно съ Далемъ, обогатили Григоровича знаніемъ народнаго языка.

Изъ «Филологическихъ Записокъ» за 1900 и 1902 г.

Антонъ Горемыка.

Антонъ-Горемыка—одна изъ лучшихъ русскихъ повѣстей, справедливо доставившихъ автору извѣстность, основана на очень интересномъ мотивѣ—опытѣ крестьянъ забытой бариномъ деревни, разоренныхъ въ конецъ управляющимъ, послать отъ имени всѣхъ жалобу, на послѣдняго, барину. Результатъ этой жалобы, писанной единственнымъ зажиточнымъ работящимъ мужикомъ Антономъ,—сдача женатаго брата послѣдняго въ солдаты, разореніе Антона и, наконецъ, отправленіе въ острогъ его самого. Первое, на что здѣсь должно быть обращено вниманіе—это готовность Антона послужить общему дѣлу и страданія, претерпѣнныя имъ однимъ за всѣхъ. Сбивъ нѣсколько мелодраматически конецъ (Антонъ попадаетъ въ лѣсъ къ разбойнику брату и подозрѣвается въ ограбленіи вмѣстѣ съ нимъ купца; личность старухи Архаровны), авторъ тѣмъ не менѣе искусно проводитъ постепенное развитіе въ честномъ человѣкѣ отчаянія и, наконецъ, доводитъ Антона почти до готовности даже на преступленіе. Жаль только, что причина гоненія Антона со стороны управляющаго выясняется только во второй половинѣ повѣсти. Но тѣмъ не менѣе интересъ возбужденъ съ самаго ея начала. Такъ первыя двѣ главы знакомятъ съ бѣдственнымъ положеніемъ страдальца, несмотря на всю свою бѣдность дѣлящагося послѣднимъ кускомъ съ побирушкой и воспитывающаго дѣтей брата, къ которымъ Антонъ относится такъ тепло (сцены въ лѣсу съ племянникомъ, возвращеніе домой, встрѣча съ племянницей, ласки къ дѣтямъ въ избѣ). Требованіе управляющимъ подушныхъ заставляетъ Антона отправиться въ городъ на ярмарку продавать свою единственную лошадь, кормилицу-Пѣгашку; но ее крадутъ на постояломъ дворѣ, и бѣднякъ попадаетъ въ разбойничій притонъ къ брату Ермолаю. Послѣдняя глава—отправленіе Антона вмѣстѣ съ разбойниками въ острогъ—полна высокаго потрясающаго драматизма, еще болѣе усиливающагося контрастомъ двухъ братьевъ, изъ коихъ Антонъ остается все тѣмъ же, только окончательно уже убитымъ, пассивнымъ страдальцемъ, какимъ является и во всей повѣсти. Кромѣ героя, на которомъ сосредоточивается интересъ, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на изображеніе самого народа. Подавленный нуждой, онъ или ходитъ пришибленный, какъ Антонъ, или пьянствуетъ, или крадетъ и мошенничаетъ, какъ рыжій мужикъ на постояломъ дворѣ; или же, думая только о себѣ, грабитъ своего же ближняго, какъ мельникъ Аксентій. Тупой на соображеніе, дѣйствующій только подъ вліяніемъ минуты, этотъ на-

родъ, хотя и увлекается подчасъ участіемъ къ судьбѣ товарища, какъ это было съ постояльцами въ городѣ, когда украли Антонову лошадь; но переходъ внутреннихъ движеній въ немъ внезапенъ и быстръ: добро идетъ рядъ объ рядъ съ лихомъ, и часто одно вѣнчается другимъ почти мгновенно. Стоитъ плуту-дворнику сказать рѣшительно нѣсколько словъ, и толпа вполнѣ соглашается съ ихъ справедливостью, помогаетъ бѣдняку глупыми совѣтами, и, спровадивъ его, уже начинаетъ заподозрѣвать въ мошенничествѣ и самого Антона; стоитъ подошедшему фабричному изъ одной съ Антономъ деревни разсказать о причинѣ его бѣдственнаго положенія, причинѣ вражды къ нему управляющаго, участіе уже опять на сторонѣ горемыки. Не ищите въ этомъ народѣ никакой выдержки: стадное чувство и постоянное памятованіе о томъ, что «своя шкура дороже»,— вотъ что движетъ имъ, вотъ почему и не удается жалоба барину. Закричалъ на мужика управляющій. «Кто, говоритъ, писалъ на меня жалобу? Мы оплошали, сробѣли; ну, а какъ видимъ, дѣло то больно плохо подступило, не сдобровать, доконаетъ, всѣ въ одинъ голосъ Антона и назвали». (Разсказъ фабричнаго.) Плохо также горемыкѣ разсчитывать и на народное участіе, сочувствіе къ какому бы то ни было, хоть самому ужасному горю. Смѣхъ старика надъ бѣгущимъ за лошадью ополоумѣвшимъ Антономъ, равнодушіе кузнеца Вавилы, набивающаго колодки на Антона, праздное любопытство этой толпы взрослыхъ дѣтей къ колодкамъ: —Эки штуки!... Занятно больно. А что, дядя Вавило, я, чай, куда тяжелы станутъ. Гдѣ ты ихъ срубилъ, дядя Вавило?—эти черствыя слова про человѣка, принявшаго на одного себя отвѣтъ за цѣлый міръ—«Подѣломъ ему, мошеннику... подѣломъ... что вы его, братцы, разбойника, жалѣете?!»—все это такія черты грубости и безчеловѣчія, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе юноши для того, чтобы онъ, любя народъ, понималъ, какія живутъ въ этомъ народѣ, рядомъ съ прекраснѣйшими качествами, страшные пороки, глубоко вкоренившіеся въ народные нравы.

Острогорскій.

Отношеніе публики и критики къ «Антону Горемыкѣ», при первомъ ея появленіи въ печати.

Несчастія, постигшія Антона, его трагическая участь, изображены Григоровичемъ мастерски. Повѣсть и до настоящаго времени производитъ впечатлѣніе, когда народный бытъ, съ его неустройствомъ и неурядицами, значительно исчерпанъ уже многими талантливыми писателями.

Тогда же «Антонъ Горемыка» произвелъ прямо потрясающее впечатлѣніе. Передъ читателями повѣсти стоялъ краснорѣчивый фактъ, выхваченный изъ жизни, доказывающій весь ужасъ положенія безправнаго мужика, въ которое онъ поставленъ рабскимъ состояніемъ.

Это былъ яркій протестъ противъ крѣпостного права[1]). Несоотвѣтствіе окончанія повѣсти съ ходомъ дѣйствія не уничтожило ея значенія и вліянія на общество. Она появилась въ такой моментъ, когда общество достигло степени развитія, при которой не могло считать положеніе простого народа нормально и хладнокровно къ этому относиться; когда лучшіе русскіе люди изстрадались и измучились отъ сознанія народнаго безправія и темноты; когда, однимъ словомъ, струны общественнаго сознанія слишкомъ ужъ туго были натянуты. Григоровичъ съ силой ударилъ по этимъ струнамъ и вызвалъ въ сердцахъ современниковъ самый горячій отзвукъ.

Съ появленіемъ «Антона Горемыки» за Григоровичемъ устанавливается репутація народнаго писателя, отъ котораго ожидается многое въ будущемъ. Бѣлинскій призналъ «Антона Горемыку» истинно художественнымъ произведеніемъ: «Антонъ Горемыка», писалъ критикъ, «больше, чѣмъ повѣсть, это — романъ, въ которомъ все вѣрно основной идеѣ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходитъ изъ самой сущности дѣла. Несмотря на то, что внѣшняя сторона разсказа вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антонъ мужикъ простой, вовсе не изъ бойкихъ и хитрыхъ, онъ — лицо трагическое въ полномъ значеніи этого слова. Эта повѣсть трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ всей души, чтобы Григоровичъ продолжалъ итти по этой дорогѣ, на которой отъ его таланта можно ожидать много».

Изъ Филологическихъ записокъ за 1900 и 1902 г.

Сопоставленіе земледѣльческаго быта съ фабричною крестьянскою жизнію въ повѣсти „Пахарь“.

Это собственно не повѣсть, а физіологическій очеркъ, въ которомъ авторъ высказываетъ свой взглядъ на изображаемый имъ міръ, свои отношенія къ этому міру — что весьма цѣнно для оцѣнки такихъ исключительныхъ произведеній, каковы простонародныя. Прежде всего Григоровичъ рисуетъ картины русской сельской природы, картины проселковъ и заявляетъ любовь къ деревенской жизни, къ народу; но особенную любовь свою заявляетъ авторъ къ земле-

[1]) Повѣсть всполошила тогдашнюю цензуру. Она появилась въ печати, благодаря гуманному цензору Никитенко, для спасенія повѣсти сочинившему для нея свое окончаніе. Въ первоначальномъ своемъ видѣ повѣсть кончилась тѣмъ, что крестьяне, доведенные до крайности злоупотребленіями управляющаго, поджигаютъ его домъ и бросаютъ въ огонь самого управляющаго. Никитенко пощадилъ управляющаго и заставилъ крестьянъ предъ отправленіемъ на поселеніе покаяться и просить у міра прощенія. Въ теперешнемъ своемъ видѣ повѣсть носитъ окончаніе, несоотвѣтствующее ни тому ни другому варіанту.

дѣльческому быту. «Анисимычъ» *(Пахарь)*, говоритъ онъ, «принадлежитъ къ числу тѣхъ трудолюбивыхъ дѣловыхъ пахарей стараго вѣка, которые, къ величайшему сожалѣнію, переводятся годъ отъ году. Особенно рѣдко теперь встрѣчаются они въ *нашихъ мѣстахъ*. По мѣрѣ того, какъ развивался у насъ фабричный промыселъ, воздѣлываніе полей приходило въ упадокъ; челнокъ, красная рубаха и гармонія замѣтно смѣняли соху, балалайку и лапти; вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно также исчезалъ типъ настоящаго, коренного, первобытнаго пахаря... Меня особенно поражала въ немъ всегда необычайная кротость нрава, чистота вымысловъ и благочестіе. Единственная вещь, быть можетъ, которой не любилъ онъ, было миткалевое производство; но никогда, однакожъ, не относился онъ съ насмѣшкой, злобой или пренебреженіемъ, когда рѣчь заходила объ этомъ предметѣ. Онъ, помнится, покручивалъ только сѣдою головою и говорилъ: «Худое ремесло то, когда ничего не дѣлаешь! Коли человѣкъ кормится фабриками, стало, и въ нихъ прокъ есть. Нехороша только жизнь фабричная — вотъ что похвалить нельзя; нехороши эти гулянки да кабаки, да пищалки эти (такъ онъ называлъ гармоніи). Что денегъ-то даютъ хозяева, — присовокупитъ онъ обыкновенно, — за этимъ гнаться нечего: деньги только въ соблазнъ вводятъ. Нашему брату денегъ не надобно: былъ бы хлѣбъ святой» (V, 26—28). Останавливаемся. Эта любовь къ земледѣльческому быту, отыскиваніе въ немъ чего-то успокоивающаго, врачующаго всякій душевный недугъ и всякую язву, сопоставленіе съ нимъ о бокъ фабричной крестьянской жизни составляетъ любимую идею разбираемаго нами автора. Но Григоровичъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ не такъ благодушно, какъ его пахарь Анисимычъ, смотритъ на фабричный промыселъ, на всякій выходъ изъ исключительной сферы земледѣлія, рыболовства и всего того, что отрываетъ человѣка отъ природы. Карающая Немезида, въ образѣ какого-нибудь Филиппа или Захарки, тамъ и здѣсь является у него и грозитъ неумолимо казнію земледѣльческимъ изгоямъ. Кротость нрава, чистота помысловъ и благочестіе еще не составляли всѣхъ отличительныхъ чертъ идеала, который осуществляетъ въ своихъ произведеніяхъ Григоровичъ: Анисимычъ его любилъ строгій хозяйственный порядокъ, ни въ чемъ никогда не нуждался, оказывался всегда очень крѣпкимъ (т.-е. расчетливымъ), былъ мастакъ во всякомъ хозяйскомъ дѣлѣ, дышалъ одною жизнію съ природой и многому отъ нея научился. Не занимая никакой общественной (мірской) должности, Анисимычъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ: «его слушали и почитали больше, чѣмъ начальниковъ, которые избирались міромъ» (V, 36). Словомъ, во всемъ своемъ очеркѣ авторъ силился представить типъ земледѣльческаго патріарха, благодушно живущаго, благодушно страдающаго (какъ, напримѣръ, при отдачѣ въ солдаты меньшого сына Васи), благодушно умирающаго.

Де-Пуле.

Общее содержаніе повѣсти „Пахарь“ и поэтическій ея колоритъ.

Повѣсть «Пахарь» выводитъ старика-пахаря, «смуглые, честные пальцы котораго въ продолженіе семидесяти лѣтъ складывались только для труда и для крестнаго знаменія» (гл. XXVI, т. V); она показываетъ, что, «съ точки зрѣнія высоконравственнаго смысла, тотъ только *человѣкъ*, кто въ сферѣ, предназначенной ему судьбой, не даромъ жилъ на свѣтѣ, кто честно и свято исполнялъ свои обязанности, кто сохранилъ чистоту души» (гл. XXXII). Эта повѣсть заставила полюбить Россію, ея простую сельскую жизнь. Увлекательно описаны здѣсь наши проселки, на которыхъ писатель видитъ поэзію цѣлой страны. Они изъ конца въ конецъ обхватили всю русскую землю, врѣзались въ самое сердце русской земли. «Они приведутъ васъ», говоритъ Григоровичъ, «въ самые затаенные, самые сокровенные закоулки этого далеко еще не извѣданнаго сердца. Тутъ узнаете вы жизнь народа, тутъ только увидите настоящее русское поле; тутъ вы впервые услышите народную рѣчь и настоящую русскую пѣсню и, головой вамъ ручаюсь,—сладко забьется ваше сердце, если вы только любите эту пѣсню, этотъ народъ и эту землю» (гл. III). Сельская жизнь улучшаетъ человѣческую природу, замѣчаетъ писатель (гл. X). Сильно также дѣйствуетъ на душу ближайшее знакомство съ бытомъ простого народа (гл. XII).

Кого не удивитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не тронетъ вѣра въ Провидѣніе? «Такъ, знать, Богу угодно!» «Его на то святая воля»! скажетъ вамъ здѣсь простолюдинъ (гл. XI). «Кого не тронутъ эти простодушно дѣтскія мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ простой здравый смыслъ? Кто не умилится душою при видѣ этого всегдашняго, ежедневнаго труда, начатаго крестнымъ знаменіемъ и совершаемаго терпѣливо, безропотно!» (гл. XII, т. V). «Нашему брату денегъ не надобно: былъ бы хлѣбъ святой. Есть хлѣбъ,—ни въ чемъ, значитъ, недостатка не будетъ, потому что хлѣбъ всѣмъ надобенъ, всякому, то есть, человѣку; на что хочешь, можно промѣнять его» (гл. XX). «Хлѣбъ—Божій даръ!.. Хлѣбъ—дѣло святое» (гл. XXI).

Въ повѣсти описываетъ сочинитель свою прогулку весною по полямъ, гдѣ онъ видѣлъ волнистые скаты горъ, блестящую рѣчку,—поле, облитое солнцемъ и оживленное пахарями, глухимъ жужжаніемъ насѣкомыхъ и жаворонками, которые неумолкаемо заливались въ небѣ,—описываетъ первый весенній сѣвъ (гл. XIV), пользующійся въ простонародьи особымъ почетомъ,—сѣятелей съ рѣшетами и кузовомъ, разсыпающихъ зерна по полю, самую пахоту, бороненье. Всѣ эти прекрасныя описанія освѣжаютъ сердце читателя. О сельской природѣ писатель такъ разсуждаетъ: «Она говоритъ пахарю и распускающимся листомъ и восходомъ солнца, говоритъ ему мерцаніемъ звѣздъ, те-

ченіемъ вѣтра, полетомъ птицъ и тысячею, тысячею другихъ голосовъ (гл. XXIV). Описаніе рекрутской очереди (гл. XXVI), находящееся въ повѣсти, представляетъ потрясающую картину: оно уже вошло въ наши учебныя книги. *Водовозовъ.*

Содержаніе повѣсти Григоровича: „Пахатникъ и бархатникъ“ и ея основная мысль.

«Пахатникъ и бархатникъ», дѣлится на двѣ части: въ одной изображается положеніе пахатника, т.-е. крестьянина, которымъ распоряжается какой-нибудь свирѣпый управляющій, въ то время какъ баринъ живетъ себѣ весело въ Петербургѣ, предполагая, что крестьяне его должны благоденствовать, такъ какъ онъ приказалъ замѣнить «яремъ старинной барщины легкимъ оброкомъ». А между тѣмъ мужикъ долженъ продать за безцѣнокъ чуть не весь урожай хлѣба, потому что управляющій, именемъ барина, преждевременно потребовалъ уплаты оброка за будущій годъ. Разумѣется, отъ этого мужику только одно разоренье. Вотъ онъ, не ожидая такой напасти, сторговалъ себѣ новую избу, но долженъ отказаться отъ нея, потерявъ часть задатка, такъ какъ весь расчетъ его уничтоженъ однимъ словомъ управляющаго. Во второй части изображается бархатникъ, т.-е. баринъ, который на одно представленіе какой-нибудь молоденькой актрисы кидаетъ нѣсколько оброковъ, покупая дорогіе букеты, предназначенные быть у ногъ улыбающейся на сценѣ красавицы. Значитъ, мысль произведенія Григоровича далеко не новая. Ея касался еще въ прошедшемъ столѣтіи Княжнинъ въ своей комедіи «Несчастіе отъ кареты» и, признаемся откровенно, съ большой энергіей высказалъ свою мысль. Въ наше же время, эта мысль такъ развита въ обществѣ, что дѣлать ее содержаніемъ своего произведенія, значитъ не сказать ничего новаго, или другими словами, высказать то, что всѣмъ давно извѣстно. Впрочемъ, мы никакъ не думаемъ, обвинять Григоровича, зачѣмъ онъ вступился за крестьянина: дѣло доброе; мы только хотимъ указать, на ту практическую точку, съ которой должно смотрѣть на его разсказъ. Мы не въ правѣ требовать отъ него строгаго художественнаго развитія, не вправѣ упрекать, зачѣмъ всѣ части разсказа слишкомъ замѣтно сшиты бѣлыми нитками, зачѣмъ разсказчикъ такъ гоняется за разными ненужными сценами и лицами, чтобы только растянуть свой разсказъ. Доброе дѣло прикрываетъ все, объ умѣньи же Григоровича легко, плавно и, пожалуй, живописно разсказывать мы не распространяемся, полагая, что это извѣстно всякому.

Изъ «Сѣверной Пчелы», 1861 г., № 18.

Въ «Пахатникѣ и бархатникѣ» Григоровича выставленъ рѣзкій контрастъ между судьбою оброчнаго мужика, у котораго продаютъ

послѣднюю лошадь, чтобы выколотить двадцатипятирублевую недоимку, и петербургскимъ бариномъ, который эти самые двадцать пять рублей тратитъ на букетъ какой-то танцовщицѣ, Разумѣется, тожество кредитки, съ такимъ трудомъ уплаченной мужикомъ и съ такою легкостію истраченной бариномъ, понадобилась только ради кричащаго эффекта, такъ какъ оно ровно ничего не прибавляетъ къ безсердечію помѣщика, если поднесеніе букета и слѣдуетъ признать безсердечнымъ. Контрастъ между обѣими частями повѣсти, такимъ образомъ, внѣшній и сводится лишь къ вѣчному противоположенію безпечнаго довольства голой нищетѣ. На самомъ дѣлѣ вина барина вовсе не въ томъ, что онъ живетъ широко, а въ томъ лишь, что, требуя съ крестьянъ оброкъ, онъ не даетъ себѣ труда войти въ ихъ положеніе и управленіе помѣстьемъ довѣряетъ кулаку-приказчику. Въ этой повѣсти Григоровичъ уплатилъ дань требованіямъ времени и дань, признаться сказать, шаблонную. Впрочемъ, нѣсколько фельетонное содержаніе повѣсти искупается всегдашнимъ качествомъ Григоровича—тонкою отдѣлкою мелкихъ штриховъ, одинаково вѣрныхъ и въ картинѣ мужицкаго горя и въ сценахъ великосвѣтскаго разгула.

Орловскій.

„Свѣтлое Христово воскресенье“ и идиллическій характеръ этого разсказа.

«Свѣтлое Христово воскресенье». Мы разъ уже высказали наше сочувствіе къ идиллическимъ изображеніямъ нашего простонароднаго быта, чрезвычайно удающимся Григоровичу, и въ настоящемъ случаѣ, не боясь нисколько быть пристрастными, повторимъ то же самое. Григоровичъ одаренъ вѣрнымъ, художническимъ чувствомъ, онъ старается подмѣчать тонкія черты явленій, онъ вѣритъ въ то, что описываетъ и любитъ создаваемыя имъ лица. Не всегда удается ему, правда, уловить всю свободу народной рѣчи, часто онъ переписываетъ только выраженія, многое въ его произведеніяхъ похоже на мозаическую работу, но нельзя не уважить въ немъ той любви, съ которою всматривается онъ въ народный бытъ, нельзя не увлечься теплымъ колоритомъ его картинъ, безпритязательнымъ простодушіемъ его художническихъ очерковъ: выпуклостью и круглотою создаваемыхъ имъ образовъ. Содержаніе новой идилліи такъ просто, что только съ талантомъ Григоровича можно было за него взяться; скажемъ еще больше: въ этомъ содержаніи есть что-то аллегорическое, что непріятно поразило бы въ произведеніи всякаго другого, но у автора «Свѣтлаго воскресенья» это аллегорическое выкупается такою простодушною искренностью разсказа, которая служитъ какъ бы противоядіемъ всему сухому и сентенціонному, что замѣчалось въ содержаніи. Разсказывать идилліи Григоровича мы не станемъ, во-первыхъ потому, что она много бы потеряла въ нашемъ разсказѣ, а во-

вторыхъ потому, что она, вѣроятно, прочтена уже всѣми читателями. Самая лучшая сцена ея, по нашему мнѣнію — встрѣча бѣдняка Андрея съ Дарьею, передъ заутреней, сцена высшей степени граціозная и простая.

Крутизна ли дороги, или тяжесть ноши на груди Андрея тому способствовали, но только сердце его билось почему-то сильно, грустныя мысли, бросавшія тѣнь на лицо его, ничѣмъ не разсѣялись; свѣтлѣй и свѣтлѣй становилось въ душѣ пахаря.

— Что ты несешь? — спросила послѣ минутнаго молчанія Дарья, кивнувъ головою на грудь своего спутника, приподнятую спавшимъ подлѣ нея ребенкомъ.

Андрей взглянулъ на дѣвушку и засмѣялся.

— Что ты смѣешься?

«Угадай?» произнесъ онъ, прикоснувшись слегка къ полушубку.

Дѣвушка остановилась, сдѣлала шагъ къ мужику и съ любопытствомъ пригнулась къ полушубку; въ эту минуту ребенокъ проснулся, открылъ глаза, протянулъ ножки и, взглянувъ въ лицо Дарьи, молча обвилъ ея шею рученками.

Андрей поневолѣ долженъ былъ наклониться къ своей спутницѣ.

— А! такъ вотъ это кто!...— сказала Дарья, разглаживая одной рукой волосы дѣвочки, тогда какъ другая рука ея старалась, но тщетно, отвести руки ребенка; — ну, полно, Ласточка, пусти меня... Послушай, Андрей,— прибавила она, очутившись на свободѣ: дай мнѣ, я понесу ее.

Ребенокъ потянулся къ дѣвушкѣ и сказалъ, что хочетъ къ ней на руки.

«А развѣ тебѣ тетушку Дарью не жаль», — сказалъ отецъ убѣдительно — вѣдь мы теперь въ концѣ гору идемъ: и безъ тебя ей тяжело, съ тобой и совсѣмъ умается. Пойдемъ подъ гору, ступай къ ней, — слова тогда не скажу».

Ласточка свернулась по прежнему клубочкомъ подъ кожухомъ, такъ однакожъ, чтобы можно было глядѣть на дорогу.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Андрей раздумывалъ, что бы такое сказать своей спутницѣ.

Дарья такъ же не говорила ни слова, думая, вѣроятно, о томъ же. Обоимъ видимо стало почему-то неловко.

— Ты что это, Дарья, несешь? — спросилъ наконецъ Андрей не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ.

«Куличъ, пасху и яйцы несу святить»,— отвѣчала дѣвушка, поднявъ голову, а гдѣ же твоя пасха? — спросила она, оглядывая Андрея.

— Гдѣ моя пасха!? — возразилъ, вздохнувъ, пахарь.

«Что жъ? развѣ нѣтъ у тебя?... Экой ты какой! да ты бы къ намъ понавѣдался, попросилъ бы мою хозяйку... Она не стала бы перечить. У насъ много творогу осталось; вѣдь такъ же ребята его поѣли»...

Не можемъ такъ же не замѣтить, какъ безыскусственно граціозна Дарья въ ту минуту, когда разбогатѣвшій нежданно Андрей спрашиваетъ ее:

— А пойдешь за меня замужъ, Дарья?

«Пойду», отвѣчала она, опустивъ голову и принимаясь перебирать съ необыкновенною поспѣшностью окрайну передника.

И подобныхъ тонко-подмѣченныхъ чертъ чрезвычайно много въ идилліи Григоровича. *Изъ „Москвитянина“, 1854 г., ч. II.*

„Свѣтлое Христово воскресенье“ и „Смедовская долина“.

«Свѣтлое Христово воскресенье» — превосходный поэтическій очеркъ. Здѣсь дѣло не въ героѣ его Андреѣ, напоминающемъ голубиные характеры героевъ автора, въ родѣ Пахаря, Алексѣя и т. п., — дѣло въ картинахъ, представленныхъ поэтически, дѣло въ колоритѣ идиллическомъ и легендарномъ, выдержанномъ до конца; нѣтъ ничего лишняго и растянутаго».

«Смедовская долина», по нашему мнѣнію, есть самое лучшее, самое оконченное произведеніе Григоровича. Это прелестный, поэтическій очеркъ хорошъ не потому, что онъ рисуетъ картины любимой авторомъ приокской мѣстности, но потому, что кипитъ жизнію, драматизмомъ, страстями самыми могучими. И все это схвачено вовремя, представлено сжато и сильно и не разбавлено этнографической прозой; идея ровно ничѣмъ не подавляется и не тонетъ, а, напротивъ, больше уясняется въ сценахъ той жизни, которыми обставлены герои драмы, и безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ писатель. *Де-Пуле.*

„Бобыль“.

Въ напечатанномъ 1848 году разсказѣ «Бобыль» Григоровичъ рисуетъ ужасную судьбу дряхлаго старика, крѣпостного крестьянина, которому негдѣ головы приклонить. Вотъ уже девятый годъ, какъ съ него сняли тягло; онъ одинокъ, у него нѣтъ семьи, нѣтъ также земли и избенки. Онъ жилъ на хлѣбахъ у крестьянина, пока могъ еще работать, а теперь никто не хочетъ его держать; помѣщикъ же, несмотря на обязанность, возлагаемую на него закономъ, не допускать до нищенства своихъ крестьянъ, и не думалъ о немъ заботиться. Горемычная его жизнь кончается тѣмъ, что онъ умираетъ въ полѣ, въ ужасную осеннюю ночь, такъ какъ даже одна болѣе сердобольная помѣщица, занимающаяся лѣченіемъ крестьянъ, выгоняетъ его на вьюгу и непогоду изъ опасенія, что, въ случаѣ его смерти, ей не раздѣлаться съ судомъ. Этотъ разсказъ былъ хорошимъ отвѣтомъ на слова крѣпостниковъ и тѣхъ жертвъ, которыя приносятъ де помѣщики для обезпеченія пропитанія своихъ крестьянъ.

Семевскій.

„Прохожій“ и „Бобыль“.

Эти двѣ пьесы, родственныя по идеѣ, мы разсмотримъ вмѣстѣ. Повѣсть «Прохожій» кишитъ эффектами и этнографическими картинами. Въ ночь подъ новый годъ (повѣсть носитъ заглавіе святочнаго разсказа), во время страшнаго холода, вѣтра и метели, идетъ какой-то прохожій. Вотъ онъ приходитъ въ село, гдѣ, по случаю святокъ, происходили почти во всякомъ домѣ игры и празднества, просится переночевать Христовымъ именемъ, но никто его не только не пускаетъ, но даже гонятъ отъ воротъ. Бѣдному старику пришлось бы замерзнуть, если бы не сжалилась надъ нимъ одна бѣдная вдова Василиса и сынъ ея Алексѣй: они пріютили нищаго; но старикъ умеръ въ ту же ночь, оставивъ своимъ благодѣтелямъ кубышку, зарытую гдѣ-то въ землѣ. Не понимаемъ, что хотѣлъ сказать авторъ этимъ анекдотомъ, занимающимъ такое крошечное мѣсто въ повѣсти? Впрочемъ, главное въ «Прохожемъ» не самъ прохожій, выставленный для эффекта, а святочныя картины, — забавы молодежи, пирушки взрослыхъ, — картины, бойко написанныя. Но мастерство представленія этихъ картинъ отличается не творчествомъ, а близкимъ знакомствомъ съ жизнію простого народа: отсюда въ сценѣ пирушки у Савелія много сочиненнаго, фальшиваго; грязь картины нисколько не очищена поэтической дистилляціей. «Бобыль» гораздо лучше, чѣмъ предыдущій очеркъ. Идея его не новая: это идея баллады Пушкина «Утопленникъ», слова которой

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка,
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь!

авторъ взялъ эпиграфомъ для своей повѣсти. Эта боязнь суда, боязнь, развитая у насъ до ужасныхъ размѣровъ въ простонародьи, вслѣдствіе которой человѣкъ рѣшается на самые черствые, варварскіе поступки, есть фактъ глубоко-печальный. Но при разработкѣ этой идеи надобно избирать фактъ, наиболѣе возмущающій душу (таковъ, дѣйствительно, у Григоровича старый умирающій бобыль, не имѣющій нигдѣ пристанища и зашедшій въ ненастную осеннюю погоду въ село Кошково); надобно изображать людей, совершившихъ или, лучше сказать, принужденныхъ совершить варварскій поступокъ не какими-то безчувственными, загрубѣлыми чудовищами, а людьми, сознающими свое беззаконіе: иначе не будетъ поэзіи, не будетъ нравственнаго спасенія человѣческой природы, чѣмъ такъ дорожитъ искусство. Рыбакъ Пушкина, бросившій снова въ рѣку трупъ утопленника, попавшаго въ его сѣти, дрожитъ отъ страха, мысли его мѣшаются, страшный образъ мертвеца его мучитъ. Григоровичъ поступилъ истинно художественно, представивъ въ юмористическомъ видѣ добродѣтельную старушку-помѣщицу, Марью Петровну, сначала принявшую умирающаго бобыля, но потомъ, изъ боязни суда и

слѣдствія, приказавшую старостѣ отвезти его куда-нибудь: «Бѣги скорѣе къ старостѣ, скажи ему, чтобы велѣлъ запрячь телѣгу да отвезъ старичка куда ему надо... охъ! да вели ему, бѣденькому, дать пирожка на дорогу... Постой, вотъ я вылью въ посудинку бузины... *Пусть прежде напьется хорошенько горяченькаго*... Палашка! вынь ему также бѣлый хлѣбецъ изъ кладовой... а ты Ѳекла (къ которой относились всѣ эти приказанія) ступай сюда (тутъ она ввела бабу въ аптеку), на тебѣ мазь, скажи ему, чтобъ натиралъ грудь утромъ и вечеромъ... ахъ! съ нами крестная сила!... Ну, ступай, ступай... Господь съ тобой». *Де-Пуле.*

Святочный разсказъ.

Мы не можемъ не сказать о «Святочномъ разсказѣ»—поэтическомъ образцовомъ очеркѣ изъ простонароднаго быта. Въ самомъ началѣ разсказа авторъ-чиновникъ вдается въ лиризмъ самаго мрачнаго свойства, вертящійся на мысли: «Зачѣмъ я ѣду»? Вы, читатель, чувствуете, что мысли, высказанныя путешествующимъ чиновникомъ, проникнутыя самымъ горькимъ юморомъ, должны осуществиться и осуществляются на самомъ дѣлѣ, принявши этотъ мрачный и безстрастный образъ, всюду сующійся, всему мѣшающій, на челѣ котораго какъ бы написаны роковыя слова:

Lasciate ogni speranza!...

Далѣе авторъ рисуетъ картину рождественской ночи — эту деревенскую церковь, горѣвшую огнями и биткомъ набитую народомъ, эту семейную сцену на станціи, на которой онъ оставался для смѣны лошадей, сцену встрѣчи великаго праздника въ многочисленной, патріархальной семьѣ, во главѣ которой находился «слѣпой и ветхій дѣдушка». «Вотъ она, вотъ гдѣ она-то идиллія»! скажетъ читатель, Да! это, дѣйствительно, идиллія, и мастерски представленная: предъ вами, читатель, встаютъ самые знакомые образы, образы дѣтства, подобныя же сцены, въ которыхъ вы, какъ русскій, когда-то давно, но, безъ сомнѣнія, принимали участіе или которыхъ вы были хотя очевидцемъ. При этомъ, какъ при всемъ истинно-поэтическомъ,

Душа кипитъ и замираетъ,
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ.

И какъ удачно, какъ естественно представлена эта идиллія — въ день великаго праздника, въ день успокоенія отъ тяжелыхъ подавляющихъ трудовъ! Но, увы! очарованіе ваше мгновенно: идиллія подавлена, совсѣмъ уничтожена потрясающею душу драмой. Припомните свиданіе въ сѣняхъ станціи рекрута Петруши, внука дѣдушки, съ Марѳушей. Какая сила любви! Какое безысходное положеніе любящихся! И какъ изящно все это представлено авторомъ: ни тѣни

утрировки, ни слава въ родѣ: *о-хо-хо! знамо, больный!* Вотъ вамъ и идиллія. Съ тоскою на сердцѣ покидаете вы вмѣстѣ съ авторомъ станцію, съ тоскою мчитесь по снѣжнымъ равнинамъ: Мѣсто картинъ рисуетъ сильно возбужденная ваша фантазія; но всѣхъ неотразимѣе встаетъ безстрастный, но знакомый вамъ образъ, все отражающій и отдѣляющій, это — картина народа: «Вотъ онъ», говорите вы вмѣстѣ съ авторомъ, «городъ скорбей и никогда не удовлетворяемыхъ желаній, городъ желчныхъ честолюбій и ревнивыхъ, завистливыхъ надеждъ, городъ гнусно-искривленныхъ улыбокъ и заражающихъ воздухъ признательностей». *Де-Пуле.*

Свѣтлыя и темныя стороны жизни крестьянина-пахаря по сочиненіямъ Григоровича: „Пахарь", „Четыре времени года", „Кошка и Мышка", „Свѣтлое Христово Воскресеніе", „Мать и дочь" и „Бобыль".

Страстный любитель природы и тихой деревенской жизни во всей ея простотѣ, авторъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій отдаетъ явное предпочтеніе труду земледѣльческому передъ фабричнымъ; но не потому, чтобы онъ самъ былъ врагомъ фабрикъ, способствующихъ развитію промышленности, а потому, что фабричная жизнь, при настоящемъ своемъ состояніи, не только мало способствуетъ увеличенію народнаго благосостоянія, а еще, напротивъ, народъ спаиваетъ, портитъ его нравственность и часто ведетъ земледѣльца или рыбака къ конечному разоренію. Такое пристрастіе къ пахатному труду и простотѣ нравовъ породило прекрасную идиллію «Пахарь», представляющую какъ бы эпическое развитіе *Пѣсни пахаря* Кольцова. Встрѣтивъ въ полѣ молодого парня, Савелья — идеалъ пахаря молодца, сына, вполнѣ достойнаго своего батюшки, — авторъ освѣдомлялся объ его отцѣ, и узнаетъ, что старикъ лежитъ дома больной уже три дня. Этотъ-то древній старикъ, дѣятельный не по лѣтамъ Анисимычъ, и есть герой, къ трогательной, тихой смерти котораго привязанъ разсказъ. Это — типъ *трудолюбиваго, дѣлового пахаря стараго вѣка*, все болѣе и болѣе выводящійся съ упадкомъ воздѣлыванія земли на счетъ фабричнаго промысла; — этотъ человѣкъ совершенно сжился съ своимъ полемъ съ самаго младенчества и до старости сохранилъ *необычайную кротость нрава, чистоту помысловъ и благочестіе.* Нѣтъ тутъ не науки, которую замѣняетъ знаніе однѣхъ примѣтъ, нѣтъ даже корысти, стремленія къ деньгамъ; богатство пахаря — хлѣбъ: его даетъ ему вволю нива и трудъ, и старикъ готовъ подѣлиться хлѣбомъ съ каждымъ: *хлѣбъ — дѣло святое, — не то что деньги, деньги отъ человѣка, онъ ихъ выдумалъ, онъ ихъ и дѣлаетъ; а хлѣбъ — даръ Божій.* И такъ сроднился Анисимычъ съ природой, такъ вошелъ въ свое любимое пахатное дѣло, что мало и

интересуется дѣлами мірскими. Какъ особенной милости, просилъ онъ всегда, чтобы избавили его отъ всякой почетной должности, и никогда не бывалъ ни старостой ни даже сотскимъ. Но, тѣмъ не менѣе, его высоконравственная личность почиталась въ деревнѣ такъ, что безъ старика не обходилось ни одной сходки, ни дѣлежа, ни разбора семейныхъ распрей, и всѣ подчинялись его нелицепріятному приговору. Такъ, тихо и мирно, безъ бурь и потрясеній, за исключеніемъ отпуска одного изъ сыновей въ солдаты, протекала эта честная жизнь труда, и добрую память по себѣ оставилъ Анисимычъ и въ своихъ дѣтяхъ и во всемъ околодкѣ.

Четыре времени года, изъ жизни цѣлаго дружнаго, трудового крестьянскаго семейства, одна изъ лучшихъ вещей Григоровича. Эта идиллія, очень разнообразная по содержанію, знакомитъ читателя, едва ли, не со всѣми главнѣйшими интересами крестьянской жизни. Тутъ и пахата съ различными предположеніями объ урожаѣ, отъ котораго будетъ зависѣть уплата оброка, и остатокъ денегъ, съ которымъ можно было бы женить сына, и молитва о дождѣ, и радость всей деревни, когда дождь пошелъ; жатва и жница съ больнымъ ребенкомъ, несущая мужу въ поле обѣдъ, и поэтическій обрядъ наряженья снопа, когда *хлѣба снятаго уродилось вволюшку*, осенній отлетъ ласточекъ и свадьба; картина деревни при первомъ морозѣ, зимнія игры ребятишекъ, отдача оброка, за которымъ еще остались деньжишки про случай, и радость семьи, получившей за свой годовой трудъ сытый покой и довольство на зиму; наконецъ, и вечеръ съ отцомъ на горячей печи, и тихая бесѣда старушки съ невѣсткой и дѣтьми за прялкой. Эта же повѣсть ознакомитъ и съ значеніемъ въ крестьянскомъ быту коровы, отъ продажи которой, по ходу разсказа, зависитъ свадьба сына. Сцены, какъ похваливаетъ корову старикъ-отецъ, а воркунья-жена опасается, какъ бы скотина отъ похвалы не извелась, обмахиванье коровы вербою при выгонѣ скотины въ первый разъ въ поле, ругань бабъ изъ-за коровы, торгъ ея — однѣ изъ лучшихъ въ повѣсти, точно такъ же, какъ и покупка дѣдомъ на радостяхъ говядины, черныхъ котовъ для снохи и гостинцевъ для ребятишекъ. По отрадному впечатлѣнію, оставляемому повѣстью въ читателѣ, она, едва ли, не самая идиллическая изъ всѣхъ повѣстей Григоровича; одинъ только образъ бѣдной Дарьи, хоронящей своего единственнаго ребенка, подобно пушкинской тучѣ, наводитъ унылую тѣнь на свѣтлую картину. Тѣмъ же характеромъ идиллическаго изображенія семейныхъ радостей и горя всего болѣе подходитъ къ *Пахарю* повѣсть *Кошка и мышка*, въ которой точно такъ же контрастомъ съ радостнымъ рожденіемъ первенца-ребенка — главнымъ фактомъ разсказа — выставлена смерть всѣхъ троихъ дѣтей бѣдняка Андрея. Здѣсь также множество интересныхъ подробностей: возвращеніе мальчика Гришутки съ боченкомъ для водки, припасенной для крестинъ, и его отправленіе за водкой, біографія дѣдушки Савелья, семейныя радости и приготовленія къ крестинамъ, возвра-

щеніе дѣдушки домой, неожиданная смерть и похороны новорожденнаго. Все это — сцены, полныя трогательной простоты и граціи, точно такъ же, какъ рожденіе новаго внука, заставившаго забыть всѣ прошлыя горести. Но въ этой повѣсти есть уже, кромѣ смерти перваго ребенка, и элементъ драмы. Этотъ элементъ является здѣсь въ покупкѣ Гришуткой водки въ чужомъ откупѣ, за что Савелья притягиваютъ къ суду.

Къ числу бытовыхъ народныхъ картинъ, съ тѣмъ же идиллическимъ семейнымъ характеромъ, относятся два небольшихъ разсказа: *Прохожій* и *Свѣтлое Христово воскресеніе*. Первый — анекдотъ о томъ, какъ бѣднякъ-крестьянинъ, Алексѣй, пустилъ къ себѣ ночевать какого-то больного старика, который, въ награду за радушное гостепріимство, передъ смертью завѣщалъ ему кладъ; второй — народное повѣрье о какихъ-то таинственныхъ чумакахъ, обогатившихъ мужика посредствомъ чудесныхъ угольевъ. Въ томъ и другомъ разсказѣ изображается, собственно, не что иное, какъ избитое въ дѣтскихъ повѣстяхъ вознагражденіе добродѣтели и честной бѣдности; но не на эту случайную, даже чудесную награду должно быть обращено вниманіе читателя. Оба разсказа представляютъ деревенскіе проводы главнѣйшихъ годовыхъ праздниковъ: святокъ и ночи на Свѣтлое воскресенье, и кромѣ того, нѣсколько симпатичныхъ образовъ крестьянъ. Первый разсказъ начинается яркимъ контрастомъ. Въ страшную метель, въ Васильевъ вечеръ, бредетъ, приближаясь къ деревнѣ, одинокій прохожій, а между тѣмъ крестьяне весело готовятся къ проводамъ праздника. Цѣлый рядъ народныхъ обычаевъ: выбрасыванье хлѣбныхъ зеренъ изъ рукава ребятишками, подборъ этихъ зеренъ хозяйкой для будущаго урожая, ряженье дѣвокъ и парней, колядскія пѣсни подъ окномъ, обрядъ «смыванія лихоманки», дающій поводъ представить типъ знахарки, гаданье дѣвицы подъ окномъ, шутки и проказы ряженой молодежи на улицѣ и вечеринка у старосты. Все это даетъ много матеріала этнографическаго, за коимъ выступаютъ рѣзко очерченные народные характеры, особенно, староста, старостиха, парни и бѣднякъ Алексѣй, прогнанный изъ-за суевѣрнаго страха съ вечеринки и возвращающійся домой къ одинокой старушкѣ-матери. Эти послѣднія сцены, вмѣстѣ съ приходомъ и смертью прохожаго, написаны искусно и тепло. Тѣми же качествами отличаются въ другомъ разсказѣ *(Свѣтлое Христово воскресеніе)* описаніе бѣдной избы хозяина-вдовца Андрея, его отношеній къ единственной четырехлѣтней дочкѣ, съ которой онъ идетъ къ заутренѣ, дорога Андрея, въ церковь по пути съ батрачкой Дарьей, сопоставленіе двухъ бѣдняковъ, сочувствовавшихъ горькому положенію другъ друга; далѣе очень хорошо изображеніе полной народомъ церкви передъ заутреней, торжественнаго начала ея, христосованья, грустнаго возвращенія въ избу, гдѣ нѣтъ даже горячаго угля, чтобы затеплить предъ образомъ свѣчку (суевѣрный страхъ заставляетъ сосѣдей отказать Андрею даже и въ углѣ), и, наконецъ, наказанная жадность сосѣдей,

пережёгшихъ угольями одежду. Все это умѣетъ передать поэтъ такъ интересно и ярко, всѣмъ этимъ даетъ столько живого матеріала.

Если во всѣхъ, до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами, произведеніяхъ Григоровича идиллически выставляются почти исключительно *свѣтлыя* стороны крестьянской жизни, радости пахаря, его добродѣтели семейныя, его прилежный, настойчивый трудъ, вознаграждающійся сытымъ довольствомъ—то въ другихъ повѣстяхъ авторъ выставляетъ картины невѣжества, порока, жестокости, грубаго эгоизма, пьянства, тунеядства и поражающей нищеты,—словомъ, не скрываетъ и тѣхъ пороковъ, которые такъ обыкновенны въ нашемъ народѣ и нерѣдко бываютъ причиною гибели и отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ семей. Здѣсь необходимо встрѣчается поэтъ и съ одной изъ главныхъ причинъ народныхъ бѣдствій—съ крѣпостнымъ правомъ, изображеннымъ у него со всею наготою потрясающей душу правды.

Страшной жертвой поразительнаго невѣжества, грубости, безчеловѣчія, является эта помѣшанная, двадцатидвухлѣтняя, высокая, блѣдная, худая, съ продолговатымъ лицомъ и необыкновенно тонкими чертами, въ безобразныхъ лохмотьяхъ, Маша, прижимающая къ груди палку, которую спеленала она тряпьемъ наподобіе грудного младенца (*Мать и дочь*). Что же за причина сумасшествія этой, нѣкогда первой во всемъ селѣ красавицы, хороводницы, на которую и чужіе-то люди дивовались,—этой мастерицы на всякую работу, а потомъ отличной жены и матери? А причина вотъ какая. На Святой пришелся приходскій праздникъ. Отгуляли гулянки и разошлись по избамъ спать. «Въ Машиной избѣ народу было много:» три брата женатыхъ, окромя ея мужа. Ночью золовка Дарья, вѣроятно, какъ и всѣ прочіе, подгулявшая ради праздника, «заспала своего ребенка, однолѣтка съ Машинымъ», на бѣду звавшагося такъ же, какъ и ея сынъ, Петрушкой. «Дарья всполохнулась, да и давай кричать, что есть мочи: «Батюшки! Петрушка померъ!» Машѣ и покажись съ просонья, что померъ ея парнишко. Бросилась она съ полатей; съ перепугу-то зыбки не найдетъ; да и гдѣ найти? давка, тѣснота! темно, хоть глазъ выколи; она и давай метаться, какъ угорѣлая; ударилась со всего маха объ земь, мечется, кричитъ: запужалась больно съ просонья-то! Они-то, разсказываетъ старуха-мать, въ толкъ тогда и не взяли, да зачали ее бить; она еще пуще; они взяли, связали ее, да и стащили въ сѣни... И не то, чтобы изъ злобы какой; а просто народъ съ похмелья; къ тому же и грѣхъ такой прилучился... Ну, какъ пришли это они опосля въ сѣни, смотрятъ: Маша моя сидитъ посредь пола, сидитъ да бормочетъ не вѣсть что... никого, даже дѣтей не признаетъ... Съ той самой поры повредилась... Какъ же отнеслись къ несчастной мужъ и его родные, которые всѣ прежде не могли ею нахвалиться? Она роднымъ опротивѣла. Вѣстимо, кабы лаской да бережью брали, оно, можетъ статься, и такъ бы прошло, отлегло бы по-маленьку; ну, а какъ противна стала, и давай они поѣдомъ ѣсть

ее... Знамо, дурость-то наша крестьянская!» Къ этимъ простодушнымъ словамъ прибавлять нечего; но какъ же отнеслась старуха къ своему несчастію; понимаетъ ли она его? пробовала ли поискать хоть доктора, свезти дочь въ городъ — въ больницу? Судя по ея разсказу, она, отчасти, какъ будто, и понимаетъ главную причину своего горя; но, съ другой стороны, простой умъ не довольствуется причинами простыми, какъ бы очевидны онѣ ни были. Старухѣ кажется, что дочку извели, и тащится она въ глухую, суровую, ненастную осень, съ сознаваемою опасностью простудить больную, которая рветъ на себѣ послѣднюю плохую одежонку, верстъ за пятьдесятъ въ Беззубово: «добрые люди сказываютъ, живетъ вишь тамъ какой-то мужичокъ,— порчу, говорятъ, отводитъ всякую. Охъ, извели мою Машу, извели, родимый!» Что же сказалъ мужичокъ, чѣмъ утѣшилъ старуху? Она возвращается такая спокойная, кроткая, утѣшенная надеждой на выздоровленіе несчастной. Мужичокъ сказалъ: «Не отъ человѣка, говоритъ, отъ Господа Бога! Тутъ, говоритъ, человѣкъ не властенъ, на то Его святая воля!» По словамъ автора, старушка укрѣпилась вѣрою, и теперь будетъ переносить съ святою покорностію, терпѣливо и безропотно удары Провидѣнія». Конечно, слава Богу, если можетъ укрѣпить человѣка религія; но потрясающій результатъ невѣжества и безчеловѣчія существуетъ; и подобныхъ результатовъ въ огромной массѣ нашего народа гибель... Примѣръ таковаго результата представленъ въ повѣсти «Деревня». У больной и хилой скотницы рождается дочь. Мать умираетъ въ родахъ. Какъ же относится къ сироткѣ міръ? Бабья ссора изъ-за дырявыхъ обносковъ покойницы, тутъ же, у неуспѣшнаго еще охладѣть трупа, встрѣчаетъ первый плачъ дѣвочки, по жребію достающейся на воспитаніе новой скотницѣ, Домнѣ. А у той цѣлыхъ полдюжины своихъ дѣтей, и она тутъ же *проголосила, что жутко будетъ проклятому пострѣлу, навязавшемуся ей на шею.* И вотъ, женщина, въ сущности, вовсе не злая и не жестокая, а просто безалаберная, *нервная*, раздражительная, готовая хоть на комъ-нибудь выместить собственныя домашнія неудовольствія, сварливая баба начинаетъ воспитывать дѣвочку. «Ѣстъ и колотитъ она сиротку, лается на нее такъ, что хоть вонъ изъ избы бѣги; усопшую мать не оставитъ даже въ покоѣ, и при каждомъ ударѣ такого наговоритъ на покойницу, чего и вовсе не было». «За что бьешь дурища, дѣвочку?» спрашиваютъ воспитательницу! — «А такъ, для будущности пригодится», отвѣчаетъ Домна, совершенно оправдывая слова автора: «страсть къ битью, подзатыльникамъ, пинкамъ, нахлобучкамъ, затрещинамъ — не послѣдняя страсть въ простомъ человѣкѣ. И растетъ несчастный ребенокъ подъ побоями, руганью и попреками, съ семи лѣтъ уже приставленный смотрѣть за гусями; растетъ среди условій, губящихъ множество ему подобныхъ, въ самыхъ раннихъ лѣтахъ дѣтства, среди грубѣйшихъ суевѣрныхъ разсказовъ глупыхъ деревенскихъ бабъ, да калѣкъ-побирушекъ перехожихъ, и — выходитъ изъ ребенка дѣвушка за-

гнанная, робкая, слабосильная, заключенная въ себѣ самой, глубоко чувствующая свое горькое положеніе, сдѣлавшееся еще хуже съ возвращеніемъ домой съ фабрики мужа Домны, пьяницы и буяна. Но вотъ пріѣхавшій изъ чужихъ краевъ баринъ захотѣлъ показать женѣ еще никогда невиданную ею крестьянскую свадьбу, и бѣдняжку выдаютъ замужъ неволею, по барскому приказу, за Григорія, а тотъ начинаетъ, вмѣстѣ съ своей родней, поѣдомъ ѣсть ни въ чемъ неповинную жену, вдобавокъ оказывающуюся слабой, болѣзненной работницей. Побои, къ которымъ поощряетъ его «сѣдой, какъ лунь, мужикъ:» — «пѣстуй, пѣстуй ее, пускай-де знаетъ мужа: оно добро» — въ конецъ разстраиваютъ и безъ того слабое здоровье Акулины. Намѣренно доводитъ ее до могилы мужнина родня, и Акулина умираетъ, оставивъ на произволъ судьбы дочь. Мученія, претерпѣваемыя Акулиной съ перваго же дня замужества, безобразія вѣчно пьянаго мужа, сцена, когда ее, полумертвую, выгоняютъ въ рубищѣ на холодъ, смерть ея, и, наконецъ, раздирающая сцена похоронъ, когда пьяный мужъ пускаетъ вскачь розвальни съ плохо сколоченнымъ гробомъ, за которымъ бѣжитъ съ крикомъ и воплемъ ребенокъ — дочь покойницы — все это такая потрясающая, голая правда, что мы даже не рѣшаемся предложить эту повѣсть для чтенія дѣтямъ, но особенно рекомендуемъ ее для назиданія народу.

То же отсутствіе всякаго состраданія къ больному, страждущему человѣку, та же грубость нравовъ, равнодушіе къ несчастію ближняго рельефно выставлены въ небольшомъ прекрасномъ разсказѣ «Бобыль». Никто изъ цѣлой толпы ввалившейся на скотный дворъ поглазѣть на разбитаго грудью восьмидесятилѣтняго кровельщика, притащившагося за девяносто верстъ, который, не будучи въ состояніи итти далѣе, на родину, упалъ на скотномъ дворѣ, «никто не тронулся съ мѣста: всѣ глядѣли на него, вылупя глаза, съ какимъ-то притупленнымъ любопытствомъ». Видятъ, что на бѣднякѣ лица нѣтъ, что онъ, того и гляди, Богу душу отдастъ, и никому изъ цѣлой деревни не приходитъ въ голову пріютить старика, помочь ему. Мало того, — его насильно ставятъ на ноги, нахлобучиваютъ на голову шапку и ведутъ вонъ изъ избы. «Опустивъ голову, бѣднякъ безмолвно притащился въ сѣни, преслѣдуемый шумною толпою, которая чуть не сшибла съ ногъ его вожаковъ, ругавшихся на всѣ бока; но, когда его вывели на улицу, когда неумолимый дождь началъ снова колотить его въ спину, когда студеные лохмотья рубашки, вздуваемые свирѣпымъ вѣтромъ, начали хлестать въ его изнуренную грудь, старикъ поднялъ голову, и помертвѣлыя уста его невнятно прошептали о пощадѣ: но яростное завываніе бури заглушало слова страдальца, и его повлекли прямо къ околицѣ», за границу владѣній помѣщицы, гдѣ бѣднякъ къ утру и умеръ.

Но что же побуждаетъ къ такому безчеловѣчному поступку не только загрубѣлую дворню, но и добрѣйшую старушку помѣщицу, хотѣвшую-было и полѣчить больного и приказавшую даже положить

старичку въ сумку на дорожку бѣлаго хлѣба. Да то же соображеніе, какое побудило мужика у Пушкина оттолкнуть трупъ утопленника: «Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка... Съ нимъ я въ вѣкъ не разберусь»... Эта боязнь суда, какъ нельзя лучше, выражается въ слѣдующихъ словахъ помѣщицы, когда она узнаетъ, что къ трупу, найденному на чужой землѣ, уже пріѣхалъ становой: «Божья Матерь! Святой Сергій угодникъ... охъ!—простонала наконецъ Марья Петровна; головка ея тряслась сильнѣе обыкновеннаго, и теплыя благодарственныя слезы текли по изсохшимъ ея щекамъ». А за этой боязнью суда видится и другое, столь общее и нашему простолюдину, и даже образованному классу, соображеніе, высказываемое въ этомъ же разсказѣ приживалкою: «Богъ съ нимъ! Своя рубашка къ тѣлу ближе». Набожная помѣщица-благодѣтельница соболѣзнуетъ о несчастненькомъ: сама идетъ навѣстить его на скотный дворъ, готовитъ ему лѣкарства; но при первой мысли о вѣроятности смерти чужого мужика, сопряженной съ хлопотами, а, можетъ быть, и взяткой, велитъ выгнать его на вѣрную смерть на чужой землѣ. А народъ такъ даже и не соболѣзнуетъ, а просто грубо выталкиваетъ старика: «что съ нимъ больно кобениться, ведите его, и все тутъ; чего ждете? Небось хотите, чтобъ померъ, да всѣмъ бѣды накликалъ!»

Острогорскій.

Художественная сторона и идея романа „Рыбаки".

Григоровичъ создалъ романъ въ трехъ частяхъ изъ исторіи одного рыбацкаго семейства. Легко видѣть, какая тяжелая задача предстояла автору — развить въ формѣ художественнаго романа жизнь до того несложную, что первое слово каждаго лица заключаетъ въ себѣ всѣ остальныя его рѣчи, и первая мысль отражаетъ ужъ цѣлый рядъ мыслей, какія будутъ приходить къ нему во все существованіе его. Однакожъ авторъ исполнилъ свое дѣло съ замѣчательнымъ искусствомъ и твердой рукой. Ни разу не отрываетесь вы отъ романа съ усталостью или недоброжелательнымъ чувствомъ, благодаря мастерскимъ очеркамъ, посредствомъ которыхъ ярко представлены глазамъ вашимъ типическія лица, въ родѣ лѣниваго старика Акима, испорченнаго и кичливаго чада сельскихъ фабрикъ Захара, вялаго, но коварнаго цѣловальника Герасима и проч. Эти ловкіе очерки, весьма похожіе на эскизы художниковъ, еще обставлены подробностями, которыя доканчиваютъ поражающую истинность и оригинальность ихъ. Дудочки Акима, которыми любитъ онъ забавлять дѣтей, притонъ Герасима, табачный кисетъ и фабричное общество Захара, гдѣ онъ играетъ роль денди, — все это исполнено жизни и природы. Рѣдкая изъ нашихъ tableau de genre содержитъ столько характерныхъ подробностей, сколько ихъ собрано вокругъ каждаго лица въ романѣ. Авторъ даже не забылъ мелочей, уже дѣйстви-

тельно принадлежащихъ больше живописи, чѣмъ собственно описанію, какъ, напримѣръ, нѣкоторыя подробности въ фигурѣ молодой Дуни, моющей бѣлье на ручейкѣ, и проч. Съ инстинктомъ рисовальщика останавливается онъ также на эффектахъ, какіе имѣютъ, при извѣстномъ освѣщеніи дня или ночи, плетень, уголъ избы, рука, отбрасывающая тѣнь на лицо, и проч. и проч.; да и тотъ же инстинктъ рисовальщика преобладаетъ и въ его описаніяхъ мѣстности и природы. Тутъ гораздо болѣе живописи, т.-е. старанія подмѣтить краски и формы предметовъ, чѣмъ поэтическаго созерцанія и передачи прямыхъ впечатлѣній. Въ такомъ духѣ представлены, впрочемъ, съ несомнѣннымъ искусствомъ, картины весны, бури на Окѣ и всего театра дѣйствія, а въ описаніи ярмарки села Комарева, ночлега гуртовщиковъ подъ открытымъ небомъ, и во многихъ другихъ описаніяхъ авторъ достигъ широты изложенія и кисти, нечасто встрѣчающихся вообще въ его картинахъ. Со всѣмъ тѣмъ узелъ романическаго интереса составляютъ не эти превосходныя частности и не эти вводныя лица, а борьба стараго поколѣнія простолюдиновъ, представителями котораго являются всегда суровый рыбакъ Глѣбъ Савиновъ и всегда кроткій дѣдушка Кондратій, съ молодымъ поколѣніемъ, изображеннымъ въ лицахъ пріемыша и дѣтей Глѣба. Тутъ развивается настоящая драма, отъ столкновенія двухъ противоположныхъ настроеній, — драма, въ которой новое поколѣніе, за исключеніемъ только молодого Вани, обрисованнаго, впрочемъ, довольно слабо, пожертвовано въ нравственномъ отношеніи типамъ стараго времени. Авторъ на сторонѣ прошлаго и бывалыхъ людей. Они у него даже упорны, безпечны, гнѣвны съ достоинствомъ, между тѣмъ какъ страсти и наклонности потомковъ ихъ поставлены на низшую степень, и по инстинкту, и по выраженію, и по цѣли своей. Такъ ли это въ самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ, да, вѣроятно, и самъ авторъ, спрошенный добросовѣстно, не могъ бы отвѣчать на вопросъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Для насъ ясно, что это только литературная мысль, имѣющая мало общаго съ настоящимъ бытомъ, но безъ которой уже не могъ бы существовать романъ. Что это мысль счастливая — безспорно; что на ней движется весь механизмъ романа, со всѣми своими колесами и поршнями — тоже безспорно; но что она обязана существованіемъ только литературной необходимости, бросается въ глаза съ перваго раза. Это не существенная черта самой жизни, а только пружина автора, безъ которой нельзя было бы поднять и самую жизнь. Такъ, впрочемъ, всегда случается, лишь только вводится въ литературу и искусство простонародный бытъ. Онъ требуетъ помощи извнѣ, мысли, взятой со стороны, для оживленія своего. Это совсѣмъ не то, когда онъ сочиняетъ про себя, какъ извѣстно. Съ минуты появленія своего въ словесности простонародный бытъ требуетъ уже драгомана, а драгоманъ дѣлается при этомъ столь же значителенъ, какъ самъ довѣритель, и весьма часто важнѣе своего довѣрителя.

Чѣмъ ближе вглядываешься въ романъ Григоровича, тѣмъ яснѣе видишь, что литературная выдумка просачивается сквозь всѣ слои и толщи и проникаетъ почти во всѣ его представленія наравнѣ съ чертами изъ дѣйствительнаго быта. Извѣстно всякому, что романъ требуетъ строгой послѣдовательности и правильнаго развитія характеровъ. Для успѣха романа надобно, чтобы каждое его лицо въ каждую минуту было вѣрно самому себѣ. Такъ создавались всѣ хорошіе романы въ Европѣ, и Григоровичъ не могъ измѣнить, разумѣется, существенныхъ условій этого рода произведеній. Глѣбъ Савиновъ на каждой страницѣ романа сохраняетъ у него постоянно свою суровую, дѣльную, взыскательную физіономію. Ни разу не расправляются добродушіемъ черты его лица и ни разу онъ не забывается. Даже въ минуту смерти набѣгаютъ тѣ же самыя морщины на лобъ его, какія мы видѣли при первомъ съ нимъ знакомствѣ, хотя, надо сказать, описаніе смерти Глѣба Савинова и какого-то вдохновеннаго усиленнаго труда передъ нею принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ талантливаго разсказчика. То же самое видѣли мы и въ отношеніи добродушнаго, покорнаго судьбѣ Кондратія: онъ кротокъ во всякую минуту своей жизни, всегда говоритъ однѣ мягкія успокаивающія рѣчи, и ни одной ноты не взялъ онъ во все свое существованіе ни выше ни ниже надлежащаго. Та же система однообразнаго повторенія родовыхъ признаковъ лица, такъ сильно дѣйствующая на воображеніе читателя, прилагается и къ второстепеннымъ лицамъ романа. Между двумя сыновьями Глѣба, Петромъ и Василіемъ, установились особыя отношенія, въ которыхъ Петръ играетъ главную роль, Василій находится подъ нравственнымъ вліяніемъ старшаго брата. Когда возвращаются они черезъ нѣсколько лѣтъ опять въ отцовскій домъ и на сцену романа, Петръ снова играетъ роль руководителя, Василій снова находится подъ тлетворнымъ господствомъ его. И мы нисколько не намѣрены ставить въ вину автора этого тверженія задовъ, если смѣемъ такъ выразиться: оно принадлежитъ къ извѣстнымъ необходимостямъ, безъ которыхъ авторъ романа обойтись не можетъ, какъ мастеръ — безъ своего инструмента и которыя способствуютъ ему для выраженія характера выпукло и для произведенія особеннаго впечатлѣнія на память читателя. Мы только спрашиваемъ: въ какомъ отношеніи необходимость эта находится къ жизни и къ истинѣ? Положительнаго отвѣта мы опять дать не можемъ, но можемъ заключить a priori, что лицо изъ простого быта чаще всякаго другого должно срываться съ голоса и чаще переходить на другую сторону, потому что оно лишено тѣхъ искусственныхъ подпорокъ, которыя удерживаютъ человѣка весь вѣкъ на одномъ мѣстѣ и въ одномъ чувствѣ. Нѣтъ достаточныхъ причинъ, чтобы онъ подпалъ дѣйствію моральнаго столбняка, изъ котораго составляются романистами типы, наиболѣе яркіе и наиболѣе живущіе въ воспоминаніи читателя. Онъ — человѣкъ впечатлѣнія, а не принятой заранѣе мысли, которая, наконецъ, врастается въ плоть и кости; онъ

не наблюдаетъ за собой со строгостью школьнаго учителя и не ведетъ счета ошибкамъ или проступкамъ своимъ. Какъ живое лицо, онъ, разумѣется, имѣетъ опредѣленныя черты и наклонности; но состояніе общественнаго мнѣнія въ его кругѣ не такъ сурово, чтобы держать его постоянно въ одной позѣ и не позволять частыхъ отлучекъ по сторонамъ. Признаемся, все это кажется намъ очевиднымъ, и романъ Григоровича еще болѣе укрѣпляетъ въ насъ мнѣніе, что отъ передачи въ искусствѣ хода простонародной жизни можно ожидать много наслажденія, картинъ, оригинальныхъ лицъ, превосходныхъ описаній, но врядъ ли настоящаго познанія ея, какъ предмета для обсужденія и заключенія. А между тѣмъ многіе изъ писателей и весьма большое число читателей имѣютъ въ виду именно эту послѣднюю цѣль; но это все равно, что по вышинѣ египетской пирамиды судить о ростѣ людей, построившихъ ее.

Съ благодарностью къ автору оставляемъ мы его романъ, доставившій намъ много прекрасныхъ минутъ, и не упоминаемъ даже о нѣкоторой искусственности языка, которая замѣчается въ рѣчахъ его дѣйствующихъ лицъ всякій разъ, какъ они начинаютъ разсуждать. По наружѣ это языкъ простонародья, со всѣми пріемами своими, и, однакожъ, вы чувствуете, что это языкъ не подслушанный, а сочиненный. Изрѣдка проглядываютъ въ немъ фразы, видимо придуманныя авторомъ для выраженія какой-либо отвлеченной мысли, влагаемой въ уста простолюдина. Фраза тогда по конструкціи и виду совершенно простонародна; но въ ней видится рука автора и даже процессъ ея составленія, а въ отношеніи самого говорящаго лица она кажется скорѣе затверженною на память, чѣмъ такой, которая безъ вѣдома сорвалась съ его языка. При попыткѣ передать отвлеченныя мысли простонародья, и притомъ въ самомъ ходу дѣйствія, подобныя фразы должны являться, и разборомъ ихъ мы могли бы еще разъ подтвердить все теперь сказанное о неизбѣжномъ вмѣшательствѣ самого сочинителя въ повѣсть, разсказываемую имъ, о неизбѣжныхъ порывахъ, гдѣ авторъ долженъ иногда говорить за свои лица, какъ скрытый подъ полотномъ комедіантъ — за свои куклы. Общее превосходное впечатлѣніе цѣлаго романа Григоровича, конечно, скрываетъ эти недостатки; но они существуютъ, и въ менѣе обдуманныхъ, менѣе художественныхъ разсказахъ являются глубоко и ярко. Вмѣстѣ съ публикой, мы ждемъ отъ Григоровича новыхъ произведеній въ томъ же родѣ, и ждемъ съ живымъ участіемъ. Кромѣ прямого удовольствія, каждое изъ нихъ возбуждаетъ еще много вопросовъ и мыслей по поводу своего содержанія — свидѣтельство почти несомнѣнное, что содержаніе взято изъ нѣдръ жизни и привязано къ намъ тонкими неразрывными нитями.

Анненковъ.

Картины русской природы и крестьянскаго бытавъ романѣ „Рыбаки“.

Любимъ ли мы, русскіе, природу? Какъ описывали эту природу наши, русскіе писатели? и чему мы удивлялись, чѣмъ мы восхищались прежде, нежели осмотрѣлись и стали восхищаться нашими полями, нашими рѣками? На эту мысль невольно навело насъ заключеніе романа Григоровича «Рыбаки»: «Я былъ на Волгѣ въ первые годы моего дѣтства. Въ памяти моей успѣли изгладиться живописные холмы, лѣса и села, которые на протяженіи многихъ и многихъ сотенъ верстъ смотрятся въ свѣтлыя благодатныя волжскія воды. Судьба забросила меня на другую сторону, перенесла на другую рѣку: съ тѣхъ поръ я не разлучался съ Окою. Не знаю, обдѣлила ли меня судьба, или наградила, знаю только, что, проживъ двадцать-пять лѣтъ сряду на Окѣ, я ни разу не жаловался. Я скоро сроднился съ нею, и теперь люблю ее, какъ вторую отчизну. Не вините же меня въ пристрастіи, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ пристрастіе извинительно, — не вините же, если берега Оки, ея окрестности и маленькія рѣчки, въ нее впадающія, кажутся мнѣ краше и живописнѣе другихъ береговъ, мѣстностей и рѣчекъ Россіи. Не стану распространяться о преимуществахъ одной рѣки передъ другою, не скажу, напримѣръ, что Ока пространнѣе Волги и тому подобное... Тутъ же сознаюсь, что необъятное, обаяющее раздолье, жизнь и кипучая одушевленная дѣятельность принадлежитъ Волгѣ. Она же молчаливѣе, мельче и безрыбнѣе — по крайней мѣрѣ, въ нашихъ мѣстахъ. Она вполнѣ оживляется только въ половодье. Въ остальное время года, и особенно лѣтомъ, рѣдко увидите вы на ней нескончаемые караваны расшивъ; не промелькнутъ передъ очами вашими вереницы громадныхъ судовъ и барокъ, нагруженныхъ богатствомъ цѣлаго края; рѣдко услышите вы тѣ звонкіе клики и удалыя, веселящія сердце пѣсни бурлаковъ, которыя немолчно говорятъ, раздаются на Волгѣ. Не тревожатъ также Оку колеса пароходовъ: невозмутимо гладкою скатертью стелятся ея мирныя воды. Барка цѣликомъ повторяется на ровной ея поверхности, — повторяется вмѣстѣ съ высокимъ бородатымъ рулевымъ въ круглой бараньей шапкѣ, — повторяется съ соломеннымъ шалашомъ, служащимъ работникамъ защитою отъ дождя и зноя, съ бѣлой костлявой бичевной клячей, которая, смиренно стоя на носу и пережевывая тощее сѣно, терпѣливо ждетъ своей участи. Огонекъ, зажженный ночью на баркѣ, отражается въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Въ знойную лѣтнюю пору Ока оживляется, по большей части, однѣми бѣлыми чайками или рыболовами, снующими, какъ угорѣлые, по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. На песчаныхъ отмеляхъ, выдающихся иногда изъ средины рѣки, — отмеляхъ, усѣянныхъ мелкими, бѣлыми, какъ сахаръ, раковинами, покрытыми кой-гдѣ широкими пахучими листьями лопуха,

трещатъ цѣлыя полчища коростелей, чибисовъ, куликовъ, кой-гдѣ надъ ними, стоя на одной ногѣ и живописно изогнувъ шею, высится сѣрая цапля. Къ вечеру водворяется совершеннѣйшая тишина; какъ словно пріостанавливается тогда даже самое теченіе: поверхность рѣки не дрогнетъ. Съ такою отчетливостью повторяется въ водѣ высокій хребетъ нагорнаго берега, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить границы между водою и землею: берегъ кажется продолженіемъ рѣки. Въ этомъ часто темномъ отраженіи начинаютъ сверкать, какъ искры, играющія рыбки, появляются круги, и долго потомъ дрожатъ серебряныя, разбѣгающіяся нити. Тихо, безъ шума, безъ погрома, отрываются тогда отъ берега легкіе челноки рыбаковъ, которые спѣшатъ забросить свои верши.

«Не знаю, какъ вамъ, мой читатель, но что̀ до меня касается, люблю я эту торжественную тишину посреди широкаго простора водъ, замкнутаго высокимъ, величественно живописнымъ берегомъ. Въ виду природы на душу впечатлительную нисходятъ иногда минуты невообразимо благодатныя и свѣтлыя. Душа превращается какъ будто тогда въ глубокое, невозмутимо тихое, прозрачное озеро, отчетливо отражающее въ себѣ голубое небо, надъ нимъ раскинувшееся, и весь міръ, его окружающій. Достаточно уже ничтожнаго звука, чтобы докучливо потревожить сладкую задумчивость. Малѣйшій шумъ въ эти созерцательныя минуты возмущаетъ душу такъ же точно, какъ возмущается заснувшая поверхность озера отъ слабаго прикосновенія: все давнымъ-давно уже смолкло, а между тѣмъ водяной кругъ все еще дрожитъ на его ровномъ зеркалѣ... Къ тому же, тишина никогда не бываетъ безмолвна. Чуткій, счастливый слухъ всегда сумѣетъ передать душѣ таинственно робкіе, но гармоническіе напѣвы...

«Итакъ, тишина, въ которую большую часть года погружены берега Оки, придаетъ имъ въ глазахъ моихъ еще новую прелесть. Особенно пріятно любоваться высокимъ берегомъ, спускаясь въ лодкѣ внизъ по теченію отъ Серпухова до Коломны».

«То покрытый плотной кудрявой чащей орѣшника или молодого дубняка, то спускаясь къ водѣ ярко-зелеными закругленными, какъ куполъ, холмами, то исполосованный пашнями на подобіе шахматной доски, берегъ этотъ перерѣзывается иногда пропастями, глубина которыхъ даетъ еще сильнѣе чувствовать подъемъ хребта подъ поверхностью рѣки. Виды измѣняются безпрерывно: точно вы стоите на мѣстѣ, и развертываютъ передъ вами громадную панораму. Кой-гдѣ, по зеленымъ косогорамъ, то плавнымъ, то крутымъ, лѣпятся села, вьются тропинки, кажущіяся издали нѣжными полосками, нарисованными тонкою, прихотливою кистью. Тамъ и сямъ бѣлѣютъ монастыри и скромныя деревенскія церкви, съ зеленѣющими кровлями и блистающими на солнцѣ крестами. Нерѣдко, между кремнистыми, отвѣсными обрывами, открываются, какъ бы для контраста, свѣтлыя улыбающіяся долины. Рѣзвые ручьи и маленькія рѣчки,

въ родѣ Смедвы, мѣстами заслоненными ветлами, живописно извиваются посреди ярко-зеленыхъ лощинъ, покрытыхъ мелкимъ березнякомъ. Иногда весь берегъ представляетъ одну сплошную, синеватую стѣну сосноваго бора, который не прерывается цѣлыя версты. На песчаныхъ прибрежныхъ отмеляхъ мелькаютъ кой-гдѣ лачужки рыбаковъ, съ прислоненными къ нимъ баграми и саками, съ раскинутымъ бреднемъ, лежащими неподалеку вершами и черными, опрокинутыми кверху, насквозь просмоленными челноками. Мѣстами берегъ, подмытый водой, осыпался весь сверху донизу и отвѣсною стѣною стоитъ надъ водой, показывая свои мѣловые, глиняные и песчаные слои, пробуравленные норками стрижей, водяныхъ ласточекъ. Въ такихъ мѣстахъ этихъ птицъ появляется обыкновенно несмѣтное множество. Надъ ними, въ неизмѣримой вышинѣ неба, вы уже непремѣнно увидите беркута, родъ орла: распластавъ дымчатыя крылья свои, зазубренныя по краямъ, распушивъ хвостъ и издавая слабый крикъ, похожій на пискъ младенца, она стоитъ неподвижно въ воздухѣ или водитъ плавные круги, постепенно понижаясь къ добычѣ. Мѣстами берегъ удаляется, расходится амфитеатромъ и даетъ мѣсто злачнымъ лугамъ, оживленнымъ одинокими столѣтними дубами, подъ тѣнью которыхъ отдыхаетъ стадо ближней деревни. Но всего не опишешь! Однимъ словомъ, великолѣпная, непрерывная, блестящая панорама, которая ждетъ еще своего поэта и живописца. Но поэты и живописцы... впрочемъ, намъ нѣтъ до этого дѣла.

«Не думайте, однакожъ, что луговой берегъ не имѣлъ также прелести. Есть время въ году, когда онъ кажется еще разнообразнѣе нагорнаго берега. Время это — Петровки. Не мѣшаетъ вамъ сказать мимоходомъ, что луга эти въ общей сложности могутъ составить добрый десятокъ маленькихъ германскихъ герцогствъ; они проходятъ непрерывною лентою черезъ нѣсколько губерній, — однимъ словомъ, длина ихъ равняется длинѣ Оки. Въ ширину простираются они среднимъ числомъ верстъ на восемь и оканчиваются тамъ, гдѣ начинаются лѣса и села. Ближе не селятся къ рѣкѣ, за водопольемъ. Къ іюлю пространство это представляетъ сплошное море травъ, въ которыхъ крестьянскіе ребятишки могутъ свободно прятаться, какъ въ лѣсу. Миріады душистыхъ цвѣтовъ и растеній разливаютъ въ вечернемъ воздухѣ свое благоуханіе. Въ знойный полдень, пестрое цвѣтное море какъ словно зыблется и переливается изъ края въ край, хоть вѣтеръ не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ. Сюда-то въ Петровки стекается народъ изъ окрестныхъ деревень и толпы косарей, которыхъ заблаговременно нанимаютъ къ этому времени жители Комарева, Горъ, Болотова, Озеръ и другихъ. Въ нашемъ простонародьѣ покосъ считается празднествомъ. Все является сюда въ воскресной пестротѣ своей. Если бы собрать весь кумачъ, всѣ платки, понявы, пестрыя рубашки и позументъ, которые пестрѣютъ здѣсь во время покоса, можно бы, кажется, покрыть ими пространство въ пятьдесятъ верстъ окружности. Народъ располагается кучками, артелями

или даже цѣлыми вотчинами, каждая семья подлѣ своей подводы, подлѣ котелка. Три недѣли сряду проживаетъ здѣсь нѣсколько тысячъ человѣкъ. Подымитесь на нагорный берегъ, — подымитесь ночью и взглянете тогда на луга: костры замелькаютъ передъ вами, какъ звѣзды, имъ конца нѣтъ въ обѣ стороны, они пропадаютъ за горизонтомъ... Съ восходомъ солнца весь этотъ луговой берегъ представляетъ картину самаго полнаго, веселаго оживленія. Косари выстраиваются въ одну линію, и дружно звеня косами, начинаютъ подвигаться къ рѣкѣ, укладывая направо и налѣво, тучные ряды травы, перемѣшанной съ клеверомъ, душистою галькой, кашкой, медуникой и сотнями другихъ цвѣтовъ. Такъ подвигаются они, однакожъ, цѣлыя двѣ недѣли, между тѣмъ, какъ бабы и дѣвки, слѣдуя за ними съ граблями, ворочаютъ сѣно или навиваютъ его островерхими стогами. Вотъ тогда-то полюбуйтесь этими лугами, полюбуйтесь въ праздникъ, когда по всему ихъ протяженію, несется одинъ общій говоръ тысячи голосовъ и одна общая пѣснь: точно весь русскій людъ собрался сюда на какое-то семейное празднество! Давно уже наступила ночь, давно зажглись костры. Ужъ заря брезжитъ на востокѣ, ужъ серебряный серпъ мѣсяца клонится къ горизонту и блѣднѣетъ, а пѣснь, между тѣмъ, все еще не умолкаетъ... и нѣтъ, кажется, конца этой пѣснѣ, какъ нѣтъ конца этимъ раздольнымъ лугамъ. Пѣснь эту затянули еще, можетъ-быть, въ далекой губерніи, и вотъ понеслась она — понеслась дружнымъ неумолкаемымъ хоромъ и постепенно разливаясь мягкими волнами все дальше и дальше, до самой Нижегородской губерніи, а тамъ, подхваченная волжскими косарями, пойдетъ до самой Астрахани, до самаго Каспійскаго моря!... и если пѣснь эта, если видъ этихъ луговъ не порадуетъ тогда вашего сердца, если душа ваша не дрогнетъ, но останется равнодушною, совѣтую вамъ пощупать тогда вашу душу; не каменная ли она... а если не каменная, то ужъ вѣрно способна только оживляться за преферансомъ и волноваться при словахъ: «пасъ, ремизъ, куплю» и прочей дряни...»

Прочитавъ эту прекрасную картину береговъ Оки, мы невольно спросили сами у себя: почему это простое описаніе такъ трогаетъ насъ, хотя на берегахъ Оки нѣтъ тѣхъ величественныхъ скалъ, которыя старался прославить Батюшковъ своею «Финляндіею», нѣтъ Граубинденa и Сенъ-Готарда, съ вершины которыхъ путешественники наши наслаждались «прекрасною натурою», какъ тогда говорили.

Кто припомнитъ старинныя знаменитыя картины «натуры», тотъ согласится, что въ нихъ играли роль или необыкновенно величественная природа, какую находимъ въ Швецаріи, Америкѣ, Индіи, или самая сладкая пастушеская жизнь, подъ предлогомъ которой описывали тихія рѣчки и свѣтлые ручейки, пурпуровый закатъ солнца и селянина, медленно возвращающагося въ скромную хижину свою. Отъ этого описанія были двухъ родовъ: грандіозныя, какъ, напримѣръ, описаніе Финляндіи Батюшкова, или сладкія, пастуше-

скія, идиллическія передѣлки на всевозможный ладъ Виргилія, Теокрита, Делиля. Какъ далеко отъ всѣхъ этихъ описаній до слѣдующаго, напримѣръ, всѣмъ извѣстнаго:

«Абакумъ Ѳыровъ! ты, братъ, что! гдѣ, въ какихъ мѣстахъ шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу и возлюбилъ ты вольную жизнь, приставши къ бурлакамъ?... И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь Ѳыровъ? гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани, порядившись съ купцами. Цвѣты и ленты на шляпѣ, гдѣ веселится бурлацкая ватага, прощаясь съ женами, высокими, стройными, въ монистахъ и лентахъ; хороводы, пѣсни, кипитъ вся площадь, а носильщики между тѣмъ при крикахъ, браняхъ и понуканьяхъ, нацѣпляя крючкомъ по девяти пудовъ себѣ на спину, съ шумомъ сыплютъ горохъ и пшеницу въ глубокія суда, валятъ кули съ овсомъ и крупой, и далече виднѣются по всей площади кучи наваленныхъ въ пирамиду, какъ ядра, мѣшковъ, и громадно выглядываетъ весь хлѣбный арсеналъ, пока не перегрузится весь въ глубокія суда-сурики и не понесется гусемъ вмѣстѣ съ весенними льдами безконечный флотъ. Тамъ-то вы наработаетесь бурлаки! и дружно, какъ прежде гуляли и веселились, примитесь за трудъ и потъ, таща лямку подъ одну безконечную, какъ Русь, пѣсню».

Какое огромное разстояніе, между такимъ чисто русскимъ, живописнымъ и звучнымъ описаніемъ волжской пристани и прежними идеальными, другъ на друга похожими описаніями! И однакожъ это измѣненіе совершилось, благодаря новѣйшимъ нашимъ писателямъ. Болѣе всего способствовали къ воспроизведенію нашей русской природы романы, взятые изъ жизни деревенской и повѣсти изъ нашего простонароднаго быта. Съ того времени, какъ писатели наши измѣнили возвышенный строй своей лиры и ниспустились съ горныхъ вершинъ, съ тѣхъ поръ мы начали встрѣчать мало-по-малу и описаніе нашей природы. Въ неподдѣльную картину этой природы вошла и неподдѣльная картина жизни деревенской, людей, которые преимущественно живутъ посреди природы. Когда въ описаніи начали играть роль не Филемонъ, а Глѣбъ Савиновъ, или дѣдушка Кондратій, не Бавкида, а тетушка Анна, тогда для насъ сдѣлались недостаточны всѣ общія мѣста: жаворонки, которые вьются утромъ надъ пахаремъ, во время его работы; густая зелень листьевъ, которая даетъ прохладу въ жаркій полдень, и румяный закатъ солнца, который золотитъ воду и хижину усталаго рыбака. Для русскихъ крестьянъ сдѣлалась необходима обстановка чисто русская, и, такимъ образомъ, мы начали изучать свою природу только тогда, когда обратились къ жизни народной, простой. Описанія природы начали насъ занимать, потому что посреди этой природы идетъ своимъ чередомъ жизнь, которая насъ интересуетъ.

Такимъ образомъ, мы возвратились къ роману Григоровича, который происходитъ на берегахъ Оки, такъ прекрасно описанной авторомъ «Рыбаковъ». Мы начали съ конца, съ заключенія, съ описанія

природы, посреди которой происходитъ романъ; обратимся теперь къ ходу дѣйствія.

Хотя романъ Григоровича и въ четырехъ частяхъ, но дѣйствія въ немъ собственно немного. Рыбакъ, у котораго трое сыновей, беретъ къ себѣ въ домъ пріемыша. Онъ расчитываетъ, что все-таки работникомъ въ домѣ больше, а на случай, если придется отбывать рекрутскую повинность — и рекрутъ подрастетъ къ тому времени. На другомъ берегу Оки, противъ избы Глѣба Савинова, живетъ еще рыбакъ, старикъ Кондратій съ молоденькой дочкой Дуней. Въ Дуню влюбляются — влюбляются сильно, страстно — сынъ рыбака Глѣба, Ваня, и пріемышъ Гриша. Дуня съ своей стороны влюбляется только въ пріемыша. А между тѣмъ, старики-рыбаки, какъ бы условясь между собою, смекаютъ, что не худо бы имъ сына своего, Ваню, женить на Дунѣ. Въ это время Ваня подслушиваетъ разговоръ пріемыша съ Дуней и узнаетъ, что эти счастливцы взаимно любятъ другъ друга. Ваня покоренъ своей несчастной звѣздѣ.

«Слишкомъ знакомый голосъ (Дуни) прозвучалъ въ ушахъ Вани, и вслѣдъ за тѣмъ что-то бѣлое быстро промелькнуло передъ его глазами. Въ то же время Гришка остановился противъ него и загородилъ ему дорогу. Ваня отодвинулся въ сторону и продолжалъ слѣдить за бѣлымъ пятномъ, которое исчезло въ темнотѣ.

«—Чего тебѣ надыть?! удушливымъ голосомъ произнесъ Гришка, становясь снова передъ товарищемъ и такъ близко наклоняясь къ его лицу, что тотъ почуствовалъ теплоту его прерывающагося дыханія.

Ваня слегка отслонилъ его рукою и, не повернувъ даже головы, продолжалъ смотрѣть въ ту сторону, куда скрылось бѣлое пятно.

«—Чего тебѣ надыть?! яростно повторилъ Гришка, приподымая въ замѣшательствѣ кулаки и скрежеща зубами.

Ваня повернулъ тогда къ нему лицо свое, отступилъ шагъ назадъ и сказалъ спокойнымъ голосомъ, въ которомъ замѣтно было, однокожъ, легкое колебаніе:

«—Полно, братъ, чего ты бѣснуешься? Я, вѣдь, давно все знаю; таиться вамъ отъ меня нечего. Богъ съ вами, я вамъ не помѣха.

«—Какая? въ чемъ помѣха? проговорилъ Гришка сраженный, повидимому, спокойствіемъ своего противника.

«—Перестань, братецъ! кого ты здѣсь морочишь? продолжалъ Ваня, скрестивъ на груди руки и покачивая головой. Самъ знаешь, про что говорю. Я для этого болѣе и пришелъ, хотѣлъ сказать вамъ: Господь, молъ, съ вами; я вамъ не помѣха! А насчетъ т.-е. злобы либо зависти какой, я ни на нее, ни на тебя никакой злобы не имѣю: живите только по закону, какъ Богомъ приказано...

«—Ой ли? насмѣшливо перебилъ Гришка.

Ваня отступилъ нѣсколько шаговъ и потупилъ голову.

«—Господь тебѣ судья, когда такъ! сказалъ онъ твердымъ, хотя грустнымъ голосомъ.

Затѣмъ онъ медленно повернулся къ рѣкѣ и пошелъ къ челноку».

Но старики-отцы не знаютъ ничего о такомъ благородномъ самоотверженіи Вани, и Глѣбъ Савиновъ, выбравъ удобную минуту, беретъ съ собою Ваню и идетъ къ дѣдушкѣ Кондратію сватать сына. Старикъ радъ-радехонекъ, что дочка его идетъ въ хорошій домъ, но Дуня поблѣднѣла, а Ваня поникъ головой. Говорить своимъ отцамъ они не смѣютъ про задушевныя тайны, а старики дивятся, что это дѣти ихъ не радуются такому счастью и повѣсили головы. Старики, уладивъ дѣло, между собою калякуютъ о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, и въ это время Глѣбъ мимоходомъ сообщаетъ Кондратію, что скоро наборъ и что Гришка, пріемышъ, пойдетъ въ солдаты. Въ то же время лицо Дуни, которая стояла у двери, покрылось зеленоватою блѣдностью и стало недвижно. Раскрывъ поблѣднѣвшія губы, вытянувъ шею, она смотрѣла сухими глазами, полными безумнаго замѣшательства, въ уголъ, гдѣ сидѣли старики. Секунду спустя, глаза ея помутились, грудь ея поднялась, губы и ноздри задрожали. «Все существо ея (говоритъ Григоровичъ) превратилось, казалось, въ одинъ отчаянный вопль». Дуня, однакожъ, заглушила рыданія и быстро скользнула въ дверь.

На этотъ разъ Ваня мало ужъ заботился о томъ, что говорилъ отецъ. Онъ думалъ свою думу,—повидимому, крѣпкую, горькую думу. Сношенія Дуни съ пріемышемъ давно были ему извѣстны; отчаяніе, обнаруженное ею, ничего, слѣдовательно, не раскрыло ему новаго; какъ ни горько было ему отказаться отъ рыбаковой дочки, онъ успѣлъ, однакожъ, давно свыкнуться съ своей долей. Воля отца, рѣшившагося отправить Гришку, вѣсть объ удаленіи его со всѣми послѣдствіями для рыбаковой дочки,—можетъ статься, даже для пріемыша,—вотъ что возмущало душу молодого парня. Нѣтъ никакой возможности вѣрно передать внутреннія движенія человѣка въ минуты сильной тревоги: въ эти минуты человѣкъ, говоря относительно, перестрадаетъ и передумаетъ болѣе, чѣмъ въ цѣлые годы тихаго, невозмутимаго существованія. Скорбь парня постепенно, казалось, сосредоточивалась и уходила въ его душу. Молодое лицо его, встревоженное горемъ, мало-по-малу дѣлалось покойнѣе; но, подобно озеру, утихающему послѣ осенней бури, лицо Вани освѣщалось печальнымъ, холоднымъ свѣтомъ; молодыя черты его точно закалялись подъ вліяніемъ какой-то непреклонной рѣшимости, которая съ каждой секундой все болѣе и болѣе созрѣвала въ глубинѣ души его. Такъ сильно отдался онъ подъ конецъ своимъ мыслямъ, что, казалось, не замѣтилъ даже дочки рыбака, которая успѣла ужъ вернуться въ избу, стояла у двери и смотрѣла на него распухшими отъ слезъ глазами».

Когда старики-отцы вышли изъ избы, Ваня подошелъ къ Дунѣ и сказалъ слѣдующія торжественныя слова:

«—Дуня, не сокрушайся... полно! не будетъ этого!!... Я... я... говорилъ вамъ (тутъ голосъ его какъ будто слегка задрожалъ)...я говорилъ вамъ: я вамъ не помѣха!... Полно, не плачь... я ослобожу его!

«Сказавъ это, онъ провелъ пальцами по глазамъ и отвернулъ голову. Минуту спустя, Ваня выходилъ изъ лачуги».

Когда старый рыбакъ съ сыномъ воротился домой, они нашли въ избѣ сотскаго, который пріѣхалъ повѣстить о выдачѣ рекрута. На другой день, утромъ, разсердили стараго рыбака старшіе сыновья, которые просились на заработки въ рыбацкія слободы. Въ это утро Глѣбъ Савиновъ былъ мраченъ и грозенъ, какъ туча; все въ домѣ трепетало отъ одного его взгляда. Старикъ давно собирался проучить старшихъ своихъ сыновей, которые начинали попивать и пошаливать, какъ говорилъ онъ. Случай ему представился, когда сыновья эти начали проситься въ рыбацкія слободы. Вотъ какъ описываетъ авторъ Глѣба во время размолвки съ дѣтьми.

«Глѣбъ былъ въ самомъ дѣлѣ страшенъ въ эту минуту: сѣрые, сухіе кудри его ходили на макушкѣ, какъ будто ихъ раздувалъ вѣтеръ; зрачки его сверкали въ налитыхъ кровью бѣлкахъ; ноздри и побѣлѣвшія губы судорожно вздрагивали; высокій лобъ и щеки старика были покрыты блѣдно-зелеными полосами; грудь его колыхалась изъ-подъ рубашки, какъ взволнованная рѣка, разбивающая вешній ледъ. Ступеньки крылечка затряслись подъ его тяжелыми шагами. Очутившись на дворѣ, онъ остановился, какъ бы для того, чтобы перевести дыханіе, и вдругъ быстро повернулся къ двери крыльца, торжественно приподнялъ обѣ руки и произнесъ задыхающимся голосомъ:

— Не будетъ вамъ, непослушники, отцовскаго моего благослов... Но тутъ онъ остановился; голосъ его какъ словно оборвался на послѣднемъ словѣ, и только сверкающіе глаза, все еще устремленные на дверь, силились, казалось, досказать то, чего не рѣшался выговорить языкъ. Онъ опустилъ сжатые кулаки, отступилъ шагъ назадъ, быстрымъ взглядомъ окинулъ дворъ, снова остановилъ глаза на двери крыльца и вдругъ вышелъ за ворота, какъ будто воздухъ тѣснаго двора мѣшалъ ему дышать свободно».

Когда Глѣбъ вышелъ за ворота, младшій сынъ Ваня подошелъ къ отцу и объявилъ ему, что намѣренъ итти въ рекруты за пріемыша.

Выслушавъ это, Глѣбъ Савиновъ вспыхнулъ. Онъ началъ осыпать сына упреками, припоминалъ его дѣтство, грозилъ ему—ничто не помогало.

— Ваня! воскликнулъ старикъ, все еще не потерявшій надежды убѣдить сына:—Ваня! вспомни! тебя ли не любилъ? тебя ли не отличалъ я?... Съ измалѣтства отличалъ я тебя отъ твоихъ братьевъ! ты былъ моимъ любимцемъ, ненаглядным сыномъ моимъ! Ты моя надёжда! И ты хочешь покинуть меня своею охотой,—на старости лѣтъ покинуть хочешь! старуху свою, мать, покинуть хочешь!... Ваня,

вспомни... или ты не знаешь?... вѣдь и братья твои насъ покидаютъ... Что жъ, также сиротами хочешь ты стариковъ оставить?... Опомнись! Что ты дѣлаешь?... Ваня!...»

Ваня остается при своемъ, и тогда отецъ продолжаетъ:

«—Ну, послушай... вотъ... вотъ, что я скажу тебѣ: кинемъ жребій, Ваня!... ну, такъ, хочешь для виду кинемъ!... кому выпадетъ, пущай хоть тотъ знаетъ, по крайности, пущай знаетъ... что ты за него пошелъ...»

Сынъ и на это не согласился. Глѣбъ закрылъ лицо руками, сдѣлалъ безнадежный жестъ и безотраднымъ взглядомъ окинулъ Оку. Увидѣвъ старуху-жену, онъ закричалъ ей, махая руками:

«— Ступай сюда! ступай, старуха.

«Старушка, ковыляя, подошла къ мужу и сыну.

«— Вотъ, — сказалъ Глѣбъ уже разбитымъ голосомъ: — вотъ послушай его, коли сердце твое крѣпко...

«Испуганная мать бросилась къ сыну. Тотъ опустилъ голову и молчалъ. Глѣбъ въ короткихъ, отрывистыхъ словахъ, передалъ женѣ намѣреніе Вани.

«— Батюшка! закричала старуха: — батюшка, помилуй!

«И, какъ безумная, повалилась мужу въ ноги.

«— Проси его! проговорилъ Глѣбъ, захлебываясь отъ слезъ, хотя глаза его были сухи: — его проси, старуха! заключилъ онъ, указывая на Ваню.

«— Ваня!... батюшка!... помилуй! прокричала мать, бросаясь сыну въ ноги.

«— Но Ваня не отвѣчалъ: онъ поддерживалъ только мать и рыдалъ навзрыдъ, обливая ея лицо слезами.

«Тутъ ужъ и самого старика слеза прошибла; онъ медленно подошелъ къ женѣ, положилъ ей широкую ладонь свою на голову и произнесъ прерывающимся голосомъ:

«— Терпи, старая голова, въ кости скована! При этомъ онъ провелъ ладонью по глазамъ своимъ, тряхнулъ мокрыми пальцами по воздуху и, сказавъ: «Будь воля Божія!» пошелъ быстрыми шагами по берегу, все дальше.

Такъ же хороша и слѣдующая затѣмъ глава: «Проводы» сына въ дорогу. Когда Ваня ушелъ, стараго Глѣба какъ будто ничто не занимало.

«Во всю остальную часть дня, въ обѣдъ, въ ужинъ, старый рыбакъ ни разу не показался въ избѣ. Отсутствіе его замѣтила подъ конецъ и тетушка Анна. Старушка отправилась отыскивать мужа. Безпокойство еще пуще овладѣло ею, когда, обойдя клѣтушки и навѣсы, она не нашла Глѣба. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ, увидѣла она его лежащаго навзничь на грудѣ старыхъ вершей, въ самомъ темномъ, отдаленномъ углу двора. Голова стараго рыбака и верхняя часть его туловища были плотно укутаны полушубкомъ. Онъ не спалъ, однакожъ. Старушка явственно разслышала тяжелые вздохи,

сопровождаемые именами Петра, Василія и Вани. Анна вернулась къ избѣ, сѣла на крылечко и снова заплакала. Такъ провела она всю ночь. На зарѣ она снова подошла къ мужу. Глѣбъ лежалъ неподвижно на своихъ вершахъ. Глухіе, затаенные вздохи, сопровождаемые именами сыновей, по прежнему раздавались подъ полушубкомъ. Весь этотъ день прошелъ точно такъ же, какъ вчерашній: Глѣбъ не показывался въ избѣ, не пилъ, не ѣлъ и продолжалъ лежать на своихъ вершахъ. Тоска смертельная овладѣла тогда старушкой. Когда она увидѣла, что и на третій день точно такъ же не было никакой перемѣны съ мужемъ, безпокойство ея превратилось въ испугъ: и безъ того ужъ такъ пусто было въ домѣ, такъ печально глядѣли навѣсы!

Однакожъ, въ этотъ день, когда она медленно шла къ избамъ, она прямехонько наткнулась на Глѣба; Глѣбъ всталъ съ вершей.

«Мужественное лицо стараго рыбака было красно-багроваго цвѣта, какъ будто онъ только что вышелъ изъ бани, гдѣ парился черезъ мѣру. Черты его исчезали посреди опухлости, которая особенно рѣзко проступала вокругъ глазъ, оттѣняемыхъ мрачно-нависнувшими бровями. Старушка замѣтила съ удивленіемъ, что въ эти три дня мужъ ея посѣдѣлъ совершенно.

«Горе старушки уступило на минуту мѣсто безпокойству, которое пробудила въ ней наружность мужа.

«— Батюшка! Христосъ съ тобою! На тебѣ, вѣдь, лица, касатикъ, нѣту! воскликнула она, опуская руки: — вотъ почитай третьи сутки не пилъ, не ѣлъ ничегохонько! Что мудренаго! Ужъ не хвороба ли какая заѣла тебя? Помилуй Богъ! продолжала она, между тѣмъ, какъ мужъ мрачно глядѣлъ въ совершенно противоположную сторону: — ты бы на себя-то поглядѣлъ: весь распухъ, лицо красное, красное... должно быть, кровь добре привалила... О-охъ, ты, батюшка, до грѣха, сходилъ бы въ Сосновку — кровь кинулъ... все бы маленько поотлегло... сходи-ка съ Богомъ... право-ну!

«Глѣбъ провелъ ладонью по лицу, разгладилъ морщины и повернулъ голову къ женѣ.

«— Вотъ что, старуха»,— произнесъ онъ твердымъ голосомъ и, повидимому, не обращая вниманія на предшествовавшія слова жены: — нонче въ Комарёвѣ ярмарка. Схожу — не навернется ли работникъ: безъ него нельзя. Погоревали, поплакали довольно, пора и за дѣло приниматься. Остаешься теперь одна въ дому: пособить некому... не до слезъ теперь. Одна за все, про все... Поплакала, погоревала, ну и довольно».

Эти сцены прощанья, проводовъ и горевания оставшихся стариковъ принадлежатъ, по нашему мнѣнію, къ лучшимъ страницамъ, какія когда-либо написалъ Григоровичъ. Глѣбъ на этотъ разъ покинулъ свою излишнюю твердость, и его просьбы къ любимому сыну остаться дома, или, по крайней мѣрѣ, кинуть жребій кому итти въ рекруты; его грехдневное лежанье на вершахъ послѣ проводовъ

сына — есть верхъ правды, подмѣченной Григоровичемъ. Слезы навертываются на глаза, когда читаешь эти прекрасныя, съ неподдѣльнымъ чувствомъ написанныя страницы.

Прощаньемъ этимъ въ началѣ третьей части собственно кончается романъ. Пріемышъ женится на Дунѣ; и когда старикъ Глѣбъ умираетъ, Гришка знакомится съ фабричными, которые его спаиваютъ и научаютъ всему дурному. Онъ проматываетъ состояніе, нажитое долгими трудами Глѣба, начинаетъ воровать и однажды попадается въ кражѣ. Уходя отъ сыщиковъ, онъ бросается въ Оку и тонетъ. Дуня съ маленькимъ ребенкомъ остается сиротой. Черезъ пятнадцать лѣтъ на родину возвращается какой-то безсрочно-отпускной солдатъ и отыскиваетъ Дуню. Это — рыбакъ Ваня, выслужившій свой срокъ.

Вотъ общій ходъ романа, его завязка и развязка. Она дала поводъ къ двумъ-тремъ прекрасно написаннымъ сценамъ, которыя мы привели выше. Все остальное въ романѣ посвящено описанію жизни рыбаковъ, жизни фабричной, а отчасти крестьянской, гдѣ мы также встрѣтили много прекрасныхъ страницъ, написанныхъ съ чувствомъ.

Любуясь нашими земледѣльческими деревнями, гдѣ найдете «вы ту простую, безхитростную жизнь, тотъ здравый житейскій смыслъ, который заключается въ безусловной покорности и полномъ примиреніи съ скромной долей, опредѣленной Провидѣніемъ», авторъ сравниваетъ съ ними фабричныя деревни, въ которыхъ почти нѣтъ семейной жизни, и гдѣ нравы утрачиваютъ свою простоту. Сравненіе это само собою сдѣлано авторомъ въ пользу земледѣльческихъ деревень, въ которыхъ «семейная жизнь служитъ залогомъ истиннаго счастья».

Это такъ, но Захаръ, — олицетворенная фабричная дѣятельность, со всѣми ея недостатками, не совсѣмъ удался автору и гораздо лучше онъ выражаетъ мысль автора, нежели представляетъ живое лицо. Это не ложное лицо, это какой-то аггрегатъ всего дурного, въ контрастъ Глѣбу Савинову, въ которомъ очень много хорошаго, особенно много домовитости. Какъ всякое лицо, въ которое хотятъ вмѣстить слишкомъ широкую идею, отзывается больше книгою, нежели жизнью, такъ и Захаръ часто говоритъ и дѣйствуетъ, какъ старинный зломыслъ. Дядюшка Акимъ, которому авторъ не далъ никакого особеннаго назначенія и призванія, кромѣ, развѣ, исключительнаго права дѣлать скворечницы, вышелъ полнѣе, хотя онъ и самое ничтожное лицо въ романѣ.

Точно такъ же можно сдѣлать автору еще нѣсколько замѣчаній, которыя, не уменьшая собственно художественнаго достоинства романа, поражаютъ какъ-то непріятно при чтеніи, какъ промахи, на которые авторъ не обратилъ вниманія отъ поспѣшной работы.

Но со всѣмъ тѣмъ мы отдаемъ полную справедливость такимъ поэтическимъ описаніямъ, какъ мы привели въ началѣ этой статьи;

отдаемъ справедливость Григоровичу за то, что онъ избранный имъ въ романѣ міръ описываетъ съ любовью, хотя этотъ міръ не нуждался бы въ идеализаціи для того, чтобы быть интереснымъ для каждаго образованнаго человѣка. Мы хотимъ, чтобы изображаемый былъ былъ жизнью дѣйствительно существующею, а не мерцалъ въ изображеніи автора. Отъ этого мы нашли; что Глѣбъ Савиновъ безъ надобности суровъ и какъ-то фальшиво величавъ, безпристанно потирая свой высокій лобъ широкою ладонью. Это не значитъ, чтобы весь характеръ Глѣба Савинова мы находили фальшивымъ — нѣтъ; въ немъ нѣсколько переложено красокъ при исполненіи, а задуманъ онъ совершенно вѣрно. Домовитость, строгость, упрямство характера, скуповатость для пользы своего же дома — все это черты такія общія и всѣмъ знакомыя, что противъ нихъ и говорить нечего.

Изъ „Отеч. Записокъ“ 1853.

Матеріалъ романа „Рыбаки“ и его освѣщеніе.

Новое произведеніе Григоровича «Рыбаки», отличается тѣмъ же направленіемъ, которымъ была проникнута большая часть его прежнихъ произведеній. Главная черта этого направленія, какъ всѣмъ извѣстно, — любовь къ русскому народу. Эта любовь выказалась въ самомъ названіи, которое далъ авторъ своему роману: онъ назвалъ его простонародной повѣстью. Ужъ прочитавъ нѣсколько первыхъ главъ этого романа, мы замѣтили съ большимъ удовольствіемъ, что въ новомъ своемъ произведеніи Григоровичъ сдѣлалъ важный шагъ впередъ на трудномъ и благородномъ поприщѣ изученія русской народности. Авторъ узналъ простонародный бытъ поближе или, по крайней мѣрѣ, глубже вдумался въ него: онъ теперь, кажется, понялъ вполнѣ всю трудность и важность задачи изученія и изображенія русскаго быта. Уже въ описаніяхъ природы, имъ приводимыхъ, въ замѣткахъ объ образѣ жизни русскаго человѣка, есть что-то истинно родное, веселящее русское сердце, льстящее нашей народной гордости.

Матеріаломъ для своего романа Григоровичъ избралъ бытъ рыбаковъ, живущихъ по берегамъ Оки. Выборъ очень удаченъ. Нигдѣ не высказывается такъ душа русскаго человѣка, какъ въ такой привольной, поэтической жизни, какова жизнь рыбака. Здѣсь человѣкъ не занятъ съ утра до вечера изнурительной полевой работой; здѣсь обаятельнѣе на него дѣйствуетъ природа; здѣсь больше простора его мысли; и здѣсь его положеніе нѣсколько уединено — и потому коренныя черты русскаго, ничѣмъ не стѣсняемыя, выступаютъ наружу, и душа его принимаетъ широкій размахъ.

Изъ Москвитянина за 1853 г.

Характеристика рыбака.

На воспитаніе дѣтей, на положеніе женщины въ семьѣ «народа» обращалъ вниманіе общества въ своей «Деревнѣ» Д. В. Григоровичъ. Въ повѣсти мыкаетъ горе мужчина не по винѣ однихъ только семейныхъ и домашнихъ условій и отношеній. Въ «Рыбакахъ» передъ нами цѣлый «романъ» изъ народной жизни. Здѣсь во весь ростъ, такъ сказать, съ самою тщательною отдѣлкою, съ наибольшею художественною правдою и вдохновеніемъ, написана фигура стараго рыбака Глѣба Савиныча. Въ своей семьѣ, да и вообще во всемъ мѣстномъ крестьянскомъ кругу, это — прямо человѣкъ вліятельный и выдающійся. Что же это за личность? Во всякомъ случаѣ, совсѣмъ не возвышенный герой. Умный, насмѣшливый, не только работящій рыбакъ, но и любитель, пожалуй, виртуозъ своего промысла, это вмѣстѣ съ тѣмъ мужикъ «хозяйственный», кряжистый, скопидомъ, кулакъ, если хотите. По словамъ автора, въ Глѣбѣ Савинычѣ развился «тотъ грубый эгоизмъ, который часто встрѣчаемъ мы въ семьянистыхъ мужикахъ». Онъ такъ отвѣчаетъ женѣ на просьбу помочь родственнику: «Такъ-то, такъ! Я и самъ объ этомъ думаю: родня не малая; когда у моей бабки кокошникъ горѣлъ, его дѣдушка пришелъ да руки погрѣлъ... Эхъ, ты, сердечная, — прибавилъ, смѣясь, рыбакъ, — сватьевъ не оберешься, свояковъ не огребешься, мало-ли на свѣтѣ всякой шушеры! всѣхъ ихъ въ домъ пущать — жирно будетъ!» Безъ колебаній и сомнѣній собирается отъ сдать въ солдаты вмѣсто любимаго сына «чужака — пріемыша». Глѣбъ Савинычъ ничего не имѣетъ противъ разумныхъ, душевныхъ книжекъ, которые отцы святые писали». Но, цѣня превыше всего матеріальные устои жизни — относится къ «книжкамъ» скорѣе съ снисходительнымъ равнодушіемъ.

И при всемъ томъ мы находимъ возможнымъ утверждать, что въ счетъ заслугъ нашего писателя въ дѣлѣ основанія народнической беллетристики входитъ и возсозданіе Глѣба Савиныча. Нормально объективное и реальное освѣщеніе дѣйствительности и есть настоящій гуманизмъ въ народничествѣ. Глѣбъ Савинычъ не «пейзанинъ», за котораго вступаются, какъ за представителя обитаемой низшей человѣческой породы. Глѣбъ Савинычъ и не кладезь добродѣтели, особая опять-таки натура, чуждая и непонятная для насъ, обыкновенныхъ интеллигентовъ. При такой точкѣ зрѣнія, пожалуй, стираются границы и отличія народничества и простого, здороваго гуманизма. Но развѣ не къ такимъ выводамъ, устанавливающимъ естественное безразличіе, въ старомъ тяжеломъ вопросѣ, направлено нынѣ сознаніе лучшей части общества? Мы вовсе не хотимъ сказать, что въ «Рыбакахъ» современный читатель найдетъ у автора стройное міросозерцаніе, прямо дающее вамъ въ руки опредѣленныя указанія по части разрѣшенія народническаго вопроса, — далеко нѣтъ.

Прежде всего надо имѣть въ виду и слѣдующее. Только у очень большихъ талантовъ, даже и помимо ясно выраженныхъ идей, само художественное воззрѣніе автора убѣждаетъ читателя, раскрываетъ передъ нимъ какіе-то новые горизонты мысли и чувства. Д. В. Григоровичъ беллетристъ тутъ и реальный и объективный, если хотите; но цѣльности въ немъ нѣтъ: онъ, видимо, и колеблется и сомнѣвается. Кромѣ «матеріалиста» Глѣба, онъ беретъ «идеалиста» Кондратія. Въ противоположность Гришкѣ ставитъ положительнаго Ваню. И это все менѣе удачные типы. Д. В. Григоровичъ не извращаетъ дѣйствительности—онъ только не осилилъ ея въ своемъ творчествѣ. Для того онъ не обладалъ и достаточною широтою и глубиною идейности. Неоспоримо одно: благодаря несомнѣнному дарованію своему Григоровичъ далъ намъ замѣчательное воспроизведеніе типичнаго рыбака Глѣба Савиныча. И въ немъ внимательно заглянулъ въ душу равноправнаго намъ человѣка, и въ этомъ вся суть народничества «Рыбаковъ». По тогдашнему времени творчество Григоровича было ограничено и чисто внѣшними условіями, и въ тѣсной рамкѣ отношеній представленъ Глѣбъ Савинычъ. Портретъ Глѣба Савиныча заставляетъ насъ, однако, чувствовать, что у автора исчезаетъ беззавѣтное противоположеніе невѣжества просвѣщенности. Нецивилизованный Глѣбъ обладаетъ рѣшительно недюжиннымъ умомъ. Главарь и, пожалуй, крутой самодуръ въ семьѣ, Глѣбъ силою ума сдерживается и передъ женою и передъ непослушными дѣтьми и умѣетъ хорошо вызывать движенія чужой души. Сердцемъ суровъ и податливъ Глѣбъ; но и тутъ у него не оказывается на лицо никакихъ спеціальныхъ «предупрежденій» «невѣжды», о которыхъ раньше распространялся Григоровичъ. Изложеніе автора временами возвышается до столь тонкаго душевнаго анализа, одухотворяется такимъ сильнымъ драматизмомъ, что онъ съ величайшимъ интересомъ слѣдитъ за самыми незатѣйливыми по содержанію домашними сценками у простого рыбака. Съ большою наблюдательностью, съ немалымъ запасомъ и творческаго воображенія и любви къ предмету переданы у Григоровича переговоры мужа съ женою въ «минуту жизни трудную». Постепенное паденіе и физическихъ и духовныхъ силъ у рыбака и самая смерть его изображены съ искреннимъ воодушевленіемъ. Въ тѣ дни, когда появились «Рыбака»—еще не совсѣмъ перестали читать и автора «Фрегата Надежды». Герои Марлинскаго и Глѣбъ Савинычъ—вѣдь это два разныхъ міра!

Налимовъ.

Общее содержаніе и характеристика дѣйствующихъ лицъ въ „Переселенцахъ“.

Доброе, очень милое и образованное семейство помѣщика Бѣлицына, промотавшись немного въ столицѣ, пріѣхало къ себѣ въ деревню. Ни помѣщикъ ни помѣщица не знаютъ хорошенько сельской

жизни, но, отчасти тронутые безконечнымъ радушіемъ и довѣрчивостью своихъ крестьянъ, отчасти смутно сознавая свои обязанности въ отношеніи къ нимъ, они съ горячностью принимаются за улучшеніе ихъ быта. Главнѣйшимъ образомъ вниманіе ихъ обращено на самое бѣдное и печальное семейство въ цѣлой деревнѣ — на семейство мужика Лапши. Бѣлицынъ, добрякъ, отъ румянаго и добродушнаго лица котораго не хочется оторваться, начинаетъ суетиться, дѣлать различные хозяйственные проекты, но цѣлымъ днямъ не выпускаетъ изъ своего дѣлового кабинета управителя Герасима, но, какъ слѣдуетъ ожидать, все у него выходитъ незрѣло, суетливо, онъ кидается на первую попавшуюся ему на глаза частность и упускаетъ изъ виду главное. Жена его пока тоже мало знаетъ толку въ хозяйствѣ, но съ самоотверженіемъ вступаетъ въ разговоры съ коровницею; даже француженка-гувернантка, увлеченная общимъ потокомъ, даритъ свои ботинки крестьянской дѣвушкѣ, въ полномъ убѣжденіи, что это для нея очень приличная обувь. Крошечная Мери, дочка помѣщицы, раскрываетъ красивенькую бонбоньерку съ конфектами и очень наивно и нежемашно предлагаетъ ихъ запачканнымъ ребятишкамъ мужика Лапши, которые не выпускаютъ изъ рукъ юбки матери и, при такомъ неожиданномъ предложеніи, стремительно и съ испугомъ укрываются за отцовскую спину.

Словомъ, и помѣщикъ, и молоденькая свѣтская помѣщица, и гувернантка, и маленькая Мери — рѣшительно въ восхищеніи, что пріѣхали въ деревню.

Въ одну изъ самыхъ горячихъ минутъ проектированія по части хозяйственныхъ преобразованій, Бѣлицыну пришла мысль о саратовскомъ лугѣ, который около десяти лѣтъ не приносилъ ему рѣшительно никакихъ доходовъ, и которымъ завладѣла мелко-помѣстная саратовская помѣщица. Планъ его расширился; его восхитила мысль о переселеніи на саратовскій лугъ семейства Лапши, объ устройствѣ тамъ колодезя, мазанки, о собраніи доходовъ съ гуртовщиковъ, и т. д. Позвали Лапшу и его жену Катерину, которые, натерпѣвшись всевозможныхъ непріятностей и наговоровъ въ родной деревнѣ, очень охотно согласились на такое переселеніе. Тотчасъ выданы имъ деньги на дорогу, написано объяснительное письмо госпожѣ Ивановой, самовольно завладѣвшей лугомъ Бѣлицыныхъ, и переселенцы, напутствуемые искренними благословеніями добрыхъ помѣщиковъ, завистью сосѣдокъ и сосѣдовъ мужиковъ, тронулись въ путь, въ Саратовскую губернію.

Тутъ семейство помѣщика, снова отправившееся въ Петербургъ, отходитъ на задній планъ романа, и авторъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на переселенцахъ.

Вотъ внѣшній узелъ романа. Читатель скоро забываетъ о Бѣлицыныхъ и весь погружается въ радости и огорченія, въ труды, заботу и тревогу простой обыденной жизни семейства Лапши. Авторъ такъ обстоятельно, толково и художественно вмѣстѣ рисуетъ

эту сельскую жизнь, что читатель сочувствуетъ ей, живетъ вмѣстѣ съ переселенцами и, увлеченный интересомъ разнообразныхъ картинъ, дружно и незамѣтно идетъ объ руку съ этими простыми героями до послѣдней страницы романа.

Излагать во всей подробности сюжетъ «Переселенцевъ» считаемъ лишнимъ. Мы обратимъ вниманіе только на главное: на характеры дѣйствующихъ лицъ, на сцены, замѣчательныя въ томъ или другомъ отношеніи, на торжество, удачи и неудачи автора. Это будетъ интереснѣе и, главное, болѣе относится къ сущности нашего дѣла.

Характеры, рельефнѣе другихъ выдающіеся въ романѣ: переселенецъ Лапша, жена его Катерина и нищій Фуфаевъ, не говоря уже о нѣкоторыхъ эпизодическихъ лицахъ слегка, но мастерски очерченныхъ.

Лапша отчасти сродни дядѣ Акиму, въ «Рыбакахъ», но совершенно въ другомъ родѣ. Онъ преоригинальное лицо: деревенскій трутень, такъ же какъ и Акимъ, но трусливый и робкій, ничего не дѣлающій, вѣчно охающій и ахающій, желающій показать, но совершенно безуспѣшно, что онъ дескать, хоть и одержимъ тяжкими болѣзнями, но что онъ голова всего, а баба его Катерина не болѣе не менѣе, какъ пустяшная и вздорная баба. А ужъ какъ труслив и что за размазня-человѣкъ этотъ Лапша. При первой маленькой неудачѣ, онъ теряется до основанія, безнадежно заваливается на печку, стонетъ такъ жалостливо и томно, что вчужѣ дѣлается жаль человѣка. «Эхъ — подумаешь — убили совершенно обстоятельства бѣднаго горемыку!» Ничего не бывало: Лапшѣ до обстоятельствъ и дѣла нѣтъ, онъ всѣ заботы взваливаетъ на жену, ему и нуждушки нѣтъ, какъ бы пособить стѣснительному положенію своего семейства, онъ кряхтитъ себѣ да стонетъ, стонетъ да кряхтитъ, словно этимъ облегчаетъ домашнее горе, словно кряхтѣньемъ поправляетъ разстроенныя обстоятельства. И какія непріятности встрѣчаются съ этимъ запечнымъ страдальцемъ: отправится онъ изъ избы въ ригу, чтобъ всхрапнуть маленько подъ предлогомъ болѣзни. Чтожъ, кажется, хорошо задумано, но и тутъ постигаютъ его удары судьбы. Украдкой, тишкомъ и ползкомъ, въ ригу является родной его братъ, бродяга Филиппъ, много напакостившій въ деревнѣ и давно бѣжавшій, — онъ начинаетъ давить и стращать Лапшу, угрожаетъ ему поджогомъ — краснымъ пѣтухомъ — и требуетъ денегъ. Лапша жалокъ въ эту минуту, а отъявленный воръ и мошенникъ Филиппъ такъ ловко и самостоятельно обращается съ нимъ, что тотчасъ видно, что Лапша боится его до смерти, что Филиппъ не въ первый разъ дѣлаетъ подобное посѣщеніе.

Лапша до такой степени разслабленъ нравственно и физически, такъ жалокъ, что встрѣтившись однажды съ мужикомъ Карпомъ и кузнецомъ Пантелеемъ, онъ совершенно раскисъ и растерялся. Причина-то была растеряться: онъ былъ долженъ Карпу, потребовавшему у него возвращеніе долга; но дѣло въ томъ, что когда и

кузнецъ и Карпъ начали его бранить, называть мошенникомъ и укорять братомъ Филиппомъ, съ которымъ онъ будто бы дѣйствуетъ за одно, — Лапша скорчилъ жалкую мину и безнадежно расплаталъ руки, такъ что даже маленькій сынишка его не выдержалъ и своимъ дѣтскимъ голосомъ закричалъ:

— Анъ нѣтъ не мошенникъ! не мошенникъ! подхватилъ мальчикъ, выставляя впередъ кудрявую свою голову.

— Ты что, щенокъ? — заговорилъ кузнецъ.

— Анъ нѣтъ, не щенокъ!... Сами ребята твои щенки... а дядя Василій не мошенникъ! — сказалъ мальчикъ.

— Молчи! пришибу!

Не смѣешь! — сказалъ мальчикъ съ такимъ смѣлымъ видомъ, какого отецъ во всю жизнь свою не посмѣлъ выказать».

Вообще лицо Лапши представлено Григоровичемъ мастерски. Несмотря на свою оригинальность, лицо это очень естественно: любая деревня имѣетъ своего Лапшу.

Другой, еще болѣе замѣчательный типъ въ «Переселенцахъ» — типъ истинно-дѣловой русской крестьянки — представленъ въ лицѣ Катерины, жены Лапши. Съ перваго разу она непріятно обдаетъ васъ своимъ холоднымъ видомъ; вы думаете, что безпрерывныя копотливыя заботы и обязанности матери многочисленной семьи сдѣлали ее только сухой, недовѣрчивой и заботливой хозяйкой. Но, познакомившись съ нею ближе, вы тотчасъ увидите, что ваше предположеніе ошибочно: она добра, не криклива и не заносчива, какъ большая часть дѣловыхъ женщинъ, никогда не попрекаетъ своего лѣнтяя мужа, знаетъ, какъ нельзя лучше настоящую ему цѣну, но не даетъ чувствовать ему на каждомъ шагу своего превосходства. Она бьется, несчастная, какъ рыба объ ледъ, все дѣлаетъ, обо всѣхъ заботится и не жалуется сосѣдкамъ на свои заботы и домашніе недостатки, жалѣетъ и щадитъ возмутительнаго лѣнивца Лапшу, горячо и крѣпко любитъ свое семейство. Это прекрасное лицо, энергическое, простое, не сознающее вполнѣ своего достоинства, характерное и мягкое — одно изъ знаменитыхъ лицъ Григоровича, которымъ онъ можетъ смѣло гордиться. Попытки создать подобное лицо встрѣчались у многихъ писателей простонароднаго быта, они были отчасти и у самого Григоровича въ прежнихъ его произведеніяхъ, но всѣ эти попытки оставались только попытками. Дѣло въ томъ, что подобное лицо всегда выходило точно выколоченное изъ стали, накаленной до красна, всѣ другія стороны были приколочены и забиты слишкомъ усерднымъ художественнымъ молоткомъ, такъ что подобное лицо, вмѣсто истинной характеристики, обыкновенно торчало какимъ-то напряженнымъ литературнымъ коломъ. Между тѣмъ, посмотрите, какіе естественные переливы въ энергическомъ характерѣ Катерины: какъ она слаба, безразсудна во время пропажи своего Петруши, похищеннаго нищими, какъ она, практическая женщина, рыдаетъ и кружится вокругъ кустовъ, какъ будто

ея двѣнадцатилѣтній Петруша крошечная безсловесная щепка, которую легко можно было припрятать подъ кусты. Посмотрите, какъ эта Катерина, стѣсненная обстоятельствами, въ своей лачужкѣ — мазанкѣ, караулитъ саратовскій лугъ, безнадежно поджидая гуртовщиковъ со стадами; какъ она, въ то же время, безъ устали спѣшитъ приставить дюжины полторы заплатъ въ коротайкѣ, которую отдалъ починить ей, за ничтожное вознагражденіе, одинъ изъ мужичковъ сосѣдней деревушки. Лохмотья, предназначенныя для заплатъ и лохмотья самой коротайки, лежатъ на ея колѣняхъ; съ правой руки ея, на старомъ тулупчикѣ, валяется послѣдній ея маленькій ребенокъ; слѣва, между моткомъ нитокъ и ножницами, виднѣется ломоть хлѣба, къ которому время отъ времени прибѣгаетъ она. Три старшихъ ея мальчугана шумно и весело кричатъ, прыгая съ ломтемъ хлѣба въ рукахъ и поглядывая на Волчка, который виляетъ своимъ хвостомъ и устремляетъ какой-то страстно-нетерпѣливый взглядъ на каждаго мальчугана, когда который-нибудь изъ нихъ подноситъ хлѣбъ къ губамъ. Уперевъ угловатые локти въ костлявыя колѣни, положивъ голову между ладонями, Лапша глядитъ съ видомъ тоски и изнеможенія въ степь, которая разстилается передъ его глазами... О чемъ думаетъ Лапша—этого онъ, вѣрно, и самъ не можетъ растолковать; но все равно, каковъ бы ни былъ ходъ его мыслей, онѣ поминутно прерываются тяжелымъ кашлемъ. Опять новая забота для бѣдной женщины; хотя мужъ не былъ для нея надежнымъ помощникомъ, но она ясно видитъ, что эта не то, когда Лапша, бывало, притворно покашливалъ себѣ днемъ, а ночью спалъ какъ убитый, — нѣтъ, теперь онъ дѣйствительно, подался замѣтно, и хворость его прибавляетъ ей лишнюю заботу. А заботъ-то у ней, неудачъ и безъ того много...

Отношенія Катерины къ семейству и мужу обрисованы удивительно: она щадитъ этого несчастнаго трутня, несмотря на то, что онъ былъ причиною потери бѣднаго Петруши, любимаго ея сына. И какъ отличался при этомъ Лапша, какъ онъ сразу провалился, желая сдѣлать практическое дѣло!... Вотъ какъ это было: однажды вечеромъ постучались нищіе; Катерина подала имъ корку хлѣба, но они стали проситься позволить имъ переночевать, предлагая за это по копейкѣ съ человѣка:

— «Гдѣ тутъ съ вами возиться! самимъ тѣсно! — сердито возразила Катерина.

Лапша дернулъ жену за рукавъ и отвелъ ее въ сторону.

— Вотъ вѣдь ты какая! — шепнулъ онъ тономъ упрека и какъ бы подразнивая ее: — *сама ругаешься, говоришь: такой я, сякой*, а сама что дѣлаешь?.. Все черезъ тебя выходитъ... Четыре копейки даютъ — не пущаешь... Завтра бы деньги-то Карпу отдалъ... А все я во всемъ виноватъ... То-то же вотъ и есть! — добавилъ онъ съ выраженіемъ, которое ясно показывало, что онъ вѣрилъ въ дѣльность своихъ словъ. Катерина только плюнула и пошла убирать со стола. Но Лапша не

обратилъ на это вниманія. Чтобъ окончательно доказать женѣ несправедливость ея обвиненій и показать себя передъ нею дѣловымъ, заботливымъ хозяиномъ, онъ направился къ окну и началъ даже торговаться съ нищими; но такъ какъ ему не уступали, и въ сущности его не столько занимала прибыль, сколько появленіе новыхъ лицъ, бесѣда съ ними и сладкая перспектива высказать имъ несправедливыя гоненія, судьбы и людей, онъ тотчасъ же согласился на все, т.-е. на четыре копейки».

Этотъ нелѣпый человѣкъ, желая сдѣлать практическое дѣло, тайкомъ отъ жены отдаетъ нищимъ своего сына въ вожаки за тринадцать рублей, полагая, что это дастъ ему возможность расплатиться съ долгами. Но нищіе разомъ смекнули, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, надули его какъ пошлаго дурака, прибили и, не заплативши ни копейки, увели парнишку. Какъ жалокъ и печаленъ въ эту минуту Лапша, нанесшій въ простотѣ сердечной самый страшный ударъ для своего семейства!...

Какъ читатель, проникнутый интересомъ повѣствованія, сердится на эту тощую фигуру, примиряется съ ними ради его немощи и нравственнаго безсилія, но порою съ негодованіемъ отворачивается отъ этого бездарнаго мужика...

Честь и слава Григоровичу, что онъ умѣлъ совладать съ такими трудными типами, какъ Лапша и въ особенности Катерина. Признаемся, что во всѣхъ нашихъ произведеніяхъ изъ простонароднаго быта — лица, подобнаго Катеринѣ, мы не встрѣчали. Это лицо — истинное торжество таланта Григоровича.

Что же касается до нищаго Фуфаева, принадлежащаго тоже къ крупнымъ лицамъ въ романѣ, то онъ очень удался нашему автору. Надо замѣтить, что эти нищіе въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, такъ какъ съ бродяжническою ихъ судьбою связывается судьба Петруши, сына переселенцевъ. Они чрезвычайно какъ разнообразятъ романъ, и, самыми простыми и весьма естественными своими похожденіями, способствуютъ его интересу и оживленію. Нищихъ этихъ три: Верстанъ, багровый, дюжій старикъ, широкоплечій, которому, кажется, не составитъ большого труда хоть цѣлаго жеребенка взвалить къ себѣ на плечи. Онъ по деревнямъ и на ярмаркахъ прикидывается слѣпымъ, поетъ густымъ басомъ, вообще же онъ сильно плутоватый человѣкъ, способный на все тяжкое. Другой нищій называется дядя Мизгирь, слабый мямлящій старикашка, трусливый и жадный, который бережно и съ замѣтной нѣжностью обходится съ своею лѣвою ногою, гдѣ у него, за лаптемъ, хранятся скопленныя деньги. Третій нищій слѣпой и слѣпой въ буквальномъ смыслѣ, потому что первые два только прикидываются слѣпцами, — называется Фуфаевъ. Этотъ слѣпецъ преинтересная особа: онъ необыкновенно веселъ, болтливъ, насмѣшливъ и, несмотря на грязную и трудную жизнь бездомнаго скитальца, въ немъ еще уцѣлѣло кой-что человѣческое. Какъ ловко онъ подсмѣивается надъ жадностью

дяди Мизгиря, какъ умѣетъ кстати и добродушно кольнуть угрюмаго Верстана, какой великій мастеръ заводить новыя знакомства, подружиться со всякимъ, хорошо выпить и хорошо уснуть. Съ живымъ и съ необыкновенно подвижнымъ умомъ, онъ неистощимъ на ловкія прибаутки. Онъ скоморохъ въ душѣ, но ласковъ съ своимъ маленькимъ вожакомъ, умѣетъ подсластить и свое и чужое горе и сжился съ своею жизнью, какъ рыба съ водою. А ужъ какой мастеръ этотъ веселый слѣпецъ на пѣсни — онъ такъ нестерпимо трещитъ своимъ козлинымъ голосомъ, такъ раскатисто и съ увлеченіемъ разливается на ярмаркахъ, что хоть кого оглушитъ. Смотришь-затянулъ:

«Жилъ себѣ сла-а-венъ богатъ человѣкъ,
Пилъ, ѣлъ сладко, кормилъ хорошо».

тутъ же подхватилъ:

«Лежитъ Лазарь, ле-житъ весь изра-а-ненъ,
Съ убожествомъ, съ немочью».

въ степи, за околицей, смотришь — хватитъ и веселенькую:

«Какъ на дружкѣ-то кафтанъ
Гармишелевый;
Какъ на дружкѣ-то штаны
Черны-бархатны;
Какъ на дружкѣ-то чулки
Бѣлы-шелковые;
Есть смазные сапоги,
Красна оторочь;
Есть и шляпа со перомъ
И перчатка съ серебромъ».

Вообще хорошее и вѣрное лицо нищій Фуфаевъ; характерно и рельефно вылилось оно у Григоровича. Этотъ жалкій слѣпецъ безпеченъ, добродушно золъ на языкъ, болтливъ и хитеръ въ разговорѣ, но далеко не хитеръ на дѣлѣ. Конечно, ни одинъ изъ его товарищей-нищихъ не въ состояніи сдѣлать такого ловкаго и проницательнаго соображенія, какъ онъ, но дѣло въ томъ, что онъ плохо воспользуется этимъ, да и лѣнь возьметъ къ тому же свое.

Къ сожалѣнію, подробно распространяться о лицахъ романа Григоровича мы не можемъ. Скажемъ только, что сцены съ нищими прекрасны. Они нисколько не уступаютъ самымъ интереснымъ сценамъ изъ житья-бытья переселенцевъ и возбуждаютъ одинаковое вниманіе. Къ числу не слабыхъ, но болѣе блѣдныхъ сценъ мы относимъ послѣднія заключительныя страницы: Бѣлицыны дописаны какъ-то наскоро. Они производятъ впечатлѣніе торопливаго и неполнаго финала, придѣланнаго къ прекрасной вступительной увертюрѣ и къ самому отчетливому выполненію всего остальнаго. Этотъ финалъ естественъ въ основаніи, но слѣдовало выполнить его гораздо послѣдовательнѣе. Финальная нота важна потому, что она существенная частица основной идеи всего цѣлаго.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о другихъ лицахъ. Въ «Переселенцахъ» нѣкоторыя второстепенныя и даже третьестепенныя лица схвачены такъ ловко и бойко, что получаютъ самую цѣльную физіономію. Такова, напримѣръ, молодцоватая мелкопомѣстная помѣщица Анисья Петровна Иванова, которая своимъ бѣлымъ коленкоровымъ чепцомъ, плотно окутывающимъ ея голову, издали, нидать ни взять, напоминаетъ сѣдую голову стараго, гладко остриженнаго солдата. Когда она брала за хохолъ своего покойнаго супруга, то покойникъ въ этихъ случахъ только прижимался къ стѣнѣ и на всякое новое потряхиваніе супруги приговаривалъ: «А зачѣмъ шла за сердитаго? а зачѣмъ шла за сердитаго?» Но этой бабы-грозы боялся не одинъ только ея покойникъ: по наружности греческая Бобелина, а по внутреннимъ свойствамъ настоящая русская мелкопомѣстная вдова, она не давала никому потачки. Эта баба, — лицо впрочемъ, не новое въ нашей литературѣ — въ сердцахъ обыкновенно пѣнилась и плескалась, какъ раскупоренная бутылка съ шипучкой. Надо было видѣть, какъ она взбѣсилась на Катерину, когда послѣдняя, послѣ дальняго путешествія, явилась къ ней переговорить на счетъ саратовскаго луга. А въ сущности, эта баба — гроза вовсе не злая и всѣми силами хлопочетъ выдать замужъ свою сироту-племянницу. Недурны также становой Соломонъ Степановичъ и писарь станового, расхаживающій по ярмаркѣ и страдающій зубною болью, которую проклиналъ не столько самъ писарь, сколько мужики, собравшіеся къ торгу. Гуртовщикъ Карякинъ, восторглазая деревенская запѣвалка, вся состоящая изъ суеты и безпокойства; Пьяшка, дѣвица Тютюева, нѣсколькими чертами охарактеризованная весьма удачно. Маленькими, мелочными событіями и лицами никогда пренебрегать не слѣдуетъ; Григоровичъ это доказалъ, какъ нельзя лучше, многими сценами и лицами въ «Переселенцахъ». Ни въ одномъ изъ его прежнихъ романовъ не встрѣчалось столько ловкихъ и мѣткихъ сравненій, такой обильной и разнообразной наблюдательности, какъ въ «Переселенцахъ».

По нашему мнѣнію, «Переселенцы» выше всѣхъ романовъ Григоровича; не говоря уже объ ихъ капитальныхъ достоинствахъ, они еще замѣчательны въ другомъ отношеніи. Прекрасный талантъ Григоровича всегда страдалъ огромнымъ недостаткомъ — растянутостію и утрированной подрисовкой, но здѣсь авторъ освободился отъ своего существеннаго недостатка. Это — лучшее доказательство того, что талантъ Григоровича развился, что онъ значительно двинулся впередъ. Мы еще посовѣтуемъ избѣгать всѣми силами лицъ, въ родѣ знахарки Грачихи. Они слишкомъ напоминаютъ французскіе романы.

Еще одно замѣчаніе. Описанія природы были всегда хороши у нашего автора, но имъ вредило одно важное обстоятельство. Законы

самой натуры не позволяютъ забѣгать глазомъ за видимый горизонтъ, между тѣмъ какъ нашъ авторъ часто грѣшилъ въ этомъ отношеніи: онъ нерѣдко перепрыгивалъ черезъ этотъ горизонтъ, черезъ-чуръ удлиняя перспективу и, такимъ образомъ, въ угоду картинности, отступалъ отъ правды. Мы этого не можетъ сказать объ описаніяхъ природы въ «Переселенцахъ», гдѣ встрѣчаются истинно-великолѣпныя картины, дышащія свѣжестію и правдой, не одной любовью къ природѣ, но и пониманіемъ ея. Пусть извинитъ намъ любимый нами авторъ, но мы смотрѣли на многія изъ прежнихъ его описаній не болѣе, какъ на кокетничанье съ природой; но и мы восхищены описаніями въ «Переселенцахъ», потому что они чужды прежнихъ недостатковъ. Чувствуешь, что ты стоишь на мѣстѣ самого автора, любуешься всѣмъ этимъ и видишь, что авторъ не ставитъ для картинности ни лишнихъ водяныхъ мельницъ, выскочившихъ въ угоду читателя, ни дальнихъ, покривившихся избъ, видимыхъ за 20 верстъ, не прибавляетъ ненужнаго блеянія овецъ и т. п.; между тѣмъ хорошо, живописно и, главное, естественно дышитъ предъ вами и раскидывается цѣлая картина.

Если, съ одной стороны, авторъ въ своемъ романѣ освободился отъ нѣкоторыхъ своихъ недостатковъ, то, съ другой стороны, всѣ достоинства, за которыя полюбила его публика, остались при немъ. Съ какимъ наслажденіемъ онъ вводитъ читателя въ зажиточную деревню, какую легкость и радость испытываетъ при видѣ здороваго, довольнаго, счастливаго мужика; синій кафтанъ, ситцевая юбка, красные и желтые передники, шелковые платки, широкая борода, съ достоинствомъ падающая на красную рубашку; сытная лошадь не ускользаетъ отъ повеселѣвшаго глаза. Вамъ радостно и пріятно, что въ такой-то деревнѣ, Сосновкѣ, пирогъ съ кашей и капустой считается вещью самой обыкновенной и никто не удивляется щамъ съ бараниной, и вамъ хочется съѣздить въ эту Сосновку, крѣпко хочется, чтобы взглянуть, какъ живутъ тамъ мужички, для которыхъ и баранина нипочемъ. Васъ занимаетъ сановитая, важная фигура мужика Никанора и маленькое лицо его жены, усѣвшихся на лавочкѣ у воротъ своей опрятной избы. Вамъ даже хочется знать, почему этотъ Никаноръ такъ спокойно и увѣренно разсѣкаетъ ладонью правой руки широкую свою бороду на двѣ равныя части и такъ неторопливо поглядываетъ на проходящую мимо его толпу. Да, авторъ имѣетъ на своей сторонѣ много притягательныхъ средствъ; благодаря имъ и своему прекрасному таланту, имя его, повѣрьте, не скоро забудется русскими читателями.

Послѣдній романъ Григоровича, «Переселенцы», окончательно убѣдилъ насъ, что авторъ этотъ значительно шагнулъ впередъ, и что сфера, имъ избранная, дастъ ему возможность написать еще много хорошаго и истинно-дѣльнаго для русскаго читателя.

Изъ Библіотеки для Чтенія за 1857 г.

Группы дѣйствующихъ лицъ въ романѣ Григоровича «Переселенцы».

Романъ «Переселенцы» не содержитъ въ себѣ никакой опредѣленной и ясно высказанной идеи или психологическаго развитія страсти и характеровъ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ группъ, связанныхъ болѣе или менѣе искусно рядомъ весьма простыхъ и правдоподобныхъ событій. Одна группа—семейство помѣщичьяго крестьянина Тимоѳея Лапши, состоящее изъ жены его, Катерины (типъ материнской любви, домовитости и всякихъ человѣческихъ и крестьянскихъ добродѣтелей), дочери Маши (прекрасная собою крестьянская дѣвушка), невѣстки Дуни (помѣшана съ горя: мужъ ея, Филиппъ, братъ Тимоѳея, воръ и пр.; послѣ разныхъ преступленій, свойственныхъ простонародному быту, онъ дѣлается разбойникомъ и вмѣстѣ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ примыкаетъ къ отдѣльной группѣ), нѣсколькихъ маленькихъ дѣтей, ковыряющихъ въ носу (!) и цѣпляющихся за платье матери, и сельской собаки, Волчка, хвостъ которой авторъ юмористически называетъ кренделемъ. Крестьянинъ Лапша—типъ совершенно новый у Григоровича: это мужикъ лѣнивый, болтливый, хвастливый, бездушный эгоистъ, лгунъ и т. п. У него брови опускаются и подымаются, что обозначаетъ дурное и хорошее расположеніе духа. Другая группа—семейство помѣщика Лапши, Бѣлицына: мужъ (добрый и ничтожный человѣкъ), жена (прелестная, но обыкновенная, свѣтская женщина вначалѣ, столь же прелестная, но удивительная хозяйка и женщина высокой души въ концѣ), малолѣтняя дочь въ соломенной шляпѣ съ широкими полями, гувернантка-француженка съ офиціальными ужимками и и фразами, будуаръ, мебель съ инкрустаціею, восхитительный костюмъ, кружева, шелкъ, полусвѣтъ, розовые пальцы прелестной ручки, граціозныя движенія ребенка, запахъ гаванской сигары, свѣжее дыханіе тѣнистаго сада, стереотипные виды съ террасы помѣщичьяго дома, отсутствіе всякихъ понятій о сельскомъ хозяйствѣ и управитель, безкорыстно, безгранично преданный своимъ господамъ. Третья группа — нищіе: старикъ Верстанъ (старый нищій съ косматой головой, съ черствымъ сердцемъ и такими же руками), слѣпой Фуфаевъ (плѣшивый весельчакъ, шутникъ, плясунъ, горькій пьяница, но чувствительная и любящая душа), дядя Мизгирь (вывѣска скряги), вожакъ Миша, умирающій отъ изнеможенія самымъ мучительнымъ образомъ, другой вожакъ, Петя, сынъ Лапши, купленный нищими у отца въ трудную минуту при помощи разбойника Филиппа. На этихъ двухъ мальчикахъ авторъ долго сосредоточиваетъ вниманіе читателя, стараясь затронуть самыя чувствительныя струны его сердца, но его усилія тщетны, потому что для поэтическаго воспроизведенія дѣтской природы съ ея тонкой, неосязательной прелестью, совершенно недостаточно внѣшней наблюдатель-

ности и тѣхъ общихъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ пластически изображаются заплаты, морщины, блестящія на солнцѣ лысины, рубища, пыль, зной, черствыя корки, косушки. Четвертая группа: мужичокъ Андрей съ своей женою (типъ добраго русскаго крестьянина, какъ обыкновенно его изображаетъ Григоровичъ, т.-е. добродушное лицо, борода такая-то, и перечень прекрасныхъ душевныхъ качествъ, приправленный умиленіемъ самого автора; ихъ госпожа Иванова, мелкопомѣстная владѣтельница, сутяга, и лихая баба, ея воспитанница — дѣвушка съ пухлыми, румяными щеками (типъ сельской барышни), сынокъ гуртовщика, Карякинъ, съ напомаженной прической и усами, ухаживающій за молодой дѣвушкой (типъ купеческаго сынка), горбунъ Егоръ,—шутъ, пьяница, негодяй и проч. и проч.

Вотъ дѣйствующія лица романа Григоровича. Къ нимъ нужно еще прибавить столяра Ваню, чувствительнаго юношу съ улыбкой до ушей, влюбленнаго въ Машу. Кромѣ того,—крестьяне, крестьянки, дворовые, мелкопомѣстные помѣщики (Лысковъ и дѣвица Тютюева). Сколько народу, Боже мой, тогда какъ «исторія одной души человѣческой любопытнѣе исторіи цѣлаго народа»—для поэта!

По распоряженію помѣщика Бѣлицына семейство Лапши переселяется въ другой уѣздъ или губернію, на лугъ, которымъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ пользовалась по сосѣдству помѣщица Иванова. Вотъ вамъ и переселенцы. Нищіе, между тѣмъ, похитившіе Петю, путешествуютъ, собирая милостыню. Въ концѣ Петя возвращается къ матери, Ваня женится на Машѣ, Карякинъ дѣлаетъ предложеніе воспитанницѣ Ивановой. Бѣлицына дѣлается ангеломъ-хранителемъ своихъ крестьянъ. Порокъ наказывается, добродѣтель торжествуетъ. Раздаются звуки цѣпей,—это партія колодниковъ (мастерски набросанный эскизъ), между которыми виденъ злодѣй Верстанъ, окончившій свою нищенскую карьеру убійствомъ; разбойникъ Филиппъ также пойманъ и отправленъ въ судъ.

Изъ „Сына Отечества“ за 1856 г.

«Гуттаперчевый мальчикъ», «Акробаты благотворительности», «Карьеристъ», ихъ достоинства и недостатки.

Желая отмѣтить выдающіяся явленія беллетристики на книжномъ рынкѣ за нынѣшній годъ, мы можемъ остановиться только на послѣднихъ произведеніяхъ Д. В. Григоровича, вышедшихъ отдѣльными книжками. Послѣ долгаго молчанія Григоровичъ подарилъ, наконецъ, литературу прелестными, вполнѣ художественными произведеніями. Особенно хороша первая книжка, украшеніемъ которой служитъ разсказъ «Гуттаперчевый мальчикъ», изображающій судьбу ребенка-сиротки, заброшеннаго судьбою въ циркъ, гдѣ онъ и поги-

баетъ. Давно уже, съ появленія стихотвореній въ прозѣ Тургенева, не приходилось намъ встрѣчать въ современной литературѣ такихъ произведеній, отдѣланныхъ и обдуманныхъ во всѣхъ малѣйшихъ деталяхъ. Глубокое впечатлѣніе производитъ этотъ разсказъ, благодаря своей жизненности и художественности, и можетъ быть предложенъ для чтенія какому угодно возрасту — отъ мала до велика — всякій пойметъ его и даже будетъ имъ глубоко тронутъ. Эскизъ «Карьеристъ», представляя собою только фотографическій снимокъ съ типа ловкаго петербургскаго чиновника, пробивающагося по іерархической лѣстницѣ до высокихъ чиновъ, написанъ такъ живо, такъ легко и притомъ сжато, что воочію собираетъ передъ читателемъ всѣ типическія, несимпатичныя черты такого карьериста, даетъ ему яркій, живой выразительный портретъ такихъ людей, каковъ изображенный, Григоровичемъ Ягозинъ.

Повѣсть «Акробаты благотворительности» далеко уступаетъ этимъ разсказамъ въ достоинствахъ. Главный недостатокъ ея состоитъ въ томъ, что автору не удалось соединить въ ней два элемента: сатирическій и романическій, такъ что, помимо нѣкоторыхъ отдѣльныхъ блестящихъ картинъ и эпизодовъ, она въ общемъ не выдержана. На читателя непріятно дѣйствуетъ то, что всѣ выведенныя въ повѣсти лица (какъ главныя, такъ и второстепенныя) обрисованы слишкомъ односторонне, а именно — отрицательно. Читатель не находитъ ни одной примиряющей черты въ ихъ характерахъ, ни одного отраднаго, освѣжающаго факта, ни одного привлекательнаго дѣйствія съ ихъ стороны, ни одной симпатичной мысли или рѣчи. Это — нехудожественно, это — крупный недостатокъ: жизнь, какъ бы ни была она мрачна, не можетъ не являть хоть изрѣдка, хоть сколько-нибудь свѣтлыхъ сторонъ. По нашему мнѣнію, литературное произведеніе только тогда можетъ быть вполнѣ художественнымъ, когда въ его герояхъ — будь они даже самыми отъявленными негодяями — авторъ сумѣетъ найти черты человѣчности. И тѣмъ болѣе нехудожественъ пріемъ Григоровича, что на ряду съ цѣлою группою людей самаго низменнаго умственнаго и нравственнаго склада авторъ выставилъ идеальную во всѣхъ отношеніяхъ личность — архитектора Зиновьева: какъ художникъ, онъ величайшій талантъ, какъ человѣкъ само совершенство доброты, честности, добросовѣстности и великодушія, въ общемъ же личность неестестественная, ходульная и придуманная. Семья его напоминаетъ благочестивое семейство, часто изображаемое въ плохихъ англійскихъ романахъ: та же сентиментальность, тѣ же безконечные поцѣлуи, благодушныя восклицанія, благородные порывы — словомъ, та же ходульность.

Но все-таки это повѣсть Григоровича заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Дѣло въ томъ, что она дышитъ новизною сюжета: въ ней изображены наши благотворители, тратящіе (очень часто по-пустому) и время и массу денегъ. Авторъ въ насмѣшку изображаетъ слѣдующія филантропическія общества:

Общество распространенія нравственныхъ правилъ въ низменныхъ классахъ петербургскаго населенія и преимущественно между ломовыми извощиками.

Общество для снабженія дешевыми игрушками дѣтей болгарскихъ семействъ, лишившихся родителей во время послѣдней войны.

Комиссія для предварительныхъ мѣръ противъ распространенія золотухи и родимчика между дѣтьми бѣднаго сельскаго населенія.

Общество призрѣнія сиротъ китолововъ, погибшихъ на Мурманскомъ берегу.

Общество спасительнаго вліянія труда для преждевременно погибшихъ.

Общество снабженія даровыми кормилицами служащихъ семейныхъ лицъ, получающихъ не свыше полуторы тысячи годового оклада.

Больница «Излечи мои недуги».

«Общество снабженія бѣдныхъ трубочистовъ мыломъ».

Это — насмѣшка. Никто не станетъ отрицать того, что она не лишена остроумія; но въ то же время всякій согласится съ тѣмъ, что она отзывается памфлетомъ, карикатурностью. Карикатурны и многія лица въ повѣсти Григоровича: разныя филантропки и филантропы — г-жа Шилохвостова, княгиня Зинзивѣева, чиновникъ Стрекозинъ, живописецъ Лисичкинъ — карикатурны не только по своимъ характерамъ, но и по фамиліямъ. Авторъ постарался даже фамиліи дать имъ сообразно характерамъ: хитрый человѣкъ Лисичкинъ, юркій — Стрекозинъ, назойливая безпокойная дама — Шилохвостова и т. п. Все это далеко нехудожественно. Поэтому, повѣсть «Акробаты благотворительности» имѣетъ по нашему мнѣнію значеніе только обличительнаго, сатирическаго произведенія. Но отъ Григоровича можно требовать большаго: у такихъ крупныхъ писателей, какъ онъ, даже обличеніе должно быть выражено въ художественной формѣ и не оставлять въ читателѣ впечатлѣнія карикатуры. *Z. C.*

Изъ „Библіографа“ за 1885 г.

Если опытъ доказываетъ намъ, что писать много — для автора очень вредно, тотъ же опытъ говоритъ намъ, что продолжительное молчаніе писателя также не приноситъ ему пользы. Извѣстный совѣтъ Кузьмы Пруткова: «Если у тебя есть фонтанъ — затыкай его, дай отдохнуть и фонтану», можно было бы дополнить другимъ, не менѣе глубокомысленнымъ афоризмомъ: «если у тебя долго не билъ фонтанъ, то прежде чѣмъ пускать его, осмотри, не засорился ли онъ, и прочисти». Григоровичъ, завоевавшій себѣ почетную извѣстность въ литературѣ съ сороковыхъ до шестидесятыхъ годовъ, молчалъ, какъ извѣстно, лѣтъ двадцать, составляя только отчеты по обществу поощренія художниковъ да статьи на разные случаи. Теперь, про-

стившись съ художествами и вернувшись къ литературѣ даже драматической (какъ предсѣдатель театральнаго комитета,—хотя никогда не писалъ пьесъ), онъ вздумалъ напомнить о себѣ читателямъ и напечаталъ въ журналахъ нѣсколько повѣстей, вышедшихъ потомъ въ двухъ отдѣльныхъ книжкахъ. По прекрасному языку, умѣнью нѣсколькими штрихами очерчивать положенія и характеры, по художественной отдѣлкѣ деталей, иногда даже черезчуръ мелкихъ—передъ нами воскресъ Григоровичъ сороковыхъ годовъ. Къ сожалѣнію, содержаніе его новыхъ разсказовъ такъ же мелко, какъ и ихъ отдѣлка, и не затрогиваетъ въ сердцѣ читателя прежней струнки, отзывавшейся болью въ унисонъ съ задушевными мотивами автора. Ослабѣли ли съ годами эти симпатичныя ноты въ талантѣ автора, устарѣлъ ли самъ читатель, или требованія нашего времени отъ литературы сдѣлались строже и серіознѣе—мы не будемъ изслѣдовать этихъ вопросовъ, но должны сознаться, что послѣднія произведенія автора далеко не производятъ того впечатлѣнія, какъ первыя. Въ большой повѣсти его «Акробаты благотворительности» удачнѣе всего—самое заглавіе, но авторъ слишкомъ поверхностно, почти вскользь, коснулся своего сюжета, отмѣтилъ въ немъ только комическія стороны, не обративъ вниманія на общественное значеніе благотворительныхъ продѣлокъ. Изъ трехъ появившихся затѣмъ разсказовъ «Гуттаперчевый мальчикъ» не больше, какъ набросокъ картины, которая, при болѣе яркомъ колоритѣ и болѣе тщательной отдѣлкѣ, могла бы произвести поразительный эффектъ, а въ настоящемъ видѣ оставляетъ впечатлѣніе чего-то недоконченнаго, хотя герой ея и оканчиваетъ свою жизненную карьеру, свалившись съ двухсаженнаго шеста. Очеркъ «Карьеристъ»—уже совершенно слабая вещь. Такими ли красками слѣдовало обрисовать эту язву служебнаго Петербурга? Развѣ главные типы карьеристовъ встрѣчаются въ средѣ мелкаго чиновничества? Мы увѣрены, что и самъ авторъ не придаетъ значенія этому безцвѣтному очерку въ 16 страницъ. Бо̀льшую половину книги занимаетъ повѣсть «Алексѣй Чемезовъ». Это хотя и довольно блѣдный, но все-таки подробно очерченный типъ загнаннаго чиновника и, въ то же время, писателя. Пока у него жива добрая, хоть и не развитая, жена, онъ еще дѣлаетъ свое дѣло: трудится, приноситъ посильную пользу, составляетъ статейки въ дѣтскій журналъ, компилируетъ учебники; но жена умираетъ отъ тифа, бѣднякъ сначала приходитъ въ отчаяніе, потомъ мало-по-малу успокаивается и попадаетъ въ когти хищной нѣмки aus Riga, которая совершенно овладѣваетъ имъ и женитъ его на себѣ. Но въ день свадьбы Чемезовъ, вдругъ узнавъ, что нѣмка его обманываетъ, что она живетъ со старымъ любовникомъ (какъ-будто все это онъ не могъ разузнать прежде!) убѣгаетъ со свадебнаго обѣда въ Малоярославецъ, затѣмъ на свою квартиру, видитъ тамъ тѣнь своей жены и зарѣзывается. Все это неправдоподобно, мелодраматично, разсказано вяло и незанимательно. Чиновники—чистыя карикатуры, сцена сва-

дебнаго обѣда—просто шаржъ; даже редакція, куда Чемезовъ носилъ свои повѣсти, обрисована совершенно блѣдно и безцвѣтно, хотя журнальный міръ близко знакомъ нашему блестящему писателю сороковыхъ годовъ и могъ быть бы воспроизведенъ имъ во всѣхъ подробностяхъ. Даже въ языкѣ повѣсти нѣтъ ни отдѣлки, ни остроумія. Мы увѣрены, впрочемъ, что всѣ эти повѣсти—не болѣе, какъ «проба пера» даровитаго писателя, и что онъ вскорѣ же чѣмъ-нибудь выдающимся напомнитъ читателямъ когда-то симпатичнаго имъ Григоровича.

Ачкасовъ.

„Пикникъ".

Разсказъ Григоровича «Пикникъ» (Follejournée») представляетъ тщательно выписанную и яркую картину петербургской жизни—жизни, конечно, великосвѣтской, такъ какъ теперь снова свирѣпствуетъ мода на князей, графинь, баронессъ и т. п. Та-же мода, введенная, кажется, г. Боборыкинымъ, требуетъ, чтобы старое дворянство оттѣнялось выходцами изъ новой, купеческой аристократіи. Въ разсказѣ Григоровича два главныхъ героя: истощенный, «вымирающій» князекъ Можайскій и лѣзущій въ знать милліонеръ Пузыревъ. Фабула разсказа очень не сложна. Милліонеръ, закармливающій своихъ знатныхъ знакомыхъ лукулловскими пирами, устраиваетъ на масленицѣ волшебный по роскоши пикникъ въ своемъ загородномъ зимнемъ саду: это даетъ возможность автору сразу вывести на сцену цѣлую толпу дѣйствующихъ лицъ, заставить ихъ вести разговоры, изъ которыхъ и вырисовываются ихъ физіономіи. Знаетъ ли Григоровичъ высшій свѣтъ? Несомнѣнно, но тѣмъ болѣе грустное впечатлѣніе производятъ нарисованные имъ портреты. «Князю Можайскому могло быть лѣтъ 35, но уже во всю длину его нѣсколько приплюснутаго и какъ бы помятаго черепа проходила широкая глянцевитая лысина; растительная сила волосъ показывалась только, и то слабо, на вискахъ. Разслабленность происходила отъ преждевременнаго переутомленія и безъ того слабыхъ силъ»—переутомленія не работой, а кипучей жизнью счастливца, не знающаго счета деньгамъ. Вмѣстѣ съ большимъ, хотя и разстроеннымъ состояніемъ предковъ, князь унаслѣдовалъ тьму недуговъ и даже падучую болѣзнь. Князя женили на дѣвушкѣ, которой онъ былъ противенъ, но которой хотѣлось титула и богатства... Княгиня—пустая и мелкая женщина—почти не выѣзжала изъ Парижа; деньги лились рѣкой, а для этого закладывались и продавались одно за другимъ имѣнія, когда-то пріобрѣтенныя въ эпоху фаворитовъ. Весь домъ держался на камердинерѣ Ильѣ, всѣ имѣнія — на управляющихъ, которые быстро наживали себѣ состоянія.

Съ той же отчетливостью, съ какою Григоровичъ рисуетъ уличный туманъ, лужи, балаганы, онъ описываетъ роскошную обстановку князя и его привычки съ момента, какъ камердинеръ, наконецъ, добудился его. «Князь отбросилъ одѣяло и свѣсилъ тонкія, блѣдныя

ноги,—совсѣмъ палочки; икръ почти не было; дюжина такихъ икръ могли бы свободно помѣститься въ одной икрѣ Ильи». Описывается изысканный туалетъ князя, какъ его истощенное тѣло опрыскиваютъ одеколономъ, какъ французъ-куаферъ, получавшій годовое жалованье, освѣжаетъ ему кончики жидкихъ волосъ и пр.; какъ князя осаждаютъ поставщики, и онъ швыряетъ пачку денегъ, которыя ему лѣнь даже пересчитать. Князь торопится на пикникъ. Является другъ его Муратовъ, красавецъ, мотъ, живущій роскошно, не имѣя ни гроша денегъ, покровитель актрисъ, герой флирта и легкихъ побѣдъ надъ замужними дамами. Куда же спѣшатъ эти аристократы въ туманный зимній день? Къ Пузыреву, отецъ котораго, откупщикъ и золотопромышленникъ, оставилъ ему золой ключъ въ «высшій свѣтъ» въ видѣ милліоновъ капитала. Не красива вымирающая аристократія, но еще уродливѣе и нарождающаяся: чумазый лордъ, по Григоровичу, одержимъ демономъ тщеславія, жаждою втереться въ кругъ знати, положенію которой онъ завидовалъ «до зубной боли». Черезъ товарищей по школѣ благодаря роскоши обѣдовъ, ужиновъ, охотъ и увеселеній онъ добился, что былъ вездѣ принятъ, и всѣ у него бывали, но вся знать едва скрывала свое презрѣніе къ выскочкѣ, не стѣснялась чуть не въ глаза говорить ему дерзости. На пикникѣ, среди поразительной по богатству обстановкѣ зимняго сада, съ гротами, каскадами и пр., послѣ лукулловскаго завтрака, идетъ балъ, выходятъ на сцену генералъ, поклонникъ княгини, Лина Гдовская, старѣющая кокетка, прожигающая жизнь въ Парижѣ, Коко Фификовъ, тоже «парижанинъ до послѣдней капли крови», бѣлокурая Китти Елецкая, графиня Пинская, Nini Липецкая, графъ Гунъ, секретарь посольства, «денневенькій» баронъ Зауеръ, гвардеецъ Донцовъ, барышня Лу-лу, чудакъ и богачъ Байдаровъ и пр., и пр. Всѣ они ведутъ себя почти неприлично и совсѣмъ не такъ, какъ принято думать о свѣтскомъ обществѣ. Коко поетъ скабрезныя шансонетки, кокетничаютъ, клевещутъ. Красавецъ Муратовъ цѣлуетъ Китти Елецкую въ укромномъ уголкѣ, а мужъ ея, полковникъ, подговариваетъ товарища ѣхать ужинать съ его любовницей Жюльеттъ къ Кюба. Княгиня заказываетъ ужинъ у Фелисьена, въ загородномъ кабачкѣ, и приглашаетъ все общество. Только одна душа, чистая какъ ангелъ, бродитъ грустно въ этомъ помраченномъ обществѣ—это Ольга Минская, кузина княгини, пріѣхавшая изъ Саратова. «Можетъ ли быть,—думала она,—чтобы «свѣтъ», о которомъ такъ часто разсказывала ей мать, такъ скоро могъ перемѣниться? Можетъ-ли быть, чтобы все въ немъ отмѣчалось такой страшной пустотой, такой праздностью жизни, фальшью, эгоизмомъ, безумнымъ бросаніемъ денегъ, не останавливаясь ни минуты на мысли, откуда берутся эти деньги и какимъ трудомъ получаются?...» Провинціальная барышня ужасается разврату, который видитъ своими глазами. Великосвѣтскій пикникъ оканчивается скандаломъ: колкости и дерзости, которыми преслѣдовали хлѣбосольнаго хозяина его чванные гости, выводятъ его изъ себя. Играя на билліардѣ, онъ про-

махнулся и замѣтилъ: «Tiens, j'ai manqué à l'honneur»! Байдаровъ, лежавшій тутъ же на диванѣ, громко ему крикнулъ: je l'avais toujours dit». Пузыревъ отвѣтилъ на этотъ каламбуръ дерзостью и замахнулся кіемъ; тогда Байдаровъ съ товарищами схватили Пузырева, вынесли въ залу и бросили въ бассейнъ подъ каскадомъ... Все общество скандализовано и отправляется на тройкахъ къ Фелисьену — хорошо закончить достойно начатый день... *Изъ книжки „Недѣли“ 1896 г.*

«Не похорошу милъ,—помилу хорошъ».

Д. В. Григоровичъ «сей остальной изъ стаи славной» талантовъ сороковыхъ годовъ время отъ времени даритъ литературу своими работами, которыя изяществомъ и законченностью живо напоминаютъ превосходную школу, воспитавшую этого писателя на ряду съ Тургеневымъ, Гончаровымъ, Островскимъ и другими крупными старыми дарованіями. Новое произведеніе Григоровича, появившееся въ январской книгѣ «Русскаго Вѣстника», представляетъ рядъ, если такъ можно выразиться, повѣствовательныхъ этюдовъ на тему о любви. Эта тема, какъ извѣстно, стара, какъ міръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчно молода. Каждый крупный поэтъ, каждый беллетристъ — художникъ вноситъ нѣчто свое, болѣе или менѣе цѣнное, глубокое и интересное въ непрерывающуюся разработку этой темы. Замѣчательно, что Григоровичъ въ своихъ работахъ какъ молодого, такъ и зрѣлаго возраста никогда не касался спеціально этой интересной темы. Въ его романахъ изъ крестьянской жизни, изображеніе любви входитъ какъ дополнительный, придаточный элементъ широкаго воспроизведенія народнаго быта, отношеній крѣпостныхъ къ господамъ и т. д. Въ романахъ, повѣстяхъ и очеркахъ, изображающихъ такъ называемое образованное общество, любовныя отношенія героевъ и героинь у Григоровича почти всегда обработаны нѣсколько въ сатирическомъ свѣтѣ. Въ область любовной драмы и любовной психологіи, которая почти для всѣхъ романистовъ и повѣствователей всегда служила главнымъ предметомъ творческаго изслѣдованія, нашъ почтенный беллетристъ въ своихъ старыхъ работахъ дѣлалъ очень рѣдкія и очень осторожныя экскурсіи: онъ прогуливался какъ бы стороною въ этой интересной области. Онъ не создавалъ «увлекательныхъ» и «чувствительныхъ» героинь, какъ Тургеневъ, не занимался серьезнымъ анализомъ женскихъ душъ, обуреваемыхъ любовью и относился во всему этому чуть ли не съ легкой ироніей, выставляя романическія увлеченія, по преимуществу, съ комической стороны.

Послѣднее произведеніе даровитаго художника, какъ я уже замѣтилъ, представляетъ очень интересную экскурсію именно въ ту область, которой Григоровичъ какъ бы избѣгалъ прежде. Уже изъ самаго заглавія этого произведенія видна основная его идея: «Не похорошу милъ,—по милу хорошъ». Прекрасный и глубокій эпиграфъ,

выбранный авторомъ, еще болѣе уясняетъ содержаніе повѣствовательныхъ этюдовъ, такъ удачно озаглавленныхъ авторомъ. Эпиграфъ этотъ гласитъ: «Любящимъ привѣтъ; неумѣющимъ любить—погибель; дважды погибель запрещающимъ любить». Мысль этой античной надписи въ одномъ изъ домовъ Помпеи проходитъ черезъ все произведеніе почтеннаго писателя, представившаго не болѣе не менѣе какъ нѣсколько художественныхъ иллюстрацій этой мысли. Нарисованы эти иллюстраціи съ тѣмъ изящнымъ мастерствомъ, съ тою простотою законченностью и обработанностью, которыя такъ свойственны школѣ писателей сороковыхъ годовъ и почти чужды школѣ новѣйшей беллетристики. Заканчивается произведеніе Григоровича страстнымъ диѳирамбомъ женщинѣ и любви. «Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о благородствѣ чувствъ и честности сердца»—говоритъ авторъ устами одного изъ лицъ своихъ разсказовъ—«тамъ женщина несравненно честнѣе, благороднѣе и великодушнѣе нашего брата! Мы жалуемся на женскую хитрость, забывая, что сами въ ней кругомъ виноваты: не мы ли поставили женщину въ такое положеніе, что хитрость сдѣлалась, можно сказать, единственной ея защитой; безъ нея ей оставалось бы окончательно быть приниженной рабой и пѣшкой»... Защитникъ женщинъ превозноситъ даже тѣхъ особъ, которыя «заставляютъ насъ страдать, да,—страдать, потому что, страдая, все-таки живешь страстной живой жизнью». Заключительный выводъ автора таковъ: «если есть на свѣтѣ какое-нибудь совершенство, оно выражается честной и доброй женщиной».

Безъ всякаго сомнѣнія тѣ люди, которые даже самую хорошую женщину считаютъ только за «милую нелѣпость», не согласятся съ приведеннымъ взглядомъ. Но я не стану возражать противъ этого лестнаго для дамъ взгляда и скажу только одно, что авторъ, обладающій такимъ розовымъ взглядомъ на прекрасную половину человѣческаго рода, естественно долженъ и на любовь смотрѣть съ необыкновенной благосклонностью. И дѣйствительно, Д. В. Григоровичъ прославляетъ чувство любви. «Любовь! это лучшій даръ, это высшее чувство человѣка! Обращено ли это чувство къ отечеству, къ общественной пользѣ, къ отдѣльной личности, оно далеко оставляетъ за собою все то, что обыкновенно служитъ двигателемъ въ нашей жизни. «Жизнь безъ любви горькій сонъ», говорятъ итальянцы. Я съ своей стороны прибавлю слѣдующее: всѣ наши цѣли, мудрствованія, такъ называемыя «дѣла», тщеславныя стремленія, карьеры и т. д. и т. д.—все это, если взять въ расчетъ не вѣчность, а только нашу коротенькую жизнь,—все это не стоитъ въ сущности того, чтобы колотиться, биться, огорчаться или радоваться, какъ мы это дѣлаемъ! На свѣтѣ есть одно настоящее дѣло, которымъ стоитъ серьезно заниматься, это любовь!... Для любви, для нея одной стоитъ рождаться на свѣтъ и прискорбно умирать потому только, что приходится разстаться съ нею, и нѣтъ болѣе надежды испытать ее снова».

Буренинъ.

В. ПОКРОВСКІЙ. Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ.

Педагоги въ сочиненіяхъ Григоровича.

Подобно Гоголю, Григоровичъ вывелъ «на всенародныя очи» не мало уродливыхъ, карикатурныхъ типовъ, пустыхъ и тщеславныхъ «характеровъ», выкапывая ихъ изъ глухихъ отдаленныхъ захолустій «Проселочныхъ дорогъ»; и, какъ въ фокусѣ зеркала, онъ сосредоточилъ въ Горшковскомъ уѣздѣ разныхъ Балахновыхъ, Бобоховыхъ, Окатовыхъ и другихъ будто бы «великихъ людей» своего времени, на самомъ же дѣлѣ людей, «коснѣющихъ въ невѣжествѣ и упорно удаляющихся отъ прямого, свѣтлаго пути, по которому стремилось общество». Аристархъ Ѳедоровичъ Балахновъ — это законченный и наиболѣе очерченный типъ помѣщика 40-хъ годовъ. Но что же онъ изъ себя представляетъ? Это пустой, ничтожный, но самолюбивый до мелочи и тщеславный человѣкъ. Онъ все время проводитъ въ борьбѣ и распряхъ съ сосѣдними помѣщиками. Его образованность ушла не дальше нѣсколькихъ стиховъ изъ Грибоѣдова и того сапога, который красуется на тумбѣ въ его кабинетѣ подъ именемъ сапога Карла XII. А между тѣмъ онъ мнитъ себя «великимъ человѣкомъ», единственно благороднымъ и образованнымъ и, выпячивая грудь, повторяетъ:

...жалкія, ничтожныя натуры!...
Вамъ чувствъ высокихъ не дано,
Отъ колыбели до могилы лишь
...пресмыкаться суждено!

Возьмемъ другого героя того же романа, Николая Степановича Окатова. Но о немъ авторъ прямо замѣчаетъ, что онъ «сдѣлался ученымъ, присутствуя при дѣтскихъ урокахъ». Онъ любилъ иной разъ прочесть во всеуслышанье басню Измайлова или страничку изъ «Энеиды» Котляревскаго, которую считалъ первымъ сочиненіемъ въ мірѣ. Съ такимъ же жалкимъ образованіемъ Фуфлыгинъ, Люлюковъ и другіе герои романовъ и повѣстей Григоровича. Само собой понятно, что и женщины не превосходили въ этомъ отношеніи своихъ мужей. Однѣ изъ нихъ, какъ описываетъ Григоровичъ, умѣли съ батистовымъ платкомъ въ рукѣ, полулежа на кушеткѣ въ гостиной, встрѣчать гостей, играть на фортепіано и хорошо подавать руку кавалеру во французской кадрили; другія, какъ г-жа Бѣлицкая («Переселенцы)», читали романы и, конечно, французскіе, напримѣръ Гондрекура и Ксавье-де-Монтепена, и страшно скучали въ деревнѣ; третьи предпочитали находить интересъ въ картахъ и страшно гадали на «трефовыхъ королей». Но заниматься хозяйствомъ, вести приходо-расходныя книги, какъ говоритъ авторъ, было тогда не въ модѣ; это дѣло поручалось экономкамъ.

Не въ модѣ, скажемъ мы, было тогда и заниматься воспитаніемъ дѣтей, и это дѣло также возлагалось на особыхъ лицъ, болѣе свѣдущихъ, гувернантокъ. Да и могли ли, въ самомъ дѣлѣ, сдѣ-

лать что-нибудь на этомъ поприщѣ такіе родители? Г-жѣ Окатовой было не до того, когда она была занята французскимъ романомъ, а разные Прошки и Сѣвки были у ней на побѣгушкахъ. Г-жа Фуфлыгина была занята модой, шляпками и тѣмъ интереснымъ молодымъ человѣкомъ Коко, который такъ смѣло постукивалъ въ ея присутствіи каблуками, и ей было некогда смотрѣть за развитіемъ своихъ Прошки и Лёши. Да если бы всѣ онѣ и пожелали вдругъ взяться за воспитаніе дѣтей, то онѣ также бы растерялись отъ полнаго незнанія этого дѣла, отъ своей неподготовленности къ нему и, наконецъ, отъ сознанія ограниченности своихъ знаній, какъ растерялась та самая дама «съ чувствительнымъ лицомъ», которая вздумала ни съ того ни съ сего купить своимъ Сашенькѣ и Петенькѣ книжку для легкаго чтенія на Ильинкѣ. Въ результатѣ у нихъ непремѣнно получилась бы глупость, въ родѣ «Библіотеки дѣтскихъ анекдотовъ», которую ловкій книгопродавецъ ввернулъ чувствительной дамѣ, несмотря на все ихъ желаніе сдѣлать что-нибудь хорошее и полезное.

Аристархъ Ѳедоровичъ Балахновъ въ отношеніи дѣтей велъ себя такъ: уѣзжая, напр., изъ дома, онъ наказывалъ своему Володѣ: «безъ меня не шали, учись хорошенько»; и этимъ мудрымъ наставленіемъ «учиться» и «не шалить» исчерпывались всѣ его родительскія заботы о воспитаніи сына. Въ этомъ отношеніи онъ не выше стоялъ того стараго рыбака Глѣба (въ произведеніи «Рыбаки»), который также, уходя изъ дома, всегда наказывалъ пріемышу: «мотри, у меня не баловаться, а то надеру вихры!» Балахновъ самъ не занимался съ своимъ сыномъ и не зналъ, что онъ дѣлаетъ по цѣлымъ днямъ: читаетъ ли что, какъ читаетъ и что̀ читаетъ, или забавляется пустыми выдумками глупаго и пошлаго приживальщика Прокисая Захаровича: вырѣзываетъ съ нимъ пѣтушковъ изъ «Губернскихъ Вѣдомостей», посвистываетъ на его самодѣльной дудочкѣ, или, наконецъ, разузнаетъ тайны романа Прокисая Захаровича и экономки Фіоны Ивановны, въ которыя они его посвящаютъ. До всего этого Балахнову нѣтъ дѣла даже и въ то длинное и скучное время, когда онъ бываетъ дома и размышляетъ о своемъ величіи. Онъ едва ли ясно сознавалъ, для чего надо учиться Володѣ, и если давалъ такое наставленье при разставаньѣ съ нимъ, то говорилъ его потому, что нужно же было сказать что-нибудь сыну на прощанье, а это все лучшее, что̀ только онъ въ эту минуту могъ придумать, да и такъ говорятъ другіе, и это принято и прилично. Ну, не обругать же, въ самомъ дѣлѣ, ему своего Володю, не закричать же на него ни за что ни про что, какъ это часто дѣлалъ «великій мужъ» Горшковскаго уѣзда! Володя былъ иногда для него пріятной вещью, которой онъ могъ не только удовлетвориться, но и похвалиться, что и случалось нерѣдко съ тщеславнымъ родителемъ. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, онъ требовалъ, чтобы мальчикъ плясалъ русскую въ день его рожденья, какъ не для того, чтобы удовлетворить своему чувству сытаго довольства, похвалиться чѣмъ-то предъ

гостями? Но чѣмъ здѣсь было хвалиться, восхищаться, когда бѣдный Володя, и всякій другой бы мальчикъ на его мѣстѣ, который еще не совершенный дуракъ, чувствовалъ стыдъ и душевную муку отъ сознанія, что его отецъ заставляетъ его продѣлывать глупую вещь, кривляться и ломаться въ присутствіи многочисленныхъ подгулявшихъ гостей, къ которымъ онъ не чувствуетъ никакого расположенія. Право, у Володи было гораздо больше ума, когда онъ отказывался матери исполнить это требованіе отца, чѣмъ у Аристарха Ѳедоровича. Но, къ сожалѣнію, этотъ обычай заставлять плясать дѣтей въ торжественныхъ случаяхъ былъ распространенъ между помѣщиками и очень долго держался. Умѣнье танцовать всякія кадрили, польки, вальсы, плясать русскую считалось въ этомъ сословіи долгое время признакомъ воспитанности. И Аристархъ Ѳедоровичъ въ этомъ случаѣ не отсталъ отъ своего времени. Какъ любилъ онъ похвалиться и блеснуть всею своей внѣшней обстановкой: этрусскими вазами, чучелами колибри, сапогомъ Карла XII, искусственными лебедями на пруду и т. д., такъ точно не могъ онъ органически пересилить себя въ томъ, чтобы не похвалиться воспитанностью своего сына, который такъ мастерски «вытанцовываетъ». До Володи ему не было дѣла, онъ не заглядывалъ въ его внутренній міръ, не слѣдилъ за движеніемъ его мыслей и сердца.

Воспитаніе въ домѣ Окатовыхъ отличалось также внѣшностью: держимостью дѣтей, манерами. Николай Степановичъ прежде всего цѣнилъ чистые, накрахмаленные воротнички своихъ дѣтей и отдавалъ въ этомъ отношеніи полную дань справедливаго уваженія умѣнью и заботливости гувернантки-француженки Буске, съ которою такъ любилъ бесѣдовать по этому предмету: J'aime ça madame; ce noble, ce noble; j'aime ça... говорилъ онъ, указывая на бѣлые воротнички и щегольскую одежду дѣтей. Такая внѣшность не могла не льстить самолюбію столь же тщеславнаго и «великаго» мужа, какъ и его соперникъ Балахновъ. Но это еще только начало: за этимъ читатель тотчасъ же видитъ въ домѣ Окатова массу постоянныхъ, безпрерывныхъ реверансовъ, книксеновъ, подшаркиваній ножкой и слышитъ изъ устъ русскихъ дѣтей французскую рѣчь. Эти книксены, воротнички составляли весь кодексъ педагогической мудрости воспитательницъ изъ иностранокъ, попеченію которыхъ ввѣряли своихъ дѣтей люди богатые. Съ нихъ начиналось, ими и оканчивалось все тогдашнее образованіе такъ называемаго «образованнаго» класса. Что это такъ, что именно здѣсь ничего большаго и лучшаго не было, въ этомъ не трудно убѣдиться изъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей, начиная съ Пушкина и Гоголя. Григоровичъ такъ же въ высшей степени вѣрно воспроизвелъ современное ему состояніе образованности среди представителей Горникевскаго уѣзда. Его типы француженокъ-гувернантокъ и общая картина обученія подъ ихъ руководствомъ не только дѣтей, но и отцовъ, по своей живости и реальной правдѣ настолько превосходны, что

мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи напомнить о нихъ читателю:

«Бьетъ 10 часовъ. Посреди залы стоитъ круглый складной столъ, покрытый черной клеенкой; на столѣ разбросаны книги, прописи, тетради. Во главѣ сидитъ мадамъ Буске, крошечная старушка, съ необыкновенно добродушнымъ лицомъ, покрытымъ безчисленнымъ множествомъ тоненькихъ морщинокъ и украшеннымъ очками въ черепаховой оправѣ. На ней темный коричневый капотъ и необъятной величины чепецъ съ свѣтложелтыми бантами. По обѣимъ сторонамъ ея сидятъ дѣвочки лѣтъ семи и восьми, обѣ одѣтыя чрезвычайно чисто и даже щеголевато; онѣ пригнулись съ высокихъ стульевъ на столъ и прилежно выводятъ тоненькими ручками какія-то каракули, изрѣдка отбивая ладонью длинные каштановые локоны, которые, то и дѣло, падаютъ имъ на глаза. Немного поодаль сидитъ девятилѣтній мальчикъ въ темнозеленой курткѣ и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, воротничкахъ. Онъ положилъ одну ногу на стулъ, локтемъ уперся въ книжку и разсѣянно смотритъ въ потолокъ, наблюдая движенье мухъ. «Dites donc le bonjour à papa!» говоритъ мадамъ Буске, дѣлая книксенъ. Дѣвочки цѣлуютъ ручку отца, садятся на свои высокіе стулья и принимаются усердно выводить свои каракули. Мальчикъ бросается на шею папашѣ, возвращается на свое мѣсто и продолжаетъ слѣдить за мухами. Николай Степановичъ выпиваетъ стаканъ воды со льдомъ, подходитъ къ столу и, устремивъ тревожно безпокойный взглядъ на мадамъ Буске, спрашиваетъ густымъ отрывистымъ басомъ: «Dites moi, madame, est-ce-que Socrate été français?» Мадамъ Буске поднимаетъ голову и отвѣчаетъ учтиво: «Non, monsieur, c'etait un Grec». И онъ очень доволенъ своимъ ученымъ изслѣдованіемъ; мысленный взоръ его видитъ теперь очень ясно. Бьетъ 12 часовъ. Николай Степановичъ самодовольно закидываетъ назадъ голову и направляется уже въ комнату господина Буске, чтобы сообщить ему плодъ своихъ историческихъ изысканій; какъ вдругъ дверь въ залу отворяется, и на порогѣ показывается жена Софья Алексѣевна. «Dites donc le bonjour à maman», говоритъ мадамъ Буске, дѣлая книксенъ. Софья Алексѣевна протягиваетъ руку двумъ дѣвочкамъ, нѣжно прижимаетъ къ своему материнскому сердцу сына, киваетъ головой гувернанткѣ, потомъ величаво плыветъ, какъ фрегатъ на парусахъ, въ боковую гостиную и садится на диванъ».

Въ романѣ «Переселенцы» встрѣчается гувернантка mademoiselle Louise, бордоская урожденка, которая, при встрѣчѣ съ крестьянами, кивала имъ головою и произносила съ необыкновенной быстротой: здрасти, здрасти, батушка! И называла Герасима Карасинъ, говоря при этомъ: «Tiens, quel drôle de nom: Karassin! Karassin!» Она жила въ семействѣ помѣщика Бѣлицына и ходила за его бѣлокурой дѣвочкой Мери, которую одѣвала всегда съ необыкновеннымъ вкусомъ. Мери читала Sandfort et Merton — c'est de Berquin l'ami des enfants! какъ поясняла Louise, всегда затянутая въ струнку, и училась

держаться прямѣе, не поднимать плечъ, какъ и всѣ остальныя сверстницы ея, подъ неусыпнымъ надзоромъ такихъ же, подобныхъ Луизѣ, француженокъ.

Воспитаніе, обращавшее все вниманіе на одну внѣшность дѣтей, на ихъ свѣтскія манеры и держимость, было воспитаніемъ крайне механическимъ, однообразнымъ. Оно какъ-то обезличивало воспитываемыхъ и низводило ихъ въ разрядъ вещей, бездушныхъ предметовъ, не имѣющихъ своей воли, своего ума, своихъ желаній. Даже взрослыя дѣти, повидимому бы имѣвшія право на свою свободу, на извѣстную степень самостоятельности въ своихъ поступкахъ и мысляхъ, и тѣ должны были подчиняться той же системѣ, тому же принципу, который всегда до мелочей опредѣлялъ поведеніе и даже внутреннюю настроенность молодого человѣка. «Инна, держись прямѣе!... Ринна, куда глядишь?.. Пинна, смотри налѣво!.. и т. д. (см. «Капельмейстеръ Сусликовъ». Стр. 92). И Ринна съ Пинной должны были смотрѣть туда, куда указывала имъ заботливая маменька. И не только «смотрѣть», но и думать, и поступать, куда велѣли «другіе», а не туда, куда бы онѣ «сами» хотѣли смотрѣть и какъ бы онѣ «сами» хотѣли думать и дѣйствовать—это былъ деспотизмъ воспитательный, своего рода крѣпостная Россія, гдѣ господствовалъ тотъ же принципъ подчиненности, кабалы и право сильнаго, что и въ отношеніи народа. Конечно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о присутствіи въ головахъ воспитателей истинныхъ педагогическихъ понятій, когда не было даже вообще сколько-нибудь здравыхъ человѣческихъ понятій. Все держалось на пресловутомъ и какомъ-то своеобразномъ словѣ «приличіе», подъ которое подводилась и французская благовоспитанность и рабская покорность. Но самое коренное зло этой подавляющей системы состояло въ томъ, что она, убивая въ человѣкѣ съ самаго начала попытку къ самостоятельному дѣйствованію, къ проявленію своей собственной воли и къ осуществленію своего собственнаго желанія, дѣлала изъ него въ скоромъ времени совершенно неспособнаго къ какой бы то ни было иниціативѣ, къ какому бы то ни было труду. Парень въ двадцать лѣтъ продолжалъ шаркать ножкой и жилъ у отца дармоѣдомъ, потому что все еще считался въ числѣ «малолѣтковъ». Старый, суровый Глѣбъ засадилъ бы его давно за сѣти, и онъ скоро бы узналъ, что такое трудовая, но свободная и славная жизнь рыбака. Въ семьѣ же обезпеченнаго родителя онъ выросталъ совершенно безполезнымъ и для себя и для другихъ баричемъ, которому служили разные Прошки и Сѣнки. Хорошо, впрочемъ, гдѣ было достаточное количество этихъ Прошекъ и Сѣнокъ,—тамъ еще можно было «барствовать». А то случалось такъ, напримѣръ: Иванъ Панкратьевичъ совсѣмъ—бѣдный человѣкъ, обремененъ многочисленнымъ семействомъ, а все тянется за Аристархомъ Ѳедоровичемъ, не хочетъ уступить ему во «французскомъ благородствѣ»; Аристархъ же Ѳедоровичъ тянется за Николаемъ Степановичемъ, не хочетъ ему уступить ни въ чемъ. Отсюда

и выходило то, что какой-нибудь Ѳедя у Ивана Панкратьевича, несмотря на свои 20 лѣтъ, оставался безъ дѣла и «шаркалъ ножкой», обутой чуть не въ дегтярный сапожище; и то, что у французовъ было, можетъ-быть, дѣйствительно, изящно, естественно, у насъ выходило какъ-то грубо, карикатурно, нелѣпо, — получалась, именно, смѣсь «французскаго» съ «нижегородскимъ». Французская образованность шла къ намъ какъ къ коровѣ сѣдло.

Напротивъ, какою простотой, разумностью отличается мирная, трудовая жизнь пахаря, описаннаго Григоровичемъ! Дѣти его пользуются свободой: бѣгаютъ въ полѣ, въ лѣсу; карабкаются по берегамъ рѣкъ и озеръ, живутъ въ тѣсномъ и благотворномъ общеніи съ природой, развиваются физически и духовно: наблюдательность, смѣтливость ума и неустрашимость — вотъ тѣ качества духа, которыя они пріобрѣтаютъ съ дѣтства вмѣстѣ съ крѣпостью и здоровьемъ. Затѣмъ, они по-немногу начинаютъ помогать крестьянину въ его домашнихъ, хозяйственныхъ работахъ: Антонъ нарубилъ дровъ въ лѣсу, а Ванюша ведетъ лошадку съ возомъ домой и т. п. Мало-по-малу изъ того же самаго Ванюши, который карабкался по деревьямъ, вырастаетъ хорошій работникъ, знающій, когда и какъ сдѣлать лучше всякое крестьянское дѣло. Пахарь «Анисимычъ» сроднился съ землею, привыкъ къ ней еще съ дѣтства, потому что такихъ «Анисимычей» матери еще въ колыбели берутъ съ собою на работы. Кто не умилится предъ этимъ кроткимъ, спокойныхъ и въ то же время величественнымъ образомъ «Анисимыча», умирающаго съ сознаніемъ исполненнаго долга?! Но сравните дѣтство и воспитаніе такихъ Анисимычей съ дѣтствомъ и воспитаніемъ какихъ-нибудь Пашей и Лешей: какая масса противоположностей откроется въ этомъ сравненіи! Не будемъ утомлять читателя тѣмъ, что ему извѣстно самому объ этомъ предметѣ изъ жизни и литературы; обратимъ его вниманіе на типъ «русской гувернантки», составляющей діаметральную противоположность француженкамъ.

Какъ сама, по своему внѣшнему виду, такъ и по своимъ взглядамъ на воспитаніе Ольга Ивановна, представленная въ произведеніи «Два генерала», не походитъ на своихъ предшественницъ. Это — совершеннѣйшій для нихъ контрастъ, доведенный авторомъ до смѣшного, — явившійся откуда-то вдругъ, неожиданно, обратившій своею крайностью въ недостатки все то, что должно было служить достоинствомъ. Ольга Ивановна молодая «ученая» дѣвушка — брюнетка, съ волосами коротко остриженными и завитыми въ «крутую». Авторъ называетъ ее, за внѣшнюю безпорядочность костюма, «барышней растрепа» или «барышней съ растрепанными чувствами» и описываетъ такимъ образомъ: «Кринолинъ ея, качавшійся какъ колоколъ, странно выпучивался какъ-то на одинъ бокъ; рубашка изъ краснаго кумача, обшитая бѣлыми шнурками, была весьма сомнительной свѣжести; колечки на рукахъ обращали вниманіе на ея пальцы съ объѣденными ногтями. Въ ея походкѣ, взглядѣ, было что-то невыразимо

самоувѣренное, заносчивое, смѣлое и рѣшительное». Конечно, все это: коротко остриженные волосы, краснаго цвѣта рубашка и притомъ сомнительной свѣжести, пальцы съ объѣденными ногтями и т. д. могло производить невыгодное впечатлѣніе на тогдашнихъ помѣщиковъ, привыкшихъ къ француженкамъ, носившимъ высокую прическу, затянутымъ весьма въ струнку и весьма почтительнымъ и учтивымъ до приторности, но намъ въ настоящее время это нисколько не рѣжетъ глаза, такъ какъ мы знаемъ теперь всѣ хорошо, изъ какого бѣднаго сословія происходили всѣ эти піонерки просвѣщенія среди захолустнаго помѣщичьяго населенія и народа, какихъ трудовъ и усилій стоило имъ то, чтобы добиться возможности честно зарабатывать свой кусокъ хлѣба. Заниматься волосами, ногтями и смѣнять по нѣскольку сорочекъ въ день могутъ только люди праздные и самостоятельные, у которыхъ, какъ мы сказали, всякое дѣло исполняютъ Прошки и Сѣвки. Не въ томъ, конечно, вся сила; главное дѣло въ томъ, что ея взгляды расходились съ понятіями той среды, въ которой этой первой Ольгѣ Ивановнѣ пришлось поработать. Она встала сразу на сторону «воспитанника», встала за его личность и право на свободу мыслей и чувствъ, она высказалась за его индивидуальное развитіе и самостоятельность. А это пришлось не по вкусу установившейся рутинѣ и захолустному невѣжеству. Правда, Ольга Ивановна, можетъ быть, и вдалась въ крайности, увлеклась въ своихъ дѣйствіяхъ до степени смѣшного, но несомнѣнно, что ее воодушевляли благородныя цѣли и понятія, до которыхъ было далеко тогдашнимъ Люлюковымъ. Разстаться съ установившимися привычками и взглядами бываетъ тяжело и не такимъ господамъ, какъ эти Люлюковы. Неудивительно, что новую воспитательницу на первыхъ же порахъ встрѣтили непріязненныя отношенія.

Какъ бы то ни было Григоровичъ подмѣтилъ слабыя стороны этого новаго типа русскихъ гувернантокъ и сгруппировалъ ихъ въ личности Ольги Ивановны. Весь недостатокъ ея состоитъ въ томъ, что она слишкомъ рѣзко оборвала связь со своей предшествующей системой воспитанія, не приноровилась къ условіямъ, въ которыхъ должна была осуществлять свои принципы и слишкомъ круто повернула въ другую сторону. Авторъ, какъ будто подтрунивается надъ отрицательными сторонами своего новаго типа, но добродушно, съ полнымъ сочувствіемъ къ нему. Онъ сочувствуетъ его прекрасному идеальному стремленію служить великому дѣлу просвѣщенія родной земли, которое совершалось на его глазахъ и которому онъ самъ помогалъ своимъ замѣчательнымъ художественнымъ талантомъ. Послѣ того, какъ совершилось знаменательное въ исторіи событіе 19 февраля 1861 года, постепенно стали выполняться пророческія слова поэта:

Воля, братцы, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день...

Темное царство нашего крестьянства и отдаленные уголки нашихъ захолустныхъ «Проселочныхъ дорогъ» озарились лучами этого вѣковѣчнаго дня. Народные учителя, учительницы, гувернантки—люди молодые, образованные, пошли въ деревни къ мужику и барину, оставивъ всѣ матеріальныя блага міра, отрекшись отъ себя, неся съ собою всюду лучи свѣта, добра и правды. Темное царство поколебалось, старыя начала воспитанія уступили мѣсто новымъ лучшимъ началамъ и отошли въ область исторіи. *W.*

Природа въ произведеніяхъ Григоровича.

Самый сюжетъ романа «Рыбаки» очень не сложенъ; но сколько здѣсь прекрасныхъ картинъ природы! Всѣ четыре времени года, поскольку они отражаются въ явленіяхъ природы, находятъ здѣсь свое изображеніе; мы встрѣчаемъ въ романѣ описаніе весны, лѣта, осени и зимы. Предъ нами проходятъ картины: наступленія весны и весенней оттепели («Рыбаки», гл. I): весенняго водополья (гл. XII и XIII): картина весенняго дня вообще (XVII гл.), картина весенняго дня на рѣкѣ (XIV гл.), картина лѣтняго вечера (гл. IX), ненастнаго дня къ концу осени (гл. VII), картина наступленія зимы (VIII гл.) и т. д. и т. д. Масса такихъ художественныхъ описаній и въ другомъ большомъ ромонѣ Григоровича: «Переселенцы». Здѣсь мы встрѣчаемъ блестящія описанія: грозы (ч. III, гл. IV), жаркаго лѣтняго полдня (ч. III, гл. II), лѣтняго утра (ч. III, гл. VII), яснаго осенняго вечера (ч. V, гл. III), звѣздной осенней ночи (ч. V, гл. VI) и др. Мелкіе разсказы Григоровича также переполнены описаніями пророды высокой художественной силы. Можно сказать, что природа средней полосы Россіи въ произведеніяхъ Григоровича изображена въ высшей степени художественно. Въ этомъ изображеніи чувствуется любящая природу душа, способная понимать и цѣнить ея красоты. Замѣчательно, что въ изображеніи природы Григоровичъ не истощимъ, и его описанія и картины отличаются большимъ разнообразіемъ, особенно, если мы примемъ во вниманіе, что районъ наблюденій автора очень не широкъ. Авторъ какъ бы открываетъ все новыя и новыя красоты въ природѣ.

Особенное пристрастіе къ изображенію картинъ природы и умѣнье изобразить любую изъ нихъ, представить ее со всѣми деталями, не упустить изъ вниманія ни одной черты и всему дать надлежащій тонъ и мѣсто, несомнѣнно находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Григоровичъ былъ художникомъ по своему образованію и наклонностямъ. Его описанія и представляютъ изъ себя дѣйствительныя картины природы, которыя ничего не стоитъ художнику перенести цѣликомъ на полотно. Вотъ примѣръ подобнаго рода описаній изъ его первой повѣсти: «Деревня», посвященной изображенію народнаго быта.

«Передъ нею (передъ дѣвочкой Акулей) широко стлался зеленый лугъ; медленно и плавно расхаживали по немъ бѣлые, какъ снѣгъ, гуси; селезни и пестрыя утки, подвернувъ голову подъ сизое крылышко, лежали тамъ и сямъ неподвижными группами. Далѣе сверкала рѣка со своими обрывистыми берегами, обросшими лопухомъ и кустарниками, изъ которыхъ мѣстами выбивались длинные сухіе стебли дикаго щавеля и торчали фіолетовыя верхушки колючаго репейника. За рѣкою виднѣлось черное, взбороненное поле; далѣе, вправо, мѣстность подымалась горою. По главнымъ ея отлогостямъ, изрѣзаннымъ промоинами и проточинами, разрастался постепенно все выше сосновый лѣсокъ; мѣстами рыжее высохшее дерево, вырванное съ корнемъ весеннею водою, перекидывалось висячимъ мостомъ. Влѣво тянулось пространное болото, камышъ, кочки, и черные кустарники покрывали его на всемъ протяженіи» и т. д.[1]).

По этому образцу можно судить вообще о манерѣ Григоровича въ изображеніи картинъ природы, хорошихъ и слабыхъ сторонахъ его художественныхъ описаній. Предъ читателемъ развертывается ландшафтъ, обрисованный со всею добросовѣстностью внимательнаго наблюдателя. Это въ полномъ смыслѣ картина съ натуры, даже, вѣрнѣе сказать, фотографія: такъ и чувствуется, что авторъ скопировалъ эту картину съ натуры, во всей ея неприкосновенности. Автора за нарисованной картиной читателю не видно; это описаніе въ высшей степени объективное. Объективность—характерная черта отношенія автора къ изображаемой природѣ. Въ результатѣ такого отношенія являются блестящія картины природы, но, такъ сказать, — не преломленныя въ субъективномъ, внутреннемъ *я* писателя и потому не дающія читателю настроенія: такія описанія могутъ удивлять своей правдою, соотвѣтствіемъ дѣйствительности, но мало задѣваютъ чувство читателя. Подобное изображеніе картинъ природы приближается къ перечисленію деталей къ тщательному перечню отдѣльныхъ явленій и подробностей. Отъ нихъ отзываетъ холодомъ потому что за ними не чувствуется страдающей или наслаждающейся жизнію человѣческой личности, которая переноситъ на природу свои настроенія, надѣляетъ ее человѣческими свойствами и, одухотворивши ее, дѣлаетъ участницей своей собственной жизни. Такія объективныя описанія природы, какія мы видимъ у Григоровича, производятъ большее впечатлѣніе, взятыя отдѣльно, помѣщенныя въ хрестоматіяхъ; но въ цѣльномъ произведеніи они стоятъ особнякомъ, они органически не связаны съ ходомъ дѣйствія, съ развертывающейся въ произведеніи человѣческою жизнью и потому, несмотря на всю ихъ художественность, могутъ служить помѣхой читателю, слѣдящему за развитіемъ дѣйствія въ романѣ; они затягиваютъ это развитіе, не находя ни въ чемъ достаточнаго оправданія себѣ, кромѣ склонности автора къ ихъ изображенію. Таково большинство описаній картинъ природы автора.

[1]) Т. 1, 93—94 стран.

Но встрѣчаются у него страницы, гдѣ онъ какъ бы оставляетъ свою обычную манеру и одушевляетъ нарисованныя картины образами, взятыми изъ человѣческой жизни, сближаетъ жизнь природы съ жизнью человѣка и заставляетъ природу сочувствовать послѣднему. Получаются сильныя изображенія природы, уже тѣсно связанныя съ развивающеюся предъ читателемъ человѣческою жизнію и вмѣстѣ создающія настроеніе въ читателѣ.

Такова, напримѣръ, картина поздней осени и наступленія зимы въ VIII гл. романа: «Рыбаки». «Уныло воетъ вѣтеръ въ дождливую, холодную осень. Прислушайтесь: слышите, съ какимъ суетливымъ безпокойствомъ шаритъ онъ вокругъ каждаго кусточка и стебля, какъ будто отыскивая тамъ что-то забытое или утраченное. Онъ заглядываетъ въ каждое дупло, въ каждую скважину; подымаетъ каждый поблекшій листокъ, каждую травку и, какъ путникъ, вернувшійся на родину, который, вмѣсто уютнаго крова, находитъ всюду одну глухую пустыню, мчится далѣе къ темному лѣсу, неся на плечахъ своихъ гряды сизыхъ тучъ — нажитое богатство! Но помертвѣлый лѣсъ, окутанный туманнымъ своимъ саваномъ, не встрѣчаетъ уже его ласковою рѣчью, не киваетъ ему привѣтливо курчавой головою. Отчаянный ревъ вѣтра смѣняется тогда тоскливымъ плачемъ и ропотомъ. Сѣрыя тучи нависли и нахмурились. Поля, лощины и лѣса окропились прощальною слезою. И вотъ снова, какъ бы негодуя на свою слабость, вѣтеръ однимъ махомъ подобралъ сизыя тучи, бросился къ опушкѣ и, взметнувшись вихремъ, помчался далѣе, увлекая на пути мокрые желтыя листья. Этотъ унылый вой, неотвязчиво надрывающій сердце; ненастье и слякоть, его сопровождающія, прискучили даже поселянину, привыкшему ко всякимъ невзгодамъ. Но вотъ пришла, наконецъ, и «зимняя Матрена», поднялась зима на ноги; прилетѣли морозы съ «желѣзныхъ горъ». Рѣка стала. Рѣзко звучали колеса на колкой, мерзлой дорогѣ; захрустѣли въ колесахъ ледяныя иглы, весело блеснули на солнцѣ длинныя ледяныя сосульки, облѣпившія бахромою окна и кровли избушекъ. Выпалъ первый снѣгъ. Шумною толпой выбѣгаютъ ребятишки на побѣлѣвшую улицу; въ волоковыя окна выглядываютъ сморщенныя лица бабушекъ; крестясь или радостно похлопывая рукавицами, показываются изъ-за скрипучихъ воротъ отцы и старые дѣды, такіе же почти бѣлые, какъ самый снѣгъ, который продолжаетъ валить пушистыми хлопьями. Наступила пора всеобщаго отдыха. Работы рѣшены: ужъ обмолотились. Съ трудомъ вызовешь теперь мужичка изъ теплой избы, окутанной соломой, припертой жердями и полузанесенной снѣгомъ. Развѣ приведется съѣздить въ сосѣдній лѣсъ за валежникомъ, или нужда велитъ итти съ обозомъ. И снова спѣшитъ онъ въ теплую избу свою. Ходко летятъ его пустыя санишки по буграмъ и раскатамъ, нетерпѣливо взглядываетъ онъ изъ-подъ рогожи въ снѣжную даль... «Прочь съ дороги!» Тамъ, сквозь сумерки, уже мелькаетъ огонекъ, привѣтливо подымается витая струя дыма надъ трубнымъ

горшочкомъ. Чаще и чаще онъ покрикиваетъ на клячу; но кляча сама уже почуяла стойло и во всю скачь помчалась съ косогора.

Сладко вѣдь отдохнуть и порасправить кости послѣ тяжкаго страднаго лѣта и многозаботной осени»[1]).

Такого же характера изображеніе природы въ началѣ XVII главы романа «Рыбаки»... «Тусклый, сѣренькій день. Сводъ неба какъ будто опустился, прилегъ въ раздумьи надъ молчаливой землею. Если бъ не теплота воздуха, не запахъ молодой, только что распустившейся зелени, можно бы было подумать, что весна неожиданно смѣнилась осенью. Въ началѣ весны часто встрѣчаются такіе дни. Они похожи на задумчивое прекрасное лицо молодой дѣвушки. Вся природа вдругъ стихнетъ — стихнетъ, какъ рѣзвый ребенокъ, выпущенный на волю, который, не надѣясь на свои силы и не въ мѣру отдавшись шумному крикливому веселью, падаетъ вдругъ, утомленный, на траву и сладко засыпаетъ... Въ такіе дни вы звука не услышите. Все живущее какъ будто сдерживаетъ дыханіе, приготовляется къ чему-то, снова собирается съ силами къ шумному празднеству лѣта. Стада безмолствуютъ, какъ бы опьяненныя крѣпкимъ куреніемъ распускающихся растеній, которыя, за недостаткомъ солнечныхъ лучей, стелются надъ землею: животныя припали къ злачной травѣ, опустили головы или лѣниво бродятъ по окрестности. Птицы сонливо дремлютъ на вѣткахъ, проникнутыхъ свѣжимъ, молодымъ сокомъ; насѣкомыя притаились подъ древесною корою или забились въ тѣсные пласты моху, похожіе, въ безконечно-уменьшенномъ видѣ, на непроходимые сосновые лѣса; муха не прожужжитъ въ воздухѣ; самъ воздухъ боится, кажется, нарушить торжественную тишину и не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ, не подымаетъ даже легкаго пуха, оставленнаго на лугахъ молодыми, только что вылупившимися гусенятами» и т. д.[2]). Къ сожалѣнію, подобныя описанія природы у Григоровича очень рѣдки; общій же колоритъ его описаній холодно-безстрастный, пунктуально-объективный. Несмотря на это, описанія природы въ его произведеніяхъ, по справедливости, признаются классическими въ нашей литературѣ: наблюдательность автора и чутье истаго художника выручаютъ ихъ недостатокъ. *Щукинъ.*

Григоровичъ и Тургеневъ.

И Тургеневъ и Григоровичъ изображаютъ крестьянскую, и, отчасти, помѣщичью жизнь; и у того и другого цѣлая вереница разнообразныхъ типовъ, множество описаній русской природы, деревенскихъ пейзажей, избъ и т. д.; у того и другого самое теплое отношеніе къ народу, его скорбямъ и печалямъ, ѣдкая насмѣшка и осужденіе

[1]) Т. V, стран. 166—167.
[2]) Т. V, стран. 258—259.

тѣхъ, кто заставлялъ народъ страдать; у обоихъ, наконецъ, есть извѣстная художественная мѣра въ изображеніи грязи, почему ими обоими никогда не оскорбляется нравственное чувство читателя. Но на этомъ и кончается сходство. Тургеневъ въ *Запискахъ охотника* ограничивается маленькими очерками типа, и обыкновенно изображаетъ его только въ извѣстный моментъ своей съ нимъ встрѣчи; изъ прежней жизни лица приводится иногда нѣсколько рѣзкихъ чертъ, — и только. Пошелъ охотникъ далѣе — и вотъ уже встрѣтилось новое лицо, другое, третье: снова чудный, полный глубокаго смысла, эскизъ, надъ которымъ читатель взрослый, образованный, задумается и удовлетворится вполнѣ; но юноша и простолюдинъ могутъ, хотя и поразиться имъ, но также скоро и забыть его за другими яркими изображеніями совершенно иныхъ типовъ. Мало того, *Записки охотника* — вещи слишкомъ глубокія, тонкія, слишкомъ серіозныя, именно въ самой своей простотѣ, не очень-то легко поддающіяся уразумѣнію и полной оцѣнкѣ ума, не привыкшаго къ анализу. Онѣ требуютъ опытнаго руководителя, который сумѣлъ бы разъяснить ихъ, обратить вниманіе дѣтей, и особенно народа, привыкшаго къ нелѣпымъ сказкамъ, къ кудрявому вымыслу, на ту или другую, неподдавшуюся анализу, черту, объяснить смыслъ изображаемаго явленія, почему въ самостоятельномъ чтеніи, особенно въ первый разъ, для неопытнаго читателя Тургеневъ — писатель очень не легкій. Самая сжатость его разсказовъ, дѣлающая ихъ такими художественными, требуетъ извѣстной зрѣлости мысли. Григоровичъ, напротивъ, никогда не ограничивается очерками. Взявъ извѣстное лицо, или семейство, онъ подробно, даже иногда слишкомъ подробно, разсказываетъ цѣлую его исторію, начиная съ дѣтства, съ образованія семейства, до самой смерти лица, до разложенія семьи (*Рыбаки, Переселенцы, Пахарь*). Въ этомъ случаѣ онъ напоминаетъ обстоятельностью своихъ описаній Диккенса, котораго напоминаетъ также драматичностью разсказовъ, любовью къ яркимъ, потрясающимъ, эффектамъ (напр. послѣднія сцены въ *Антонѣ-Горемыкѣ*, кража быка, ночь на Окѣ, въ *Рыбакахъ;* покража нищими мальчика въ *Переселенцахъ* и мн. др.), а также великолѣпными изображеніями дѣтскихъ характеровъ и обиліемъ трогательныхъ семейныхъ сценъ. Подобно Диккенсу же, Григоровичъ мастеръ заинтересовать читателя интригою разсказа, который онъ ведетъ мастерски, несмотря на всю его сложность и разнообразіе лицъ и событій, такъ что невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя. И это-то мастерство, разнообразіе и драматичность разсказа, нерѣдко потрясающая до глубины души (напр. прощаніе переселенцевъ съ родиной, смерть Глѣба и прощаніе съ Ваней въ *Рыбакахъ*, пропажа *Антоновой* лошади, смерть *Бобыля*), это-то подробное изложеніе повѣсти, какъ отдѣльнаго случая изъ жизни, или цѣлыя художественныя біографіи лицъ и семей въ соединеніи съ большей, такъ сказать, доступностью изложенія для массъ, чѣмъ у строгаго, скупого на

подробности, великаго портретиста Тургенева, дѣлаетъ Григоровича особенно цѣннымъ именно въ смыслѣ воспитательно-образовательнаго значенія для дѣтей и народа. Но эта же любовь къ подробностямъ, къ обстоятельности разсказа, не говоря уже о множествѣ иногда довольно блѣдныхъ описаній природы и мѣстностей (въ *Смедовской долинѣ*, напримѣръ, изъ шестнадцати страницъ приходится на разсказъ едва только семь; въ *Пахарѣ* на одни описанія и лирику до четырнадцати страницъ), приводитъ автора къ растянутости и даже совершенно лишнимъ разговорамъ и сценамъ. (Напр. въ *Рыбакахъ:* цѣлая глава XI *Прохожіе* или въ XV и XIX черезчуръ подробные разговоры стариковъ, многія подробности въ *Переселенцахъ* и др.). Это необходимо имѣть въ виду воспитателю и чтецу для народа: очень многое у Григоровича слѣдуетъ просто опускать, связывая читаемое краткой устной передачей опущеннаго, насколько это нужно для пониманія хода дѣла. Григоровичъ и разнообразнѣе, почему, пожалуй, и полезнѣе, въ смыслѣ знакомства съ большимъ количествомъ жизненныхъ фактовъ, чѣмъ Тургеневъ. Послѣдній — спеціалистъ собственно крѣпостного права съ точки зрѣнія его гибельнаго вліянія и на крестьянъ и на господъ, почему и крестьяне и господа являются у него, очень естественно, чаще всего со стороны отрицательной. Не забывая, какъ мы видѣли, человѣческихъ симпатичныхъ сторонъ даже тамъ, гдѣ можно было бы, кажется, заглохнуть, загибнуть, все человѣческое, Тургеневъ, по-преимуществу, рисуетъ картины скорби, горя, страданій, конечно, въ прямой зависимости отъ этого же крѣпостного права, — и въ этомъ огромная не только художественная, но и гражданская заслуга поэта. Григоровичъ, собственно, этою цѣлью не задается, хотя и въ этомъ смыслѣ у него есть вещи потрясающія *(Антонъ-Горемыка, Переселенцы, Бобыль)*; онъ просто любитъ вообще народъ и хочетъ, чтобы послѣдній узнали и полюбили читатели; чтобы оживилась и взволновалась его разсказами душа тѣхъ, кто не окаменѣлъ еще до такой степени, чтобы «оживляться только за преферансомъ и волноваться при словахъ: «пасъ», «ремизъ», «куплю» и прочей «дряни»... У Григоровича вы знакомитесь и съ рыбачьимъ промысломъ, и съ фабричной жизнью, и съ ярмарками, и съ народными праздниками, и съ жизнью нищихъ и съ бытомъ шарманщиковъ и акробатовъ, — такъ что этнографическій матеріалъ у Григоровича несравненно богаче, чѣмъ у Тургенева, почему и самая жизнь простонародья обнимается читателемъ несравненно полнѣе. При этомъ авторъ, хотя и изображаетъ множество личностей страдающихъ, уродливыхъ, надломленныхъ, порочныхъ, но эти люди страдаютъ и уродуются не только изъ-за помѣщика или управляющаго, но и изъ-за другихъ соціальныхъ причинъ (семейный деспотизмъ, невѣжество, растлѣвающая жизнь на фабрикахъ, пьянство, взглядъ на женщину, лѣность, узкій эгоизмъ съ равнодушіемъ къ бѣдѣ ближняго, недостатокъ разумной дѣятельности для натуръ широкихъ). Но, рядомъ съ потрясающей правдой народныхъ

бѣдствій и страданій, рядомъ съ личностями — отребьемъ общества, авторъ любитъ изображать и простое, тихое счастье и радости простолюдина, личности непреклонной силы и настойчивости, честнаго, тяжелаго упорнаго труда, на которомъ только и можетъ основаться благосостояніе (Пахарь, Глѣбъ и Кондратій въ *Рыбакахъ*, Савелій въ повѣсти *Кошка и мышка* и друг.): — сцены въ родѣ семейнаго вечера, благодарственной молитвы за трудъ, крестинъ, свадьбы — у него однѣ изъ лучшихъ, и образы матерей, женъ, дочерей, отцовъ, дѣдовъ, — словомъ, типы семейные, поражаютъ своею трогательною простотой, полной величайшей силы любви, а иногда даже и тонкой деликатности и нѣжности. Здѣсь кстати коснуться одного, весьма важнаго, упрека, который не разъ ему дѣлала критика, — будто разсказы его страдаютъ сентиментальностію и излишней идеализаціей простонародной жизни, что, впрочемъ, объясняется временемъ, въ которое нужно было возбудить особенное сочувствіе къ народу. Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ авторъ въ послѣдней страницѣ одного изъ лучшихъ своихъ произведеній «Рыбаки»: «Не стану утруждать читателя описаніемъ этой сцены (свиданіе Вани съ Дуней и дѣдушкой Кондратіемъ). И безъ того уже найдется много людей, которые обвинятъ меня въ излишней сентиментальности, излишнихъ, ни къ чему не ведущихъ, изліяніяхъ, обвинятъ въ неестественности и стремленіи къ идеаламъ, изъ которыхъ всегда не вѣсть что выходитъ... и проч. Доскажу въ нѣсколькихъ словахъ исторію моихъ сермяжныхъ героевъ». Дѣйствительно, если сравнить Григоровича съ многими писателями, такъ называемой, *натуральной* школы, думавшими, что, изображая одну грязь жизни во всей ея отвратительности, они идутъ по стопамъ великаго Гоголя, или даже — съ нѣкоторыми писателями другими, у которыхъ, кромѣ ругани, да народной дурости, почти ничего и нѣтъ, то произведенія этого, уже давно почти замолкшаго, литературнаго дѣятеля могутъ показаться человѣку, мало знакомому съ нашимъ простонародьемъ, особенно удаленнымъ отъ городовъ и не испорченнымъ еще фабричной жизнью, черезчуръ идеализированными. Дѣйствительно и то, что авторъ, подобно Диккенсу, любитъ оканчивать свои, даже самыя печальныя повѣсти, идиллическимъ счастіемъ (*Переселенцы*, *Рыбаки*, *Кошка и мышка*, *Прохожій* и нѣкоторыя другія); — но рядомъ съ личностями положительными, напр. Глѣбъ, Савелій, у него является много и личностей отрицательныхъ: Гришка, Захаръ; да и въ изображеніи самыхъ лучшихъ людей изъ крестьянъ онъ не закрываетъ глазъ на ихъ недостатки и темныя заблужденія. Такъ, въ личности напр. самого Глѣба, представленнаго очень симпатичнымъ, рядомъ съ качествами, заставляющими его уважать, встрѣчаемъ такія черты, какъ самый грубый деспотизмъ главы дома, самодурное упрямство и эгоизмъ очень мелкаго свойства. Что же касается изображенія народныхъ добродѣтелей, то онѣ почти исключительно семейныя, зависящія, до нѣкоторой степени, отъ нашего родового быта, который, какъ можно

видѣть почти изъ всѣхъ произведеній поэта, отнюдь не представленъ съ одной только розовой стороны. Да и представляетъ авторъ эти добродѣтели преимущественно въ старикахъ-дѣдахъ да женщинахъ, по самой натурѣ своей болѣе привязанныхъ къ семейству. Такимъ образомъ, сермяжные герои представлены авторомъ такъ, что, выставляя темныя черты ихъ характеровъ, авторъ не только не закрывалъ глазъ на свѣтлыя, но, напротивъ, останавливался на нихъ подробнѣе и представлялъ ихъ особенно тепло. За такой способъ представленія народной жизни, если и можно назвать его идеалистомъ, воспитатель долженъ быть особенно благодаренъ автору, такъ этотъ способъ, внося въ душу юноши начало трогательнаго, поселяетъ въ ней особенное участіе къ народнымъ несчастіямъ и радостямъ, къ его интимной сердечной жизни, закрытой отъ глазъ наблюдателя непроницаемой грубой внѣшностью. Идеализація Григоровича не есть плодъ сентиментальнаго воображенія; она коренится въ дѣйствительныхъ, хотя, относительно, и рѣдкихъ, хорошихъ сторонахъ нашего народа; поэтъ, какъ художникъ, творческимъ талантомъ своимъ сдѣлалъ ихъ только ярче и рельефнѣе. *Острогорскій.*

Значеніе литературной дѣятельности Григоровича, какъ народнаго писателя.

Общій періодъ литературной дѣятельности Григоровича занималъ собою не болѣе 10—12 лѣтъ и въ своемъ характерѣ и направленіи вполнѣ опредѣлялся двумя первыми разсказами: «Деревней» и «Антономъ-Горемыкой». Разсказами, повѣстями и романами изъ простонародной жизни, главнымъ образомъ, опредѣляется и, вообще, мѣсто Григоровича въ исторіи нашей новѣйшей литературы — его значеніе, какъ писателя. Произведенія изъ простонароднаго быта дали ему имя; они навсегда и сохранятъ это имя въ ряду нашихъ отечественныхъ писателей. Что касается до всего остальнаго, написаннаго Григоровичемъ въ своей литературной дѣятельности, — онъ нерѣдко касался и другихъ сторонъ русской жизни, помимо быта простого народа, но все это не выходило изъ ряда посредственной беллетристики... Высочайшей заслугой Григововича было то, что онъ однимъ изъ самыхъ первыхъ выступилъ въ своихъ произведеніяхъ на новый литературный путь, однимъ изъ самыхъ первыхъ писателей обратился къ изображенію простого народа, русскаго крестьянскаго міра. Вмѣстѣ съ авторомъ «Записокъ охотника», идея народности у Григоровича впервые получила реальное приложеніе, — литературнымъ героемъ впервые являлся народъ, сѣрая народная масса. Одновременно съ первыми разсказами изъ «Записокъ охотника», въ «Деревнѣ» и «Антонѣ Горемыкѣ» Григоровича, и въ цѣломъ рядѣ послѣдовавшихъ за тѣмъ его разсказовъ, очерковъ, романовъ — русскому простонародью впервые отводилось высокое подобающее

ему мѣсто въ родной литературѣ. Правда, русскій народъ и прежде нерѣдко появлялся на страницахъ русской повѣсти, комедіи, романа, иногда даже съ полной жизненной реальностью изображенія, какъ напр. у Пушкина и Гоголя; но всѣ эти появленія народа имѣли все же больше случайный, эпизодическій характеръ: народъ захватывался литературной картиной или какъ общій фонъ, или мимоходомъ, какъ бы въ роли статиста, простой обстановки. Полноправнымъ литературнымъ героемъ народъ впервые выступилъ лишь въ «Запискахъ охотника» и въ произведеніяхъ Григоровича. Въ лицѣ Тургенева и Григоровича наша литература впервые со своей долженствующей серіозностью и внимательностью приступила къ изученію и художественно-реальному изображенію русскаго крестьянскаго міра, впервые вполнѣ серіозно рѣшилась взяться за изображеніе крестьянской бабы, мужика-голыша, рыбака, нищаго, акробата, фабричнаго и цѣлаго ряда другихъ подобныхъ «сермяжныхъ героевъ»... Наша литература впервые теперь какъ бы окончательно теряла свой изящный барскій тонъ, принимая характеръ литературы «мужицкой»... Въ послѣднемъ отношеніи, со стороны реальности изображенія, Григоровичъ идетъ какъ бы гораздо дальше «Записокъ охотника», почему и вызвалъ на себя со стороны нѣкоторыхъ критиковъ обвиненія въ утрировкѣ мрачными красками, — критиковъ, которымъ вполнѣ нравились разсказы изъ «Записокъ охотника»... Дѣйствительно, тамъ читатель, по крайней мѣрѣ, находился на свѣжемъ воздухѣ; Григоровичъ повелъ его въ грязную, курную, мужицкую избу... У Григоровича «сермяжные герои» впервые явились передъ публикой во всей своей деревенской обстановкѣ, въ рваныхъ зипунахъ и грязныхъ онучахъ, со всѣми своими «болѣзными» нуждами и бѣдами... Давно назрѣвшія и въ обществѣ и литературѣ потребности въ изученіи народнаго быта теперь впервые получали серіозное удовлетвореніе.

Жизнь простого народа охватывается въ произведеніяхъ Григоровича, дѣйствительно, съ самыхъ различныхъ сторонъ, во всей ея полнотѣ. Передъ читателемъ проходитъ длинная вереница самыхъ разнообразныхъ крестьянскихъ типовъ и характеровъ, безконечный рядъ самыхъ различныхъ сторонъ и перипетій крестьянскаго житья-бытья, со всѣми его будничными событіями, радостями и скорбями. Это — цѣлая эпопея «крестьянства», иногда довольнаго и счастливаго, но чаще — загнаннаго, подавленнаго, забитаго нуждой и всякими «тѣснотами»... Несчастія и бѣды иногда зависятъ и отъ невѣжества, лѣни «героевъ», но, обыкновенно и чаще — отъ ихъ общей обстановки, отъ притѣсненій «лихихъ людей». Какъ и въ жизни, драма чередуется съ семейными радостями, даже идилліей, разсказъ нерѣдко подвергивается какой-то идиллической дымкой. Прибавимъ даже: у писателя иногда можно встрѣтить тонъ нѣсколько искусственный; деревенскіе герои изрѣдка какъ бы теряютъ свою «сермяжную» естественность и на мгновеніе готовы перейти въ «пейзановъ»... Но это лишь исключенія, частности. Вообще, писатель вѣренъ дѣйствительности, и

указанныя уклоненія, болѣе или менѣе замѣтныя въ отдѣльныхъ мѣстахъ, не мѣшаютъ общей вѣрности разсказа. Суровая дѣйствительность не только не скрывается, не затушевывается писателемъ, напротивъ, выступаетъ со всею яркостью и иногда поражающей реальностью. Писатель старается рисовать жизнь во всей ея жизненной правдѣ, не утаивая ея хорошихъ сторонъ, но и не налегая исключительно на грязь и пошлость; мрачныя краски, впрочемъ, невольно берутъ перевѣсъ въ картинѣ...

Не идеализируя своихъ «сермяжныхъ героевъ», писатель тѣмъ не менѣе любитъ ихъ, — эта любовь передается и читателю: теплое, сердечно-правдивое отношеніе автора къ его «сермяжнымъ» героямъ, всюду разлитыя въ его произведеніяхъ, горячая любовь и участіе къ судьбѣ «горемычныхъ» Антоновъ сообщаются и читателю, заставляютъ его задумываться...

Но писатель любитъ не слѣпо. Онъ хорошо видитъ и сознаетъ дурныя стороны своихъ героевъ. Онъ не скрываетъ поражающаго невѣжества описываемой имъ крестьянской среды, царящаго здѣсь суевѣрія, страшной грубости нравовъ, нерѣдко безчеловѣчія и жестокости, апатичной лѣни, наконецъ, этой стадности выведенной толпы. Нѣкоторыя страницы Григоровича въ этомъ отношеніи напоминаютъ атмосферу «Власти тьмы»... Съ свѣтлыми «идиллическими» сценами у писателя чередуются картины грубаго эгоизма, пьянства и нищеты, злорадства несчастію ближняго, тупого равнодушія къ гибели собственнаго брата-крестьянина, общей развращенности фабричной среды. Читателя чаще всего охватываетъ тяжелое чувство: онъ видитъ предъ собой народъ, подавленный нуждой, — народъ, который или ходитъ пришибленнымъ «горемыкой», какъ Антонъ, или пьянствуетъ и мошенничаетъ, думая только о себѣ и грабя своего же брата-крестьянина, какъ мельникъ Авксентій; или превращается прямо въ стадо, которое памятуетъ лишь о томъ, что «своя шкура дороже»... Припомнимъ, напр., эту толпу, которая, подъ вліяніемъ минутнаго стаднаго страха, головой выдаетъ управляющему Антона...

Общій главный источникъ гнетущей атмосферы писатель видитъ въ крѣпостномъ правѣ. Это — главная и основная причина «горемычной» судьбы выводимыхъ Антоновъ. Эта сторона дѣйствительности особенно оттѣняется писателемъ въ его первыхъ произведеніяхъ, — въ этомъ и сосредоточивалось ихъ главное общественное значеніе для своего времени. «Деревня» показала, сколько горя, несчастія можетъ принести крестьянской бабѣ даже добрый въ сущности барынь, желающій даже «поблагодѣтельствовать». «Антонъ-Горемыка» наглядно рисовалъ то отчаяніе, до котораго можетъ дойти самый смирный и честный крестьянинъ подъ невыносимымъ гнетомъ безысходной нужды, ежедневныхъ оскорбленій и насмѣяній, всей давящей обстановки безысходнаго рабства... Рабство превращаетъ народъ въ тупую, апатичную толпу, равнодушно относящуюся къ несчастію бѣдняка: припомнимъ смѣхъ старика надъ бѣгущимъ за лошадью

ополоумѣвшимъ Антономъ — это равнодушіе кузнеца Вавилы, набивающаго Антону на ноги арестанскія колодки...

Произведенія Григоровича особенно богаты этнографическимъ содержаніемъ. Передъ читателемъ въ яркихъ картинахъ развертывается вся жизнь народа, со всѣми бытовыми ея подробностями, со всѣми ея мелкими обыденными чертами, со всѣмъ богатымъ разнообразіемъ ея мелочей. Тутъ передъ нами не только крестьянская, земледѣльческая работа, но весь міръ «хрестьянства» — рыбаки, фабричные, офени-торгаши, бродяги-нищіе и т. д.

Нельзя не отмѣтить, въ заключеніе, нѣкоторыхъ внѣшнихъ недостатковъ разсказа нашего писателя — ихъ нерѣдко излишней растянутости. Писатель часто какъ бы злоупотребляетъ своимъ мастерскимъ талантомъ къ описаніямъ, картинамъ, и подробностями изложенія утомляетъ читателя... Многіе его разсказы, — особенно, — романы, значительно бы выиграли, если бы были сокращены даже на цѣлую треть. *Архангельскій.*

Художественное и общественное значеніе сочиненій Григоровича.

Русская литература сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ надолго оставитъ по себѣ прекрасную память въ русскомъ обществѣ. Она подарила ему значительное количество высоко-художественныхъ произведеній, пробудила въ немъ самосознаніе и жизненныя силы, вызвала важные насущные вопросы и даже намѣтила пути и способы къ ихъ рѣшенію. Вѣрнымъ и разностороннимъ изображеніемъ русскаго общества, его экономическаго и интеллектуальнаго состоянія литература этого времени, въ формѣ произведеній и искусства, поставила на твердую почву не мало общественныхъ задачъ, которыя предстояло рѣшить въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Такое въ высокой степени плодотворное направленіе выразилось въ цѣлой группѣ талантливыхъ писателей, сколько замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи, столько же и по гражданской предъ отечествомъ. Къ числу наиболѣе крупныхъ, въ такомъ смыслѣ, дѣятелей этого періода русской литературы принадлежитъ Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. Вышедшее полное собраніе его сочиненій даетъ поводъ бросить взглядъ на существенныя стороны его замѣчательнаго дарованія и означить мѣсто, занимаемое имъ въ русской литературѣ.

Въ ряду многочисленныхъ произведеній Григоровича прежде всего обращаютъ на себя вниманіе какъ въ художественномъ, такъ и въ общественномъ значеніи, его романы, повѣсти и разсказы изъ крестьянскаго быта. Въ нихъ онъ является глубокимъ знатокомъ и талантливымъ живописцемъ природы и народной жизни средней полосы Россіи, въ чертахъ и краскахъ, подмѣченныхъ съ замѣча-

тельною наблюдательностію и мастерски выраженныхъ. Едва ли у кого-нибудь изъ русскихъ писателей можно найти такую богатую галлерею картинъ, представляющихъ разнообразные пейзажи и явленія русской природы въ различныя времена года, и всевозможныя бытовыя сцены изъ народной жизни, обставленныя типичными лицами. Обиліе разбросанныхъ въ романѣ Григоровича описаній нисколько не утомляетъ читателя, какъ не утомитъ его обзоръ коллекцій ландшафтовъ и жанровыхъ картинъ большого мастера. Довольно прочесть прекрасныя страницы, посвященныя описанію прибрежій Оки, весенняго водополья на ней или Смедовской долины, чтобы видѣть, какъ авторъ глубоко чувствуетъ и съ какимъ высокимъ искусствомъ умѣетъ изображать своеобразныя красоты русской природы. Такъ же вѣрны и живописны картины русской деревни, со всей обстановкой ея трудового быта, то привлекающаго довольствомъ, то поражающаго нуждою и бѣдностью, съ присущею имъ патріархальною простотою и коренными или прививными пороками. Наконецъ, цѣлый рядъ разнообразныхъ типовъ — пахари, рыбаки, пастухи, бродячіе торгаши, цыгане, фабричные, слѣпые-нищіе, съ характерными особенностями ихъ жизни и самаго языка, — все это отличается правдою и оригинальностью рисунка, свѣжестью и блескомъ красокъ.

Кромѣ художественнаго достоинства, романы и повѣсти Григоровича изъ сельскаго быта имѣютъ и другое, еще болѣе важное, значеніе, по которому они должны занять выдающееся мѣсто въ исторіи русской литературы и общественнаго развитія. Въ нихъ авторъ, какъ бы въ предвидѣніи наступающихъ реформъ въ строѣ русскаго общества, представилъ въ поразительно вѣрныхъ образцахъ тяжелое положеніе крестьянъ подъ гнетомъ крѣпостного права, при отсутствіи правильнаго суда и земскаго устройства. Вопросъ о ненормальности этого положенія затрогивался и у другихъ русскихъ писателей, какъ, напримѣръ, у Тургенева и Писемскаго, но никто не раскрылъ такъ смѣло и прямо, съ такой очевидною ясностью настоятельной необходимости близкаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, какъ Григоровичъ. Онъ взглянулъ на этотъ вопросъ не съ внѣшней стороны, не въ частныхъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, а со стороны существеннаго вреда самаго крѣпостного права. При этомъ ясно обнаруживается, какъ бѣдствовали и даже гибли люди честныхъ и доброжелательныхъ помѣщиковъ, вслѣдствіе только неправильныхъ между ними отношеній. Такова основная мысль въ цѣломъ рядѣ произведеній талантливаго беллетриста.

Въ прекрасной глубоко-трогательной повѣсти «Антонъ Горемыка» Григоровичъ выставилъ плачевную судьбу честнаго и трудолюбиваго крестьянина, который гибнетъ за то, что, по мірскому приговору, написалъ барину, постоянно живущему въ Петербургѣ, жалобу на притѣсненіе управляющаго. Письмо перехватываютъ, и мужикъ

горько платится за свою грамотность. Управляющій, тоже крѣпостной человѣкъ, начинаетъ его преслѣдовать, отбираетъ у него удобную землю, совершенно разоряетъ его съ семьею и, наконецъ, доводитъ до ссылки на поселеніе. Передъ читателями проходитъ съ поразительными подробностями вся эта печальная драма, съ той минуты, когда «Горемыка», подъ угрозою наказанія, ведетъ продавать послѣднюю свою лошадь на уплату оброка, до мрачной развязки его участи передъ этапной телѣгой, при стонахъ навсегда покидаемой семьи. Романъ «Переселенцы» представляетъ не менѣе печальную судьбу крестьянскаго семейства, которое безъ вины должно покинуть родную деревню и отцовскія могилы и итти въ далекій, незнакомый край, на иныя условія жизни. И къ этому невольному переселенію принуждаетъ бѣдняковъ не жестокость и самодурство помѣщика. Онъ, напротивъ, желаетъ имъ искренно добра, а между тѣмъ дѣлаетъ зло единственно по незнакомству съ бытомъ крестьянъ и ихъ насущными потребностями. Такая же грустная картина крѣпостного права открывается въ повѣсти «Деревня». Въ ней разсказывается, какъ баринъ, проживавшій обыкновенно въ столицѣ и за границей, вздумалъ провести одно лѣто въ своемъ имѣніи. Тамъ встрѣчаетъ онъ свою крѣпостную дѣвушку, бѣдную, загнанную сироту и, съ филантропическимъ желаніемъ устроить ея судьбу, выдаетъ ее замужъ; но она попадаетъ въ семью, гдѣ ее ненавидятъ, бьютъ, изнуряютъ непосильной работой, и несчастная погибаетъ жертвой необдуманной воли помѣщика, нисколько ни злого и доброжелательнаго. Въ очеркѣ «Бобыль» описывается, какъ восьмидесятилѣтній старикъ, у котораго отобрали пашню, въ холодную и ненастную осень, на пути отъ больницы, куда его не приняли, заходитъ въ деревню человѣколюбивой старушки-помѣщицы, но его удаляютъ оттуда во избѣжаніе хлопотъ передъ судомъ, въ случаѣ смерти бѣдняка, и онъ умираетъ на дорогѣ. Подобное же значеніе имѣютъ и нѣкоторые другіе повѣсти и разсказы автора изъ крестьянскаго быта. Все это наглядно показываетъ, въ какой степени благодѣтельны были реформы, совершенныя потомъ державною волею императора Александра II. Если русская литература содѣйствовала подготовленію общества къ осуществленію этихъ реформъ, то, несомнѣнно, что значительная доля заслуги по этому предмету принадлежитъ Д. В. Григоровичу.

Нѣкоторые изъ русскихъ тенденціозныхъ критиковъ находили, будто Григоровичъ въ своихъ сочиненіяхъ изъ крестьянскаго быта идеализируетъ русскую народную жизнь и нравы. Такое мнѣніе едва ли можно признать справедливымъ. Обвиненіе это, очевидно, возникло изъ того односторонняго реализма, который смотрѣлъ на народъ исключительно съ отрицательной точки зрѣнія и, схватывая его темныя и грубыя стороны, считалъ всякія симпатичныя отношенія къ свѣтлымъ явленіямъ его жизни искусственными. Сочувствіе къ лучшимъ сторонамъ народнаго характера казалось этимъ

псевдо-реальнымъ критикамъ романическою сентиментальностью. Напротивъ, Григоровичъ, въ изображеніи крестьянскаго быта и нравовъ, гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ тѣ беллетристы-народники, кототорые фотографировали однѣ уродливыя черты этой среды. Онъ одинаково вѣрно представляетъ все, что есть въ этой средѣ честнаго и привлекательнаго, и все, что изъ нея выходитъ грубаго и отталкивающаго. Въ самомъ объективномъ его романѣ «Рыбаки», гдѣ представленъ бытъ крестьянъ свободныхъ, не приравленныхъ крѣпостнымъ правомъ, на ряду съ свѣтлыми явленіями и лицами, показаны черты весьма печальныя и выведены типы людей далеко некрасиваго закала. Ясно, что Григоровичъ не идеалистъ, а художникъ реальный, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Въ другой серіи произведеній Григоровича, въ которыхъ изображается провинціальный помѣщичій бытъ и городская жизнь такъ называемаго интеллигентнаго круга, видно также обширное знаніе этой среды и тонкая наблюдательность въ подробностяхъ какъ внѣшней, такъ и внутренней ея стороны. Обстановка губернской жизни и интересы провинціальнаго дворянства, блестящая пустота свѣтскаго общества и столичная суетность такъ же хорошо извѣстны автору, какъ и бытъ деревенскаго населенія. Но здѣсь онъ обращается, преимущественно, къ отрицательнымъ сторонамъ жизни, хотя рисуетъ ихъ не столько съ обличительно-сатирической цѣлью, сколько съ желаніемъ показать ея смѣшныя особенности. Подъ вліяніемъ такого взгляда въ изображеніи нравовъ и лицъ его рисунокъ становится слишкомъ рѣзкимъ и краски неумѣренно яркими. Лучшее сочиненіе Григоровича въ этой серіи — обширный романъ «Проселочныя дороги». Это длинный рядъ сценъ и этюдовъ, не связанныхъ общею интригою, но представляющихъ одну цѣльную картину комическихъ сторонъ провинціальной жизни. Здѣсь существенный характеръ ея подмѣченъ очень вѣрно, но въ выведенныхъ лицахъ есть черты преувеличенныя, лишающія ихъ значенія вполнѣ художественныхъ типовъ. Еще болѣе замѣтно это въ повѣстяхъ и разсказахъ изъ городского круга, каковы: «Похожденія Накатова», «Столичные родственники», «Школа гостепріимства», «Свистулькинъ»,— въ которыхъ комическія положенія и лица впадаютъ въ карикатурность. Но все это представляетъ столько забавныхъ сценъ и смѣшныхъ фигуръ, отличается такимъ неподдѣльнымъ весельемъ и остроуміемъ, что скрываетъ шаржировку, и каждый изъ этихъ оригинальныхъ разсказовъ читается съ большимъ, нигдѣ не ослабѣвающимъ интересомъ.

Тѣсныя рамки библіографическаго отзыва не позволяютъ ни войти въ подробное разъясненіе высказаннаго здѣсь взгляда ни представить характеристику другихъ произведеній плодовитости автора. Необходимо однако замѣтить, что въ ряду ихъ не мало прекрасныхъ сочиненій, которыя отличаются своеобразными достоинствами. Нельзя не упомянуть о романѣ «Два генерала», гдѣ схвачены характерныя

черты провинціальнаго быта въ эпоху, послѣдовавшую за эмансипаціей крестьянъ, о повѣсти «Пахатникъ и бархатникъ», въ которой сопоставлены нужды и интересы людей труда и разсѣянной жизни. Въ разсказахъ «Петербургскіе шарманщики» и «Гуттаперчивый мальчикъ» читатели находятъ мастерскіе этюды изъ жизни того особаго класса столичнаго пролетаріата, который добываетъ свой нищенскій кусокъ хлѣба уличной музыкой и балаганными потѣхами. Святочный разсказъ «Прохожій» можетъ служить образцомъ сочиненій, прославленныхъ Диккенсомъ; а повѣсть «Неудавшаяся жизнь», взятая изъ быта художниковъ, представляетъ такія же, вѣрно подмѣченныя черты этого быта, какія находимъ у Гоголя въ повѣстяхъ «Портретъ» и «Невскій проспектъ». Д. В. Григоровичъ справедливо пользуется извѣстностью практическаго знатока въ области художествъ, и очевидно подтвержденіе этого можно найти въ его сочиненіяхъ. Стоитъ прочесть въ его разсказахъ о заграничной поѣздкѣ на кораблѣ «Ретвизанъ» описаніе копенгагенскаго музея Торвальдсена, луврской галлереи, соборовъ и художественныхъ сокровищъ въ Кадиксѣ и Севильѣ, чтобы оцѣнить его глубокія знанія и эстетическій вкусъ въ различныхъ отрасляхъ искусства. Это еще болѣе выясняется изъ его статей: «О картинахъ англійскихъ живописцевъ въ Лондонѣ» и «Художественное образованіе въ приложеніи къ промышленности на всемірной парижской выставкѣ». Въ нихъ высказано много замѣчательныхъ сужденій, сколько важныхъ для художниковъ, столько же любопытныхъ для всѣхъ образованныхъ людей, интересующихся искусствомъ.

Милюковъ.

Воспитательное значеніе сочиненій Григоровича.

Въ произведеніяхъ Д. В. Григоровича мужикъ впервые появился въ русской беллетристикѣ въ связи съ бытовымъ и семейнымъ укладомъ своей жизни и прочно занялъ въ ней свое мѣсто. Нѣсколько идеальное освѣщеніе этой жизни и самаго мужика не сгладило характерныхъ чертъ его внутренней физіономіи: она выступила довольно рельефно и заставила обратить на себя вниманіе общества. Въ этомъ смыслѣ Григоровичъ, по всей справедливости, долженъ быть признанъ прямымъ родоначальникомъ той школы писателей, которая получила имя народнической.

Народники шли уже по проложеннымъ слѣдамъ и часто перепѣвали темы, намѣченныя уже нашимъ писателемъ.

Въ смыслѣ знанія народной жизни и изображенія ея нуждъ и темныхъ сторонъ они пошли дальше своего учителя, но въ художественной обработкѣ народныхъ типовъ никто изъ нихъ не возвысился до учителя.

Тотъ періодъ народной жизни, который изображенъ Григоровичемъ, уже остался далеко позади современнаго поколѣнія; осво-

божденная отъ рабства, деревня шагнула значительно впередъ, у нея появились новыя нужды, новое горе; народились и новые деревенскіе типы. Несмотря на медленный темпъ народной жизни, многое въ ней измѣнилось съ того времени, въ какое изображалъ ее Григоровичъ.

Кто захочетъ изучить русскую деревню и ея жизнь въ настоящее время, тотъ обратится къ другимъ художественнымъ источникамъ, а не къ сочиненіямъ Григоровича. Можно безъ преувеличенія сказать, что съ этой стороны произведенія Григоровича уже теряютъ свое значеніе. Но эти произведенія долго не потеряютъ своего значенія для школы и народа. Въ произведеніяхъ Григоровича есть одинъ вѣчный, неувядаемый элементъ, который даетъ имъ высокое воспитательное значеніе: это — гуманная проповѣдь любви къ меньшему брату, постоянное напоминаніе, что мужикъ — такое же разумное существо, чувствующее и страдающее, какъ и люди, поставленные въ болѣе благопріятныя условія жизни; что онъ часто и благороднѣе и чище этихъ людей; что темнота крестьянина должна возбуждать не отвращеніе къ нему, а чувство сожалѣнія и стремленіе внести въ эту темноту посильный свѣтъ. Незаурядный художественный талантъ автора дѣлаетъ эту проповѣдь краснорѣчивой и убѣдительной. И она не утратила своего значенія и въ настоящее время. А въ то время, когда она впервые раздалась, она была звукомъ колокола, будившимъ русское общественное самосознаніе и подготовившимъ почву для великаго дѣла — освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ громадная, историческая заслуга Д. В. Григоровича. *Щукинъ.*

Общественное настроеніе сороковыхъ годовъ и отраженіе его на литературной дѣятельности Григоровича.

Еще сильнѣе было вліяніе на нашего писателя со стороны общественнаго настроенія того времени, на которое падаетъ начало и расцвѣтъ его литературной дѣятельности. Если бы мы не обратили вниманія на характеръ той эпохи, когда началъ писать свои народные разсказы Григоровичъ, то направленіе литературной его дѣятельности осталось бы совершенно непонятнымъ.

Нашъ писатель — истый и типичнѣйшій представитель эпохи сороковыхъ годовъ. Какъ «война рождаетъ героевъ», такъ и каждая эпоха общественной жизни выдвигаетъ выразителей своихъ стремленій и чаяній. Сороковые года даютъ цѣлую яркую картину русской общественной жизни. Стоитъ только припомнить имена литературныхъ представителей этой эпохи, чтобы понять роль ея въ развитіи общественнаго самосознанія: это время дѣятельности знаменитыхъ кружковъ славянофиловъ и западниковъ, уже разошедшихся во взглядахъ на значеніе прошлаго русской исторіи и на средства осуществленія исторической миссіи русскаго народа, но сходившихся въ общихъ искреннихъ желаніяхъ блага этому народу: это время пылкихъ

статей Бѣлинскаго, время кипучей дѣятельности Кирѣевскихъ и К. Аксакова. Во всѣхъ горячихъ спорахъ и статьяхъ того времени слышится одна доминирующая нота: желаніе добра народу стремленіе осмыслить ходъ его исторической жизни. Отсюда прекрасное знакомство представителей этой эпохи съ исторіей, съ бытомъ народа, — стремленіе собрать памятники народной словесности. Общественное настроеніе, которымъ характеризуются сороковые годы, возникло и развилось подъ самыми сложными вліяніями. На русской почвѣ предшествовала насквозь проникнутая гуманными взглядами поэтическая дѣятельность Пушкина и Гоголя, знакомство русскаго общества съ горемъ и радостями простого народа по пѣснямъ Кольцова. А со стороны Европы широкой волной нахлынули идеи философіи Шеллинга, Фихте, Гегеля. Извѣстно, какъ горячо, напримѣръ, эти идеи интересовали кружокъ Станкевича, въ которомъ долгое время, во имя ихъ мирно уживались Бѣлинскій рядомъ съ К. Аксаковымъ, Катковъ рядомъ съ Бакунинымъ. Отъ теоретическихъ разсужденій обращались къ обсужденію явленій дѣйствительной жизни. Къ этому подавала поводъ и сама философія. Ученіе Гегеля о Тріединомъ въ исторіи, о необходимости націи, которая воплотила бы въ себѣ идею абсолютнаго, заставляло искать такую націю и усматривать признаки ея въ родномъ народѣ. Оказывало свое вліяніе и оживленіе общественныхъ вопросовъ въ европейской жизни, тамошнія симпатіи къ демократизму. Къ намъ шли произведенія Диккенса, протестанта противъ несовершенствъ общественнаго устройства Англіи; шли произведенія Жоржъ-Зандъ, исполненныя горячей проповѣди за освобожденіе отъ установившихся общественныхъ рамокъ. Подъ всѣми этими вліяніями создалась особенная сфера, которою дышали люди сороковыхъ годовъ, — сфера пропитанная гуманитарными взглядами, горячей любовью къ народу. Этотъ основной тонъ эпохи какъ нельзя лучше отразился и въ твореніяхъ писателей, воспитавшихся подъ ея вліяніемъ, — писателей, которыхъ съ необыкновенною щедростью выдвинула эта эпоха, которые сдѣлались украшеніемъ русской литературы: во главѣ стоятъ такія имена, какъ Тургеневъ, Толстой, Достоевскій.

Духъ сороковыхъ годовъ вѣетъ и въ произведеніяхъ Григоровича. И въ свою очередь то обстоятельство, что его сердце билось въ унисонъ настроенію общества, послужило главной причиной успѣха его первыхъ произведеній изъ народнаго быта. *Щукинъ.*

Григоровичъ — поэтъ „сермяжныхъ героевъ".

Но если теперь Григоровичъ и представляетъ для образованной публики явленіе, отчасти уже историческое, не то было 54 года назадъ. Тогда, въ 1846 г., въ «Отечественныхъ Запискахъ», еще за годъ до появленія перваго разсказа изъ *Записокъ Охотника* — первой своей

повѣстью изъ крестьянскаго быта, *Деревня*, сразу доставившей ему извѣстность, сказалъ онъ свое *новое*, горячее и высокоталантливое слово. Это слово было о сѣромъ и темномъ русскомъ мужикѣ, о простой русской бабѣ, о бѣдномъ крестьянскомъ ребенкѣ. До того времени писали у насъ о помѣщикѣ, о влюбленной барышнѣ, о чиновникѣ; правда, кое-что изъ современной крестьянской жизни изобразилъ и Пушкинъ (знаменитое стихотвореніе *Деревня* было тогда извѣстно только въ первой половинѣ, да и то подъ особымъ заглавіемъ *Уединеніе)*; пропѣлъ свои пѣсни и Кольцовъ; но сѣрой, мужицкой жизни, мужицкаго, бабьяго, дѣтскаго горя, всей ужасающей прозы этой каторжной жизни до Григоровича, за исключеніемъ мало кому извѣстнаго Радищева, еще не изображалъ никто. Десятки милліоновъ живыхъ людей изнывали подъ властью помѣщиковъ, управляющихъ и чиновниковъ, влача жалкую жизнь въ грязи, убожествѣ, нищетѣ и поражающемъ невѣжествѣ, и никому до этого цѣлаго царства тьмы не было никакого дѣла. Но раздалось новое слово Григоровича, какъ Колумба, открывшаго новую Америку, и на всѣхъ произвело оно впечатлѣніе, по истинѣ, ошеломляющее,—впечатлѣніе, которое, до нѣкоторой степени, напоминаетъ эффектъ, произведенный позже въ Америкѣ и Европѣ знаменитымъ романомъ Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома». О чемъ же разсказывалось въ повѣсти? Разсказывалось о горькой судьбѣ крестьянской дѣвочки-сиротки Акулины, объ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ растутъ по нищетѣ и невѣжеству народа крестьянскія дѣти, о подневольномъ, по барской волѣ, замужествѣ сиротки, объ ея бабьей долѣ и о томъ, что претерпѣла она отъ мужниной родни и пьянаго-дикаря мужа, вколотившаго свою бабу въ гробъ.

Еще большее впечатлѣніе произвела въ слѣдующемъ 1847 году явившаяся въ «Современникѣ» повѣсть *Антонъ-Горемыка*, гдѣ разсказывалась судьба мірского ходатая и радѣтеля, котораго крестьяне забытой барономъ деревни послали жаловаться барину на управляющаго; разсказывалось о томъ, какъ управляющій перехватилъ ходока и сгноилъ мірового заступника въ острогѣ. Здѣсь еще шире и глубже захватывался смыслъ и содержаніе крестьянской тогдашней жизни, и самъ цензоръ, извѣстный профессоръ Никитенко, рѣшился, какъ говорятъ, передѣлать конецъ повѣсти, который въ настоящемъ своемъ видѣ въ цензурномъ отношеніи былъ немыслимъ, такъ какъ повѣсть оканчивалась поджогомъ крестьянами дома управляющаго и его гибелью. Третій разсказъ, напоминающій по мысли Пушкинскаго «Утопленника» (добрая барыня и мужики, изъ боязни суда, ночью, въ непогодь, выгоняютъ больного старика умирать въ полѣ, на чужой землѣ), съ честью поддержалъ быстро создавшуюся славу молодого писателя, и извѣстность его была упрочена. И вотъ, послѣдовательно, чуть не изъ года въ годъ появляются все новыя и новыя его произведенія и не только изъ крестьянскаго, но и чиновничьяго быта. Всѣ они въ свое время имѣли успѣхъ, но только одни крестьянскіе

сюжеты возбуждаютъ особенное вниманіе и поддерживаютъ его славу, какъ горячаго и правдиваго изобразителя народной жизни, въ которой отыскиваетъ онъ не только однѣ мрачныя стороны («Мать и дочь», «Смедовская долина»), но и свѣтлыя, стараясь именно возбудить особенную любовь и участіе къ своимъ *сермяжнымъ героямъ*. Во всѣхъ нихъ онъ всегда видитъ человѣка, нашего меньшаго, угнетеннаго крѣпостничествомъ и невѣжествомъ брата, съ тѣмъ же сердцемъ и душой, какъ и у насъ, людей образованныхъ («Пахарь», «Четыре времени года», «Прохожій», «Свѣтлое Христово воскресеніе» и др.). Нельзя не замѣтить, однако, что, при всѣхъ достоинствахъ литературныхъ, въ большей или меньшей степени отличающихъ всѣ народныя произведенія Григоровича, ему удались особенно тѣ, гдѣ онъ рисуетъ отрицательныя стороны крестьянской жизни, прекрасно изображенныя въ «Рыбакахъ» и преимущественно въ «Переселенцахъ» — этихъ, первыхъ по времени и до сихъ поръ еще не потерявшихъ значенія, двухъ большихъ романахъ изъ крестьянскаго быта, настолько сильныхъ и интересныхъ, что въ послѣдніе годы до-реформенной эпохи и даже позже ими зачитывалась вся образованная публика. И если такія вещи, какъ «Пахарь» и «Прохожій», справедливо кажутся теперь слащавыми и наивными, то *Деревня*, *Антонъ-Горемыка*, *Мать и дочь*, *Бобыль*, *Рыбаки* и *Переселенцы*, составляя, особенно для школы и народа, интереснѣйшее чтеніе, останутся въ литературѣ навсегда драгоцѣнною лѣтописью того, въ какомъ положеніи и какимъ былъ, вслѣдствіе условій жизни, темный русскій народъ въ послѣднія десятилѣтія передъ великимъ актомъ освобожденія. Если же къ собственно крестьянскимъ произведеніямъ покойнаго присоединить еще разсказы изъ жизни вообще обездоленнаго люда, какъ *Капельмейстеръ Сусликовъ*, *Неудавшаяся жизнь*, *Петербургскіе шарманщики*, *Зимній вечеръ* и прекрасный разсказъ *Гуттаперчевый мальчикъ*, писанный уже въ старости, разсказы о неудачныхъ художникахъ, бѣдняжкахъ, гаерахъ и несчастныхъ дѣтяхъ акробатахъ, — то нельзя не признать, что въ лицѣ Григоровича сошелъ въ могилу послѣднимъ одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ и талантливѣйшихъ писателей-гуманистовъ сороковыхъ годовъ, въ жестокій вѣкъ до-реформенной Руси всегда остававшійся глашатаемъ правды, человѣческаго достоинства, свободы и просвѣщенія массъ, особенно много послужившій русскому закрѣпощенному народу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи его можно бы сравнить съ Кольцовымъ. Какъ послѣдній въ задушевныхъ пѣсняхъ своихъ изобразилъ мужицкое горе и немногія радости въ лирикѣ, въ общихъ чертахъ, намеками, робко и непосредственно, чутьемъ геніальной души, — такъ первый, просвѣщенный образованіемъ, вполнѣ сознательно, цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ (1846—1861 гг.) въ яркихъ, нерѣдко полныхъ драматизма и всегда задушевности, подробностяхъ рисовалъ то же самое, что и Кольцовъ, — только эпически, со всѣми деталями народной обстановки и быта, захватывая этотъ бытъ съ разныхъ сторонъ, въ великомъ

разнообразіи сюжетовъ и типовъ, которыхъ до Григоровича не касался еще никто. Примыкая, съ одной стороны, къ Кольцову, народнику-запѣвалѣ, иниціатору, съ другой — Некрасову и послѣдующимъ изобразителямъ народной жизни, Григоровичъ, этотъ баринъ, помѣщикъ, эстетикъ, первымъ выступилъ на защиту сѣраго мужика. Такимъ образомъ, онъ сталъ первымъ писателемъ-народникомъ, открывъ своею послѣдовательною и настойчивою дѣятельностью широкій путь писателямъ-народникамъ послѣдующей эпохи — Успенскому, Златовратскому, Слѣпцову, Левитову, Рѣшетникову, Засодимскому, Наумову и многимъ другимъ, представившимъ русскую крестьянскую жизнь съ разныхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія. Эта заслуга Григоровича, какъ иниціатора, не забудется никогда, какъ не забудутся «Записки Охотника» Тургенева.

Но отъ послѣдняго Григоровичъ отличался нѣкоторыми, весьма важными, специфическими особенностями. Не ограничиваясь только очерками, встрѣчами, какъ Тургеневъ, онъ, взявъ лицо или семейство, подробно разсказываетъ цѣлую его исторію съ дѣтства, съ образованія семейства до самой смерти лица или разложенія семьи («Рыбаки», «Деревня», «Пахарь», «Переселенцы»), а обстоятельностью описаній быта, драматичностью разсказа, любовью къ яркимъ потрясающимъ эффектамъ, изображеніемъ дѣтскихъ характеровъ и трогательныхъ семейныхъ сценъ напоминаетъ Диккенса. Тургеневъ — собственно изображаетъ только крѣпостное право, съ точки зрѣнія его гибельнаго вліянія и на крестьянъ, и на господъ; Григоровичъ, кромѣ того, и вообще имѣетъ въ виду познакомить читателя съ народомъ и заставить полюбить его, *«чтобы*, какъ онъ говоритъ, *оживилась и взволновалась душа тѣхъ, кто не окаменѣлъ еще до такой степени, чтобы оживляться лишь за преферансомъ и волноваться при словахъ: пасъ, ремизъ, куплю и прочей дряни»*. Сравнительно съ Тургеневымъ сочиненія Григоровича представляютъ матеріалъ для ознакомленія съ народомъ несравненно большій. Вы знакомитесь у Григоровича съ бытомъ земледѣльческимъ, фабричнымъ, рыбачьимъ, съ жизнью нищихъ, съ ярмарками, народными праздниками, со множествомъ личностей страдающихъ, надломленныхъ, порочныхъ, но страдающихъ и уродливыхъ не только изъ-за помѣщика и управляющаго, но и изъ-за другихъ соціальныхъ причинъ, какъ семейный деспотизмъ, невѣжество, растлѣвающія условія фабричной жизни, пьянство, взглядъ на женщину, узкій эгоизмъ, недостатокъ образованія и просторъ дѣятельности для натуръ широкихъ. Рядомъ съ потрясающей правдой народныхъ бѣдствій и страданій, рядомъ съ личностями — отребьемъ общества, авторъ любитъ изображать и простое тихое счастіе и радости, правда, рѣдкія у простолюдина, личности непреклонной силы и упорнаго труда, сцены семейнаго вечера, молитву, крестины, свадьбу, образы матерей, женъ, отцовъ и дѣдовъ. Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ положительныхъ сторонъ народной жизни, конечно, есть доля сентиментальности, объясняемая похвальнымъ стремленіемъ

возбудить особенное сочувствіе къ народу, но въ свое время, въ эпоху до-реформенной Руси, эти изображенія, проникнутыя благороднымъ идеализмомъ и любовью къ народу, имѣли значеніе очень большое, возбуждая въ обществѣ вниманіе и гуманное отношеніе къ *сермяжнымъ героямъ*, какъ въ насмѣшку называли современники изображаемыхъ Григоровичемъ мужиковъ.

Такъ-то, въ тяжелую для литературы эпоху сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, до самаго освобожденія крестьянъ, этому старѣйшему изъ русскихъ писателей выпала на долю великая заслуга перваго бытописателя крестьянской крѣпостной Руси. И если его великіе сверстники—Тургеневъ, за исключеніемъ однѣхъ «Записокъ охотника», и Гончаровъ могутъ быть названы поэтами *барскими*, какъ изобразители быта помѣщичьяго, то Григоровичъ, по справедливости, заслуживаетъ имени перваго поэта *героевъ сермяжныхъ*, и въ этомъ, и только въ этомъ, неумирающее значеніе и смыслъ всей его литературной дѣятельности. Все, что ни писалъ онъ за свою долгую жизнь, всѣ его фельетоны, повѣсти изъ Петербургской жизни, пьесы, очерки—все это забывается и забудется скоро совсѣмъ, но «Деревня», «Антонъ горемыка», «Бобыль», «Рыбаки», «Переселенцы», «Мать и дочь» останутся вѣчнымъ памятникомъ тому, кто первый въ русской литературѣ гуманно и правдиво въ яркихъ, потрясающихъ картинахъ показалъ намъ горькую жизнь закрѣпощеннаго мужика...

Литературная миссія Григоровича была кончена; но дѣятельная натура, упорная въ трудѣ, не успокоилась. Не кончивъ курса въ Академіи Художествъ, онъ пріобрѣлъ однако основательныя свѣдѣнія по искусству, которыя еще болѣе углубились и расширились въ бытность его сначала секретаремъ Эрмитажа, а затѣмъ Общества поощренія художествъ, служенію которому посвятилъ много лѣтъ, весь отдавшись новому дѣлу и тѣмъ оказавъ неоцѣненныя услуги русскому искусству, въ смыслѣ литографскаго и ксилографскаго дѣла, выпуска многихъ художественныхъ изданій, благоустройства художественно-ремесленной школы, музея и т. п. И если первая половина его жизни была посвящена всецѣло литературѣ, то всю почти вторую, до самой смерти съ начала шестидесятыхъ годовъ, отдалъ онъ служенію русскому искусству, оставаясь всегда чуткимъ къ общественной жизни, просвѣщеннымъ и тонкимъ эстетикомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, служа не одному только искусству живописи, но, отчасти, и страстно любимому имъ драматическому театру, при которомъ состоялъ онъ членомъ литературнаго комитета и конференціи драматическихъ курсовъ.

Такъ въ постоянныхъ неутомимыхъ трудахъ до глубокой старости, можно сказать, до самой смерти въ концѣ истекающаго восьмого десятка земного своего поприща, прошла, на рѣдкость для русскихъ интеллигентныхъ дѣятелей, долгая жизнь этого, въ своемъ родѣ единственнаго у насъ по живучести, трудолюбію и, главное, по признанному всѣми значенію, маститаго старца, сохранившаго

въ себѣ бодрость, ясность ума и отзывчивое сердце. Схоронивъ всѣхъ своихъ сверстниковъ сороковыхъ годовъ, онъ оставался одинъ среди новыхъ поколѣній живымъ примѣромъ хорошаго прошлаго, свято сберегая въ себѣ всѣ лучшія черты людей той стародавней эпохи: широкое разностороннее образованіе, благоговѣйное отношеніе къ наукѣ, и особенно искусству, въ знаніе котораго они такъ горячо вѣрили, упорный трудъ, безъ коего искусства нѣтъ, благородный идеализмъ, вѣру въ лучшее будущее, которое создается наравнѣ съ условіями и самими людьми, отвращеніе, брезгливость ко всему пошлому, грязному, мелкому, но въ то же время гуманное, снисходительное отношеніе къ людямъ, стремленіе къ просвѣщенію, спасающему отъ пошлости и поддерживающему человѣка, а всего больше—любовь и вѣру въ родину и народъ. Эту любовь къ народу доказалъ Григоровичъ своимъ служеніемъ сермяжнымъ героямъ, какъ писатель. Съ честью прошелъ послѣдній представитель нашихъ литературныхъ ветерановъ, этотъ поэтъ сермяжныхъ героевъ, свое земное поприще, взявъ отъ жизни все, что только могла она дать, но и самъ, въ свою очередь, отдавъ ей все, что только могли дать ему натура и талантъ.

Острогорскій.

Григоровичъ—„старый народникъ и гуманистъ“.

Д. В. Григоровичъ—далеко не столь огромная величина. Но и онъ безспорно принадлежитъ къ старой «славной стаѣ» тѣхъ русскихъ писателей, что упрочили за нашей литературой репутацію—идеалистической, высоко-человѣческой, чуждой малѣйшихъ рыночныхъ стремленій. Это—даровитый, образованнѣйшій писатель, съ благородными понятіями о литературномъ поприщѣ. Въ свое время онъ не мало поработалъ на пользу дѣла русской «освободительной» эпохи. Это—«народникъ», скажемъ мы, употребляя обозначеніе, столь привившееся у насъ за позднѣйшее время; преемникъ традицій Пушкина и Гоголя, съ почину которыхъ русская самобытная литература характерна нынѣ реализмомъ художественнаго выполненія и идейностью содержанія; по крайней мѣрѣ, во всѣхъ лучшихъ своихъ проявленіяхъ. Реальное освѣщеніе дѣйствительности не допускало проглядѣть народъ.

Гоголь, повидимому, столь мало занимавшійся народомъ въ своихъ знаменитыхъ сатирахъ, признавался, однако, въ «Авторской исповѣди»: «Я полжизни думалъ самъ о томъ, какъ бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовавши, что нужно быть очень умну для того, чтобы знать, что прежде нужно подать народу.» А. Григоровичъ прямо уже начиналъ свое писательство въ тѣ дни, когда близился чередъ—самой острой постановки вопроса объ освобожденіи народа. Типичнѣйшими произ-

веденіями Григоровича, какъ народника, думаемъ, можно признать разсказъ «Деревня» (1846 г.), повѣсть «Антонъ Горемыка» (1847 г.) и появившійся уже въ 50 гг. «романъ изъ простонародной жизни» — «Рыбаки». Для иного современнаго читателя это чуть ли не сѣдая древность! Подъ «народничаньемъ» Д. В. Григоровича у насъ и въ обществѣ, и въ литературѣ подчасъ подразумѣвается нѣчто, съ одной стороны — сентиментальное, натянутое, съ другой — какъ-будто предполагающее взглядъ на мужика сверху внизъ. Въ данную минуту, смѣемъ полагать, во всемъ этомъ можно и должно разобраться спокойнѣе, свободнѣе, вѣрнѣе, принимая во вниманіе всѣ законныя требованія исторической перспективы; оцѣнить точнѣе заслуги писателя, столь усердно предавшагося творчеству на «мужицкія» темы.

Присматриваясь къ содержанію «Деревни», «Антона Горемыки» и «Рыбаковъ», вы прежде всего замѣчаете у Григоровича здоровый ростъ и писательскаго сознанія и непосредственно-художественныхъ дарованій автора. Что такое разсказъ «Деревня»? Это, быть можетъ, меньше всего разсказъ, повѣствованіе. Гигантъ зачастую какой-то изумительной критической прозорливости, Бѣлинскій, въ 1847 году, рѣшительно объявилъ, что у Григоровича «нѣтъ ни малѣйшаго таланта къ повѣсти». И призналъ при этомъ у нашего автора, «замѣчательный талантъ» для тѣхъ очерковъ общественнаго быта, которые теперь получили въ литературѣ названіе «физіологическихъ». Теперь, на нашихъ глазахъ уже совершился весь полный процессъ развитія литературной личности Д. В. И мы не согласимся безусловно ни съ тѣмъ ни съ другимъ утвержденіемъ Бѣлинскаго. Но сравнительная слабость повѣствовательныхъ сторонъ въ талантѣ Григоровича, немало написавшаго — намъ, еще виднѣе, пожалуй. А нравственно-общественный смыслъ позднѣйшихъ произведеній Д. В. намъ дорогъ, поскольку въ нихъ авторъ — гуманистъ бичуетъ своими бытописаніями, своими, если хотите, «физіологическими очерками», — язвы и недуги мѣткаго филантропизма». Героиня «Деревни» — крестьянка Акулина. Въ этомъ, пожалуй, и вся «народность» ея характеристики. И своими словами авторъ знакомитъ насъ съ душевнымъ міромъ Акулины въ самыхъ общихъ, какихъ-то «дымныхъ», по любимому выраженію Достоевскаго, очертаніяхъ. На всемъ протяженіи разсказа, она почти ни слова не произноситъ отъ себя. Акулина оттѣнена, написана извѣстными красками, изваяна, если хотите; но она неопредѣленная, живая личность, возсозданная словеснымъ творчествомъ. Да и во всемъ разсказѣ — имѣются пейзажи, живописанія тѣхъ или другихъ сторонъ крестьянской жизни, жанровыя картинки, что ли; но нѣтъ настоящаго движенія, «не слышно шуму» отъ людей, отъ деревни. И все-таки «Деревня» въ 1846 г. явилась именно народнической новинкой и даже большой новинкой. «Взгляните, вотъ наша деревня, призывалъ гуманистъ авторъ, въ ней свой женскій вопросъ, своя педагогія, въ ней живетъ Акулина, о которой до сихъ поръ не писали съ такими подробностями для людей изъ общества!

Безъ всякой слащавости отмѣчаетъ авторъ свои наблюденія надъ деревней. Страсть къ «битью», подзатыльникамъ, пинкамъ, нахлобучникамъ, затрещинамъ и вообще всякимъ подобнымъ способамъ полированія крови—не послѣдняя страсть въ простомъ человѣкѣ. Ужъ врожденная ли она, или развилась чрезъ круговую поруку—Богъ ее вѣдаетъ; вѣрнѣе, что черезъ круговую поруку». Или: и самый нѣжный отецъ, самая заботливая мать съ невыразимой безпечностью предоставляютъ свое дѣтище на волю судьбы, нисколько не думая даже о физическомъ развитіи ребенка, которое считается у нихъ главнымъ, въ то же время единственнымъ, ибо ни о какомъ другомъ и мысль не заходитъ имъ въ голову». Это во всякомъ случаѣ уже не сентиментальные отзывы!

Внимательный читатель, останавливаясь на изображеніяхъ и разсужденіяхъ автора «Деревня», не выноситъ однако впечатлѣнія, что въ крестьянскомъ быту дѣйствуютъ особыя низшія человѣческія существа, заслуживающія гуманнаго къ себѣ отношенія только потому, что блаженъ мужъ, иже и скоты милуетъ. Нѣтъ: скорѣе представляется, будто автору не приходилось глубже и шире задумываться надъ всею совокупностью отношеній и порядковъ, созидающихъ и поддерживающихъ рѣзкое выдѣленіе—мужика и барина. Магическія слова просвѣщеніе и невѣжество словно... слишкомъ многое поясняютъ для автора. А вѣдь стоитъ только запасть въ душу человѣка невѣжественному предубѣжденію, стоитъ только разъ напитаться ей злобой, — и уже ничѣмъ, никакими доводами и убѣжденіями, никакими силами не вытеребить ихъ оттуда. И сострадательность, и всякое другое побужденіе пошло тогда къ чорту: все черствѣетъ въ ней и притупляется; овладѣвшее ею разъ чувство какъ бы все болѣе и болѣе укрѣпляется и, укрѣпляясь, глушитъ въ ней остальное». Человѣкъ невѣжественый, выходитъ, нѣсколько сродни типу прирожденнаго преступника у иныхъ современныхъ антропологовъ! Антонъ Горемыка—уже гораздо болѣе драматичнѣе и живое по содержанію произведеніе Григоровича, сильнѣе захватывающее жизненную глубь, ярче и отчетливѣе рисующее намъ крестьянскую толпу, осязательнѣе и полнѣе характеризующее и личность самого героя. Антонъ—мягкій человѣкъ, честный, «смиренникъ», страдающій отъ «хищниковъ».

Но и «хищники» здѣсь не прирожденные злодѣи. Тутъ во всемъ «круговая порука» безправія и безсудія, алчности и нищеты, всяческой духовной темноты и неустройства. Авторъ какъ-будто все серіознѣе проникается сознаніемъ крѣпостническаго зла и безурядицъ. Уродливость окружающаго житья-бытья все горячѣе чувствуется имъ. Словно и дарованіе его болѣе раскрывается, вмѣстѣ съ ростомъ внутренняго міра писателя человѣка. Но не то онъ боится какой-то неудобной обмолвки, не то въ немъ самомъ происходитъ ломка и борьба. Крестьяне въ повѣсти чуть не на каждомъ шагу какъ-то оговариваются на счетъ отношеній между мужикомъ и бариномъ. Слышимъ мы усиленныя жалобы на лютыхъ нѣмцевъ-управляющихъ,

на спесивыхъ мужиковъ: «эти-то, что изъ нашего брата, да еще изъ нѣмцевъ—хуже; особливо, какъ господа дадутъ имъ волю, да сами не живутъ въ вотчинѣ; бѣда! того и смотри начудятъ того, что вѣкъ поминать станешь... не изъ тучки, сказывали намъ старики наши, громъ: изъ навозной кучки!» Ироническій и заунывный Некрасовскій мотивъ: «вотъ пріѣдетъ баринъ»—звучитъ у Григоровича во многихъ даже произведеніяхъ цѣлымъ аккордомъ... достаточно сложнымъ и недостаточно опредѣленнымъ: «Молодые господа наши, сынъ да дочь, въ Питерѣ живутъ: мы ихъ николи и въ глаза-то не видали... вѣстимо, братцы, кабы они здѣсь жили или понавѣдывались, примѣрно, хоть на время, такъ она была причина... у насъ господа по отцу, добрые, хорошіе, грѣхъ сказать, чтобы зла кому пожелали, дай имъ Господь за то много лѣтъ здравствовать! Вотъ мой братъ былъ въ Питерѣ и говоритъ: «господа важные! Да гдѣ жъ имъ самимъ до всего доходить?...»

Постоянно кроткій и съ дѣтьми и со всѣми членами семьи, необыкновенно терпѣливый, на каждомъ шагу обнаруживающій свою набожность, Антонъ кажется инымъ слишкомъ «сентиментальнымъ», сентиментальнымъ въ смыслѣ нѣкоторой ненатуральности, дѣланности. Быть можетъ. Но изъ-за этихъ недостатковъ исполненія мы еще не въ правѣ признавать Григоровича «народникомъ ложнымъ», не въ примѣръ прочимъ — «настоящимъ». Неоспоримо, что сентиментализмъ у писателя, въ періодъ самобытнаго развитія литературы, чаще и проще поясняется извѣстною слабостью художественныхъ силъ автора. Каковы, напр., люди благочестія у Лѣскова или смиренники у Толстого? Это могуче вліяющіе и увлекающіе образы. У современныхъ, и совсѣмъ подчасъ маленькихъ народниковъ—мужики словно естественнѣе и правдоподобнѣе, нежели у Григоровича. Но это потому только, что за ними не одинъ опытъ жизни и науки, но и просто литературная школа и предшественники. И первые шаги въ этомъ направленіи сдѣланы, между прочимъ, и старымъ народникомъ Д. В. Григоровичемъ. Языкъ у современныхъ безчисленныхъ баллетристовъ—народниковъ то цѣликомъ «мужиковствующій», то обыкновенное изложеніе автора, возсоздающаго рѣчи и мысли крестьянина. Должно сказать, что и тутъ иное заложено Д. В. Григоровичемъ, которому подчасъ хорошо давались и ярославскіе и говоры вообще средней Россіи. Умѣлъ передавать онъ и просто-безхитростныя объясненія русскаго простолюдина. Исторія литературнаго народничества впишетъ въ свою лѣтопись «Антона Горемыку», который, повторяемъ, появился въ 1847 году.

Подводя, въ заключеніе, свои итоги мы высказались бы такъ. Имя Д. В. Григоровича будетъ вписано въ исторію русской литературы, какъ писателя безъ первоклассныхъ талантовъ, но просвѣщеннаго и гуманнаго, положившаго первое начало народнической беллетристикѣ. Исторія не отыметъ у Григоровича піонерства въ своемъ родѣ, хотя для общественнаго сознанія нашихъ современниковъ за-

стилаютъ тутъ дорогу впечатлѣнія отъ высокоталантливыхъ твореній лучшихъ русскихъ соціологовъ и психологовъ въ литературѣ—Тургенева, Достоевскаго и др. Правильно поставивъ историческую перспективу и безпристрастно оттѣнивъ личныя художественныя силы Григоровича, не станемъ мы его упрекать и въ излишнемъ сентиментализмѣ при воспроизведеніи мужика. Иныя добродѣтельныя, словно пейзанскія фигуры изъ сочиненій Григоровича частью цѣликомъ повторились у гр. Л. Н. Толстого, ихъ называютъ теперь «тенденціозными» (и совершенно справедливо), но художественной мощи ихъ возсозданія никто не оспариваетъ. И даже, напротивъ, повторяемъ, у Григоровича рѣзче бросается въ глаза нѣсколько сухой объективизмъ изображенія. И тутъ онъ скорѣе открылъ дорогу антисентиментализму, антипейзанству.

Рѣшаемся утверждать, что безъ Григоровича былъ бы хронологически невозможенъ и такой крупный нашъ народникъ, какъ Г. И. Успенскій, который, кстати, такъ же, пожалуй, идеализировалъ подчасъ кулаковъ и власть земли, какъ и Григоровичъ Глѣба Савиныча и простое рыбачество. Человѣчество же, любовь къ своему непривилегированному собрату, Григоровичъ доказалъ посильнымъ тщательнымъ изученіемъ самыхъ мелкихъ подробностей его быта и жизни отдѣльныхъ его представителей. Настолько основательно подчасъ заглядывалъ нашъ старый народникъ и во внутренній міръ мужика, что безъ подобнаго предшественника исторически не представимы и такіе второстепенные, но искренніе народники, каковъ, напр., г. Нефедовъ. Въ лучшихъ его очеркахъ мы, дѣйствительно, живемъ иногда съ мужикомъ—сочеловѣкомъ нашимъ. Задушевнѣе всего выходили у Григоровича нападки на мнимую филантропію. Ибо онъ и самъ былъ филантропомъ, но уже настоящимъ въ своихъ дѣтскихъ силуэтахъ, въ нѣкоторыхъ женскихъ типахъ, въ изображеніи, напр., Карачаева (въ «Проселочныхъ дорогахъ») и др., въ своихъ сношеніяхъ съ нижними людьми на кораблѣ «Ретвизанъ», наконецъ, въ общемъ тонѣ почти всѣхъ своихъ сочиненій.

Налимовъ.

Григоровичъ, какъ бытописатель русской деревни, съ точки зрѣнія нѣмецкаго критика.

Въ «Allgemeine Kunst-Chronik» напечатана весьма сочувственная и вполнѣ основательная статья Голанта о Д. В. Григоровичѣ, написанная къ пятидесятилѣтнему юбилею его литературной дѣятельности. Маститый юбиляръ охарактеризованъ въ ней, какъ бытописатель русской деревни. Голантъ, прежде всего выставляетъ на видъ, что въ Россіи литература издавна была вѣрнымъ зеркаломъ жизни и со временъ Пушкина и Гоголя, своими безсмертными поэтическими созданіями, нанесшими послѣдній ударъ романтизму и основавшими реалистическую школу, стала самымъ точнымъ отраженіемъ

всѣхъ явленій въ жизни русскаго народа. Всякія горести, всякія нужды, всѣ экономическіе и духовные изъяны тогдашняго русскаго общества находили сильное и вѣрное выраженіе лишь въ художественныхъ созданіяхъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Понятно, поэтому, что плеяда талантливыхъ писателей, обогащавшихъ литературу этого періода своими произведеніями, оказала великую услугу не только какъ плеяда художниковъ, но и какъ общественныхъ реформаторовъ. Реалистическимъ, художественнымъ изображеніемъ условій своей родины они проложили дорогу реформамъ Александра II и тѣмъ самымъ оказали благотворное вліяніе на всю жизнь Россіи.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей русской литературы сороковыхъ годовъ явился Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, какъ создатель повѣствованій о русской деревнѣ. Ему удалось показать русскому обществу эту деревню до уничтоженія крѣпостного права въ несравненныхъ, художественно законченныхъ и богатыхъ красками картинахъ. Жизнь русскаго крестьянина въ его многочисленныхъ романахъ, повѣстяхъ и разсказахъ передана такъ полно, что ее видишь передъ собой во всѣхъ ея фазисахъ и стадіяхъ. Тургеневъ и Писемскій также изображали русскую деревню, но ни у одного изъ нихъ не найдешь такого богатаго собранія типовъ крестьянъ, обычаевъ и нравовъ русскаго народа, какъ въ сочиненіяхъ Григоровича. Тургеневъ въ своихъ «Запискахъ охотника» мало доступенъ массѣ. Сверхъ того, Тургеневъ не любитъ долго останавливаться на бытѣ русскаго крестьянина и всѣ явленія этой жизни облекать въ художественную форму. Писемскій въ своихъ очеркахъ русской деревни касается только комическихъ сторонъ русскихъ крестьянъ. Только Григоровичъ изображаетъ русскую деревню съ рѣдкой обстоятельностью и точностью, съ поразительной простотой, и при этомъ онъ полонъ любви и нѣжности, состраданія и печали къ обездоленному крестьянину. У Григоровича можно прослѣдить жизнь русскаго крестьянина отъ колыбели до могилы его. Поэтому-то разсказы Д. В. изъ крестьянской жизни производили такое сильное вліяніе на тогдашнее русское общество, поэтому-то его художественно законченныя картины изъ быта русской деревни довели до самосознанія русскую интеллигенцію.

Длинный рядъ разнообразныхъ типовъ въ повѣствованіяхъ Григоровича—всѣ эти пахари, рыбаки, пастухи, бродяги, нищіе, странствующіе торговцы, фабричные рабочіе, цыгане, акробаты, — взяты непосредственно, изъ дѣйствительности. Всѣ они дышатъ правдой и оригинальностью и отличаются особеннымъ блескомъ красокъ. Талантъ его въ живописи сослужилъ ему свою службу, ибо всякое изъ его описаній, особенно описаніе своеобразныхъ красотъ русской природы, обличаетъ въ немъ талантливаго пейзажиста съ кистью и палитрой. Если же ко всему этому прибавить мужество и возвышенность, ясность и упорство, съ какими Григоровичъ вскрывалъ омерзительныя и

зіявшія раны крѣпостничества, то дѣятельность нашего юбиляра получитъ огромное значеніе не только какъ крупнаго писателя, но и какъ борца за свободу и права человѣка.

Изъ „Новаго Времени“ за 1893 г.

Отношеніе Григоровича къ своимъ предшественникамъ.

Несправедливо было бы отрицать связь характера литературной дѣятельности Григоровича съ тѣмъ, что дала русская литература до него, и съ эпохой, когда писалъ Григоровичъ. Связь эта существуетъ и очевидна. Изъ писателей несомнѣнное вліяніе на направленіе литературной дѣятельности Григоровича оказали—изъ русскихъ: Пушкинъ и Гоголь, изъ иностранныхъ — въ особенности Жоржъ-Зандъ и Диккенсъ.

Пушкинъ, этотъ гуманнѣйшій изъ поэтовъ, хотя и не изображавшій спеціально народнаго быта, но понявшій русскій народъ и постигшій его, по выраженію Достоевскаго, «въ такой глубинѣ и обширности», какъ никогда и никто, обнаруживши въ своихъ произведеніяхъ горячую любовь къ нему, которая заставила его высказать благородное пожеланіе:

Увижу ли народъ не угнетенный
И рабство, падшее по манію царя,

былъ первымъ и главнымъ учителемъ нашего писателя.

Натурализмъ Гоголя, его обращеніе къ изображенію отрицательныхъ явленій русской жизни, его смѣхъ сквозь слезы надъ ненормальностями ея, — смѣхъ, полный сочувствія къ погрязшему въ нравственной тьмѣ собрату; его поэтическія изображенія сельской природы и нравовъ въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки» также подготовляли почву для появленія произведеній изъ простонароднаго быта съ той гуманной окраской, которую мы находимъ у Григоровича.

Жоржъ-Зандъ въ сороковые года была любимѣйшею европейскою писательницею. Громаднымъ успѣхомъ пользовались ея разсказы изъ жизни французскихъ крестьянъ. Прикрашенные идиллическимъ изображеніемъ сельской жизни, эти разсказы должны были служить подтвержденіемъ горячей проповѣди этой писательницы о необходимости свободы отъ цѣпей различныхъ общественныхъ условностей, давящихъ свободное проявленіе человѣческой личности. Въ общемъ тонѣ народныхъ произведеній Григоровича, въ нѣсколько сентиментальной и идиллической окраскѣ крестьянскаго быта чувствуется манера Жоржъ-Зандъ.

Не менѣе замѣтно на произведеніяхъ Григоровича и вліянія англійскаго писателя Диккенса. Яркое изображеніе послѣднимъ участи различнаго рода горемыкъ, страдающихъ отъ несовершенствъ обще-

ственнаго устройства, нашло въ сердцѣ русскаго писателя горячій откликъ и оставило ясные слѣды на его творчествѣ. Вліяніе Диккенса на Григоровича чувствуется не только въ выборѣ послѣднимъ сюжетовъ для народныхъ произведеній, изображающихъ въ большинствѣ случаевъ различныя заключенія и неурядицы въ бытовой жизни крестьянъ въ противовѣсъ широкой и безпечальной помѣщичьей жизни, но также въ широкомъ и подробномъ воспроизведеніи описываемаго быта съ особеннымъ пристрастіемъ къ сценамъ изъ семейной и дѣтской жизни и въ юмористическомъ изображеніи дѣйствительности, что составляетъ характерныя черты романовъ англійскаго писателя.

Даже на технической сторонѣ произведеній Григоровича отразились черты творчества Диккенса: введеніе, напр., часто встрѣчаемыхъ у Григоровича отдѣльныхъ разсказовъ, вкладываемыхъ въ уста дѣйствующихъ лицъ и не имѣющихъ связи съ развертывающимся въ произведеніи повѣствованіемъ, составляетъ несомнѣнный результатъ подражанія нашего писателя знаменитому англійскому романисту.

Есть у Григоровича произведеніе, представляющее изъ себя непосредственное, самое близкое подражаніе этому писателю: это романъ — «Проселочныя дороги», сильно напоминающій романъ Диккенса: «Записки Пиквикскаго Клуба» здѣсь цѣликомъ воспроизведенъ безсмертный образъ одного изъ героевъ этого романа — Джингля, съ его характернымъ лаконическимъ стилемъ въ лицѣ нѣкоего Попельковскаго. Копія вышла несравненно слабѣе своего оригинала, но сохранила всѣ его существенныя черты.

Щукинъ.

Значеніе Григоровича въ области живописи и художественной промышленности.

Въ области живописи и художественной промышленности Григоровичемъ оказаны громадныя услуги, повидимому, еще недостаточно оцѣненныя. Вліяніе его въ «Обществѣ поощренія художниковъ» было въ высшей степени полезно для этого маленькаго, но весьма важнаго учрежденія, которому наше молодое искусство было очень многимъ обязано. Григоровичъ неуклонно направлялъ «Общество» къ его главной цѣли — воспитанію талантливыхъ художниковъ, такъ сказать, пропущенныхъ нашей Академіей или развившихся внѣ ея. Въ этомъ отношеніи довольно указать на попеченія, какими Григоровичъ окружилъ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ пейзажистовъ, Васильева, къ прискорбію унесеннаго смертью почти въ самомъ началѣ поприща.

Руководимое Григоровичемъ «Общество поощренія художниковъ» представляло собою какъ бы частную академію, во многомъ дополнявшую и поправлявшую академію офиціальную. Эта частная ака-

демія была менѣе проникнута классическою рутиною и болѣе доступна новымъ вѣяніямъ и теченіямъ въ искусствѣ. Въ ней жилъ литературный духъ, котораго сильно недоставало казеннымъ академикамъ, и она была ближе, роднѣе молодымъ талантамъ. Въ 70 годахъ маленькіе ежегодные конкурсы на преміи «Общества» привлекали общее вниманіе и сочувствіе, и на этихъ конкурсахъ нерѣдко можно было видѣть произведенія, мало уступавшія тому, что выставляла академія.

Еще большее значеніе имѣетъ дѣятельность Григоровича, какъ учредителя и перваго собирателя художественно-промышленнаго музея. Это учрежденіе всецѣло обязано его обширнымъ знаніямъ и неутомимой энергіи коллекціонера. Григоровичъ каждый годъ ѣздилъ за границу, изучилъ тамошніе музеи, заказывалъ копіи моделей, посѣщалъ лавчонки bric-à-brac, нерѣдко пріобрѣтая тамъ за безцѣнокъ замѣчательныя вещи, и вообще былъ и создателемъ и душою перваго у насъ собранія художественно-промышленныхъ образцовъ. Увлеченіе его этимъ дѣломъ съ годами только росло, какъ росло и самое дѣло: музей пріобрѣлъ помѣщеніе въ собственномъ зданіи, возникла рисовально-живописная школа и т. д.

Личность Григоровича была какъ бы создана для такихъ культурно-общественныхъ предпріятій. Всегда живой, воодушевленный, въ высшей степени общительный, онъ умѣлъ располагать нужныхъ людей къ интересующему его дѣлу и возбуждать жизнь тамъ, куда проникало обаяніе его неутомимой энергіи и его остроумной, мѣткой, сангвинической рѣчи. Тѣсные круги нашего высшаго свѣтскаго общества должны были по достоинству оцѣнить оживленіе, вносимое имъ въ ихъ среду. Наполовину французъ по происхожденію, Григоровичъ отличался всѣми качествами умнаго, блестяще-образованнаго, всегда интереснаго собесѣдника. Про него можно было сказать, что его разговоръ часто давалъ больше, чѣмъ его литературныя произведенія.

Вліяніе Григоровича на нашихъ художниковъ было важно именно въ томъ отношеніи, что онъ какъ бы создавалъ связь между пластическими искусствами и литературою. Въ противоположность съ европейскими столицами, въ Петербургѣ было очень мало общенія между писателями и художниками. Между тѣмъ нигдѣ искусство не состояло въ такой зависимости отъ литературныхъ теченій, какъ именно у насъ съ 60 годовъ. Реалистическая критика и натуралистическая беллетристика того времени совершенно подчинили себѣ возникавшую тогда русскую школу. Но это было какое-то эпидемическое подчиненіе, распространявшееся заразнымъ путемъ, огульно и зачастую нелѣпо. Художники подпали давленію низшихъ теченій, не замѣчая, что въ журналистикѣ это было только преходящее судорожное движеніе, и какъ бы не подозрѣвая, что надъ литературою новыхъ формъ и тенденцій стояла зрѣлая художественная литература, еще блиставшая въ то время всѣми своими лучшими именами. Случалось такъ, что богатыя прелестными образами и картинами произведенія

Тургенева, гр. Толстого, Гончарова проходили совершенно безслѣдно для вдохновенія художниковъ, тогда какъ произведенія новыхъ авторовъ, съ ихъ отрицательнымъ народничествомъ и фальшивою тенденціозностью, чуть не цѣликомъ переносились на полотно нашихъ художественныхъ выставокъ. Блестящая и тонкая игра настроеній въ поэзіи Майкова, Фета, Полонскаго точно такъ же ничего не говорила нашимъ художникамъ, и они охотнѣе искали мотивовъ въ какихъ-нибудь сатирическихъ куплетахъ, распѣваемыхъ съ подмостковъ. Объясняется это, конечно, слабымъ образовательнымъ уровнемъ большинства тогдашнихъ художниковъ и отсутствіемъ общенія ихъ съ писателями, составлявшими настоящую литературную силу.

А. О.

Вчера, въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художниковъ послѣдовало годовое собраніе, отличавшееся отъ предыдущихъ. Секретарь Общества, извѣстный нашъ писатель Д. В. Григоровичъ, оставилъ свою должность, которую онъ занималъ много лѣтъ. Это Общество, образовавшееся благодаря частнымъ пожертвованіямъ и пособіямъ отъ правительства, представляетъ замѣчательный примѣръ быстраго и вмѣстѣ съ тѣмъ прочнаго развитія. Оно не только помогало художникамъ помощію премій, продажею ихъ картинъ и проч., но образовало первый художественно-промышленный музей и школу прикладныхъ искусствъ, распространившую художественное образованіе. Душою этого Общества былъ Д. В. Григоровичъ. Ради тѣхъ художественныхъ цѣлей, которыя преслѣдовало Общество, Григоровичъ, въ цвѣтѣ развитія своего литературнаго таланта и своей извѣстности, почти бросилъ занятія литературою и отдался всѣмъ сердцемъ новому дѣлу. Онъ собралъ по Европѣ драгоцѣннѣйшіе образцы художественной промышленности и работалъ по образованію музея и школы съ тѣмъ знаніемъ дѣла и съ тою, можно сказать, несокрушимою энергіей, которыя у насъ такъ рѣдки. Онъ всего себя отдалъ этому дѣлу, которое и выросло благодаря тому, что въ него вложена была вся душа человѣка. Эта дѣятельность не бросается въ глаза, о ней не кричатъ, но о ней говорятъ прочные результаты, она закладываетъ цѣлую систему учрежденій подобнаго рода, образуетъ своего рода науку въ наглядной и неустанной дѣятельности лица, которое такъ превосходно обнимало и сооружало и подробности и общій планъ. Кто видѣлъ эту дѣятельность Д. В. Григоровича, кто наблюдалъ за нею изо дня въ день, кто видѣлъ, какъ отъ его вниманія ничто не ускользало и какой царствовалъ всюду у него порядокъ, кто видѣлъ его готовность жертвовать своимъ трудомъ, знаніемъ и временемъ тому дѣлу, которымъ онъ распоряжался, — тотъ можетъ оцѣнить, какъ этотъ человѣкъ много сдѣлалъ, и какой онъ даровитый администраторъ.

Общество цѣнило эти труды. Оно сдѣлало вчера цѣлую овацію ему, оно положило поставить его бюстъ въ залахъ Общества. Этотъ

«секретарь» Общества въ сущности былъ его внимательнымъ, умнымъ, знающимъ и экономнымъ хозяиномъ, который никогда не откладывалъ назавтра того, что надо было сдѣлать сегодня, и самъ дѣлалъ все то, что могъ сдѣлать самъ. Разставаясь съ Обществомъ, Д. В. Григоровичъ хочетъ снова отдаться литературѣ и привести въ порядокъ тотъ обширный матеріалъ воспоминаній, замѣтокъ, начатыхъ литературныхъ трудовъ, который накопился у него въ эти долгіе годы служенія художественному образованію. Государь императоръ наградилъ Григоровича орденомъ Владиміра 3-й степени за «особенно-полезную дѣятельность и услуги, оказанныя имъ Императорскому Обществу поощренія художниковъ». Кромѣ того, какъ мы слышали, къ той пенсіи, которую онъ получалъ (въ размѣрѣ 1500 р.), прибавлена еще такая же сумма.

Императорское Общество поощренія художниковъ поставлено теперь твердо и въ развитіи его не можетъ быть сомнѣнія. Уходя изъ него, Д. В. Григоровичъ имѣетъ полное право сказать, что онъ сдѣлалъ все, что зависѣло отъ него, что онъ, дѣйствительно, положилъ на это дѣло всѣ лучшія свои силы, всю свою душу и оставилъ прекрасное имя въ исторіи развитія русскаго художественнаго образованія, какъ оставитъ онъ такое же имя въ исторіи русской литературы.

Разработка этнографіи и изученіе народной словесности съ 30-хъ годовъ въ связи съ живымъ и теплымъ участіемъ къ народу.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ появляются первые труды по собственно-этнографическому изученію русскаго народа, имѣвшіе научное достоинство: собранія пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, преданій, описанія нравовъ и обычаевъ, старины, народнаго искусства и т. д. Это были въ особенности труды Снегирева, Сахарова, Терещенка; множество пѣсеннаго и иного этнографическаго матеріала стало появляться въ журналахъ. Съ тридцатыхъ годовъ начались другія собранія, изданныя только впослѣдствіи, какъ сборникъ П. Кирѣевскаго, предпріятіемъ котораго былъ заинтересованъ Пушкинъ; какъ собранія пословицъ и сказокъ Даля, какъ его «Толковый Словарь», изданный имъ въ шестидесятыхъ годахъ, въ концѣ жизни.

Въ эту пору этнографическія изслѣдованія исходятъ уже изъ сознательнаго намѣренія изучить въ содержаніи народной поэзіи и преданіяхъ старины истинный характеръ народа, въ его подлинныхъ выраженіяхъ — съ послѣдней цѣлью воспринять народную стихію въ складъ и интересы общественной жизни. Правда, чувствовалось это смутно, выражалось часто съ натянутою сентиментальностью въ мнимо-народномъ вкусѣ тогдашней офиціальной народности (особливо у Сахарова), съ недостаткомъ критики, но иногда съ немалымъ знаніемъ и искуснымъ объясненіемъ древности (особенно у Снегирева).

Вообще, это были еще первыя попытки собиранія, внушенныя развитіемъ исторической науки, романтическимъ интересомъ къ старинѣ и ростомъ общественнаго сознанія. Настоящая научная точка зрѣнія на предметъ и пріемы изслѣдованія еще далеко не выработана (въ этомъ послѣ помогла западная, особливо нѣмецкая наука); у ревнителей этнографіи попадались поддѣльныя, будто бы народныя произведенія (у Сахарова, въ «Запорожской Старинѣ» Срезневскаго), разоблаченныя только въ послѣднее время, хотя вообще понималась уже и объяснялась необходимость изучать произведенія народной поэзіи въ ихъ подлинномъ видѣ. Но, несмотря на молодость дѣла, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно велось съ замѣчательнымъ умѣньемъ и на подкладкѣ цѣлой обдуманной теоріи (труды Петра Кирѣевскаго).

Къ изученію народа великорусскаго присоединялось ревностное изученіе малорусской старины и народности патріотами южнорусскими. Еще около 1820 года издано было кн. Цертелевымъ первое собраніе малорусскихъ народныхъ пѣсенъ; затѣмъ слѣдовали болѣе или менѣе богатые и оригинальные сборники Максимовича, Срезневскаго, Метлинскаго; въ сороковыхъ годахъ явилось замѣчательное по своему времени сочиненіе Костомарова «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи» (1843 г.; главнымъ образомъ, однако, малорусской).

Этнографическіе интересы особенно были усилены новымъ научнымъ движеніемъ, идущимъ также съ тридцатыхъ годовъ,—начавшимся изученіемъ славянскаго міра, западнаго и южнаго. Учрежденіемъ въ университетахъ каѳедръ славянскихъ нарѣчій правительство императора Николая,—какъ ни сурово вообще относилось оно къ умственной жизни общества, — оказало общественной образованности великую услугу, какъ подобную услугу оказало учрежденіе Археографической экспедиціи и комиссіи. Та и другая мѣра отвѣтила на возникавшую потребность; дѣло объ археографической экспедиціи началось по частной иниціативѣ, славянскія изученія также начались раньше офиціальнаго признанія ихъ необходимости (Шишковъ, Востоковъ, Каченовскій, Калайдовичъ, Венелинъ, Срезневскій, Бодянскій). Для основанія славянскихъ каѳедръ въ университетахъ въ концѣ 30-хъ годовъ послано было въ славянскія земли нѣсколько молодыхъ ученыхъ, которые уже дома были отчасти приготовлены къ этому поприщу упомянутымъ этнографическимъ романтизмомъ. Путешествіе развило у нашихъ первыхъ славистовъ этотъ романтизмъ до цѣлой теоріи, гдѣ первобытная архаическая, наивная народность какъ бы противополагалась искусственной цивилизаціи и ставилась для нея примѣромъ и руководствомъ. Эта теорія, отчасти близкая къ славянофильству, но во многомъ съ нимъ несогласная, внушена была зрѣлищемъ возрожденія славянскихъ народностей; никогда достаточно не объясненная этими первыми славистами въ примѣненіи къ общественной практикѣ, она была туманна, но принесла свою долю пользы: внушала любовь къ народу, учила цѣнить народную личность

хотя бы дѣйствительное примѣненіе этого поученія дало и не тотъ результатъ, какой предполагали бы первые слависты. Съ этими изученіями въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ русской литературѣ впервые точно были опредѣлены *этнографическія* отношенія русскаго народа къ остальному *славянству*. Эти отношенія, какъ извѣстно, обратили на себя вниманіе уже давно; еще съ XVII вѣка у Крижанича высказана была политическая славянская теорія: онъ помышлялъ о возможности славянскаго союза, даже единства подъ главенствомъ Россіи. Эта политическая идея, оставшаяся у Крижанича одинокою и неясно мелькавшая потомъ въ теченіе XVIII вѣка, въ новѣйшее время въ новой окраскѣ повторилась у одного кружка декабристовъ; о ней напоминали политическія событія (какъ освобожденіе Сербіи); въ тридцатыхъ годахъ возникали цѣлые панславистическіе планы (у Погодина). Другіе могли не дѣлить этихъ мечтаній, по крайней мѣрѣ откладывали ихъ на далекое будущее и руководились только интересомъ къ единоплеменнымъ народамъ и помышляли о нравственномъ союзѣ; но во всякомъ случаѣ было очевидно, что какое-нибудь здравое слѣдованіе по этому пути возможно было бы только при ближайшемъ знакомствѣ съ этнографическими и историческими отношеніями: непосредственныхъ связей не было, мысль возникала изъ племенныхъ инстинктовъ; освѣтить ее могло только научное знаніе

Изученіе славянства чрезвычайно благопріятно подѣйствовало и на разработку самой русской этнографіи,—собственно говоря, оно впервые дало ей настоящее основаніе, указавъ для древнѣйшей поры народности ея общеславянскую основу. Явилась возможность сравненія языка; сравненія миѳовъ, преданій, поэзіи; сравненія бытовыхъ учрежденій и обычаевъ, и, въ концѣ концовъ, опредѣленія общеславянскихъ свойствъ русской народности и ея исключительныхъ особенностей. Съ другой стороны, знакомство съ славянскимъ возрожденіемъ указало примѣръ того благотворнаго дѣйствія, какое забота о народности можетъ оказать на національное самосознаніе племенъ, раскрывая для нихъ дорогу просвѣщенія, поднимая и матеріальныя и нравственныя ихъ силы. Наконецъ, оно открывало для нашихъ ученыхъ литературы западнаго славянства, до тѣхъ поръ почти совершенно у насъ не извѣстныя, но представлявшія уже не мало замѣчательныхъ трудовъ по славянской древности и этнографіи (Добровскій, Шафарикъ, Копитаръ, Палацкій, Караджичъ и проч.).

Такимъ образомъ, расширеніе научной области все больше расширяло интересы народности въ общественномъ сознаніи; все болѣе раздвигался горизонтъ наблюденій, размножался матеріалъ фактовъ, увеличивалось разнообразіе точекъ зрѣнія, съ которыхъ должно быть изучаемо явленіе столь великое и сложное, какъ народная жизнь и народная сущность. Съ тридцатыхъ годовъ, когда такъ возросла масса историческаго матеріала, возникаютъ первые признаки научнаго движенія, которое развилось позже, въ сороковыхъ годахъ,

и ввело новые способы историческаго изслѣдованія. Въ передовыхъ кружкахъ недолгое вліяніе Шеллинговой философіи смѣняется господствомъ гегеліанства: это философское направленіе — при всѣхъ односторонностяхъ, въ какія впадало у насъ, какъ въ Германіи — имѣло то благотворное вліяніе, что заставляло искать общихъ основаній въ исторіи народа или руководящей идеи, объяснять событія народной жизни не одними толкованіями тѣснаго прагматизма, но цѣлымъ складомъ основной народной сущности. Исторія переставала быть массой случайныхъ лицъ и событій, исполняющихъ ближайшія цѣли, а послѣдовательнымъ развитіемъ національной идеи. Къ той же эпохѣ относится новый непосредственный притокъ европейской, по преимуществу, нѣмецкой науки, какъ путемъ литературы, такъ и путемъ прямого вліянія, чрезъ новый рядъ молодыхъ ученыхъ, посланныхъ за границу готовиться къ занятію каѳедръ, въ особенности права и наукъ гуманитарныхъ.

Въ самой Германіи то было время богатаго развитія историческихъ изученій, и наши ученые усвоивали научные методы или прямо изъ нѣмецкаго университетскаго источника, или изъ открывавшейся передъ ними литературы. Савиньи — въ исторіи права, Риттеръ — въ географіи, Раумеръ, Гервинусъ, Ранке, Лео и проч. — въ политической исторіи, Гриммъ — въ исторіи языка, въ народной миѳологіи и поэзіи, въ археологіи права, Боппъ — въ сравнительномъ языкознаніи, имѣли у насъ своихъ, иногда непосредственныхъ учениковъ. Свое значительное вліяніе имѣла научная литература французская, англійская, — и весь этотъ запасъ новаго знанія отразился на русскихъ изученіяхъ. Историческое пониманіе стало многостороннѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, критика источниковъ достигала замѣчательной тонкости, методъ изслѣдованія пріобрѣталъ точность логической формулы; къ изученію русской старины и народности примѣнены были тогда только что прочно утверждавшіяся новыя науки — сравнительное языкознаніе и сравнительная этнографія.

Появленіе новой школы, опредѣленно заявившей себя въ сороковыхъ годахъ и развивающейся до сихъ поръ, стало эпохой въ изученіи русской народности. Это были прежде всего труды Соловьева, Кавелина, Забѣлина, Калачова, Неволина, К. Аксакова, Бѣляева, Костомарова; въ области языка, миѳологіи, народной поэзіи — Срезневскаго, Билярскаго, Каткова; Буслаева, Афанасьева и прочихъ.

Собираніе этнографическаго матеріала приняло въ послѣднія десятилѣтія размѣры, по истинѣ, грандіозные. Здѣсь благотворное вліяніе имѣло основаніе Русскаго Географическаго Общества; разрѣшеніе его было еще заслугой правительства императора Николая для общественнаго образованія, какихъ не представили послѣдующія времена. Въ устройствѣ Географическаго Общества главнымъ дѣятелемъ былъ Литке и особливо Надеждинъ; Надеждинъ и его сотоварищи сумѣли возбудить интересъ къ Обществу, которое вслѣдствіе этого и могло установиться въ широко дѣйствующее предпріятіе.

Общество разослало программы для собиранія всякаго рода этнографическихъ свѣдѣній, получило массу матеріала, который появлялся въ «Этнографическомъ Сборникѣ» и въ періодическихъ изданіяхъ Общества. Рядъ ученыхъ экспедицій, устроенныхъ Обществомъ, далъ замѣчательные географическіе результаты относительно разныхъ краевъ нашего отечества; цѣльная географія Россіи собрана въ богатомъ «Географическомъ Словарѣ» П. П. Семенова и его сотрудниковъ и проч. За послѣдніе годы замѣчательнымъ трудомъ, обязаннымъ Географическому Обществу, были «Труды этнографической экспедиціи въ юго-западный край», Чубинскаго, гдѣ собранъ богатѣйшій этнографическій матеріалъ. Общество стало, наконецъ, развѣтвляться: явился кіевскій, сибирскій (восточный и западный), кавказскій, оренбургскій отдѣлы, которые вели полезную мѣстную дѣятельность. Изъ нихъ кіевскій былъ закрытъ правительствомъ въ послѣдніе годы минувшаго царствованія, успѣвъ въ короткое время заявить себя важными этнографическими трудами.

Въ частности, собранія народныхъ пѣсенъ явились въ рядѣ замѣчательныхъ изданій. Таковы — обширный старый сборникъ Кирѣевскаго, съ дополненіями, изданный Безсоновымъ; сборники Шейна, пѣсенъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ; не большіе, но любопытные сборники Якушкина, Варенцова; обширный галицко-русскій сборникъ Головацкаго; малорусскія пѣсни у Чубинскаго, Рудченка, Антоновича и Драгоманова. Множество небольшихъ мѣстныхъ собраній появлялось въ изданіяхъ Второго отдѣленія Академіи и (еще съ сороковыхъ годовъ) въ журналахъ; дѣтскія пѣсни, Безсонова. Новѣйшее время ознаменовано открытіемъ богатаго запаса еще живого и свѣжаго народнаго эпоса въ олонецкомъ краѣ; это — сборникъ Рыбникова, и въ особенности «Онежскія былины», послѣдній, по истинѣ, монументальный и драгоцѣнный трудъ Гильфердинга. Сказки были изданы Афанасьевымъ, Худяковымъ и др.; пословицы собраны Снегиревымъ, Буслаевымъ, Далемъ. Литература народныхъ картинокъ была излагаема Снегиревымъ и недавно замѣчательнымъ образомъ изучена Д. А. Ровинскимъ.

Въ послѣднія десятилѣтія всѣ указанныя и другія изученія сдѣлали новые обширные успѣхи. Мы можемъ здѣсь только отмѣтить труды — по археографіи: Срезневскаго, Бодянскаго, Горскаго, Бычкова, Андрея Попова, Тихонравова, Викторова и др.; по языку: Срезневскаго, который, между прочимъ, составилъ обширный, нынѣ издаваемый по его бумагамъ, словарь древняго русскаго языка; Буслаева (историческая грамматика русскаго языка), П. Житецкаго (труды по исторіи языка южнорусскаго), Соболевскаго, и въ особенности замѣчательныя грамматическія изслѣдованія Потебни; по объясненію средневѣковой поэзіи: Буслаева, Тихонравова, Кирпичникова, но въ особенности Веселовскаго и Ягича; по исторіи литературы и образованія: Тихонравова, Галахова, Порфирьева, Сухомлинова, Стоюнина, Миллера, Ефремова, Незеленова и др.; по исторіи церкви: Филарета

Черниговскаго, митр. Макарія, Знаменскаго, Голубинскаго. Большое развитіе пріобрѣла исторія бытовыхъ учрежденій, гдѣ должно назвать, кромѣ многихъ изъ упомянутыхъ, имена Бѣляева, К. Аксакова, Тюрина, Кавелина, Калачова, Сергѣевича, Пахмана, Чичерина, Ѳ. Дмитріева и др.; особенное вниманіе изслѣдователей привлекла сельская община и вообще обычное право, обширная литература котораго была описана въ замѣчательномъ трудѣ Евг. Якушкина и проч.

Съ 1850-хъ годовъ въ интересахъ народовѣдѣнія, особливо по языку и народной поэзіи, много работало Второе отдѣленіе Академіи Наукъ, когда въ это отдѣленіе, образованное изъ бывшей Россійской Академіи, вступилъ Срезневскій. Съ тѣхъ поръ и донынѣ въ изданіяхъ Второго отдѣленія явилось множество работъ по русской этнографіи, и въ послѣднее время въ особенности труды Александра Веселовскаго, составляющіе эпоху въ нашихъ изученіяхъ народной поэзіи, миѳологіи, древней письменной и живой народной легенды.

Одновременно со Вторымъ отдѣленіемъ Академіи большую массу матеріала и этнографическихъ изслѣдованій доставило Московское Общество исторіи и древностей, руководимое до второй половины 1870-хъ годовъ Бодянскимъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ возникъ новый дѣятельный органъ народныхъ изученій въ Московскомъ Обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Множество полезныхъ работъ сообщаютъ спеціальныя изданія: «Филологическія Записки», издаваемыя въ Воронежѣ Хованскимъ, и «Р. Филологическій Вѣстникъ», Колосова, потомъ Смирнова, въ Варшавѣ. Впослѣдствіи упомянемъ о массѣ матеріала, который появляется въ изданіяхъ провинціальной литературы.

Славянскія изученія въ послѣднія десятилѣтія также принесли большое количество цѣнныхъ трудовъ, нерѣдко важные не только для русской литературы, но и для самого славянства. Эти изученія исходили отъ университетскихъ каѳедръ или примыкали къ нимъ. Таковы труды: Срезневскаго, П. Лавровскаго, В. Ламанскаго, Макушева, Будиловича, Бодянскаго, Евг. Новикова, А. А. Майкова, Гильфердинга, Котляревскаго, Дринова, Григоровича, Кочубинскаго, П. Ровинскаго и цѣлаго ряда молодыхъ славистовъ, какъ Зигель, Брандтъ, Флоринскій, М. Соколовъ и др.

Не будемъ входить въ подробности тѣхъ изученій, которыя направлены были на экономическое и промышленное состояніе народа. Въ прежнее время эти изученія всего чаще исполнялись офиціально и бюрократическими пріемами; но за послѣднія десятилѣтія, именно съ первой явившейся возможности касаться крѣпостного вопроса, онѣ стали предметомъ сильнаго общественнаго интереса и съ особенною любовью направлялись къ изученію собственно крестьянскаго быта, сказываясь и здѣсь стремленіемъ къ защитѣ народнаго интереса. Эта защита — факты которой (съ конца пятидесятыхъ годовъ) будутъ

причисляться къ благороднѣйшимъ страницамъ русской литературы, когда общество придетъ къ дѣйствительному самосознанію, къ настоящему разумѣнію національной жизни—была параллелью тому теплому живому участію къ народной жизни, которое раньше обнаруживалось въ изученіяхъ народности, проникало лучшія работы въ этнографіи и, какъ дальше увидимъ, одушевляло также наиболѣе жизненныя произведенія новой поэзіи. Съ этихъ политико-экономическихъ и общественныхъ изученій открывается тотъ основной мотивъ, на которомъ донынѣ сосредоточиваются изученія, тревоги и идеалы нашей литературы. Вопросъ слишкомъ труденъ, многосложенъ, притомъ слишкомъ былъ спутанъ и затемненъ реакціей послѣднихъ десятилѣтій, но опытъ, часто, къ сожалѣнію, слишкомъ тяжелый, все больше выясняетъ дѣло и начинаетъ указывать пути, которыми вѣрнѣе можетъ быть достигнуто благо народное и общественное: сказываются недостатки крестьянской реформы, и между прочимъ тѣ, отъ которыхъ предостерегали задолго искреннѣйшіе изъ приверженцевъ реформы; правдивое изслѣдованіе вопроса въ настоящую минуту приходитъ уже нерѣдко къ положеніямъ, какія выставлялись уже за тридцать лѣтъ тому назадъ...

Изъ числа новыхъ изученій упомянемъ, наконецъ, одно, можно сказать, впервые возникшее съ конца пятидесятыхъ годовъ, когда улучшившееся положеніе печати дало нѣкоторую возможность высказываться общественному мнѣнію и научному изысканію. Это—изученіе раскола. До пятидесятыхъ годовъ, оно было, собственно говоря, недоступно литературѣ. Въ печати могъ находить мѣсто только взглядъ, господствовавшій въ администраціи свѣтской и церковной, а для нихъ расколъ былъ только предметъ неустаннаго гоненія. Здѣсь вполнѣ держалась точка зрѣнія XVII столѣтія: расколъ былъ лжеученіе; церковь осуждала и проклинала его. Свѣтское правительство «изучало» его офиціально, черезъ людей съ «особыми порученіями», «совершенно секретно», изучало какъ изучаетъ обвинитель, стараясь разузнать распространеніе зла и его степени, разыскать главныхъ зачинщиковъ и пособниковъ, чтобы потомъ опредѣлить соотвѣтственныя кары и мѣры предупрежденія и пресѣченія. Церковное изученіе было чисто обличительное. Изученіе критическое и свободное не существовало. Когда оно стало, наконецъ, нѣсколько возможно, въ литературѣ тотчасъ высказалось иное отношеніе къ предмету. Во-первыхъ, точка зрѣнія историческая выясняла, что въ условіяхъ своего возникновенія расколъ не былъ вовсе такимъ злонамѣреннымъ преступленіемъ, какимъ по преданію понимала его іерархія и за ней свѣтская власть, что онъ былъ естественнымъ порожденіемъ времени, во многомъ былъ *дѣйствительно* вѣренъ «старой вѣрѣ» и «обряду» XVI—XVII столѣтій, во многомъ былъ слѣдствіемъ скудости просвѣщенія, которымъ московская Россія вообще не была богата, не по винѣ народа;—словомъ, эта точка зрѣнія уже вносила историческое объясненіе и примиреніе. Другая точка зрѣнія вносила это

примиреніе съ иной стороны: образованіе научило вѣротерпимости, указывало общественный вредъ и неразумность преслѣдованія современнаго раскола за его двухвѣковое преданіе, указывало нравственную неприглядность положенія вещей, гдѣ административное подавленіе раскола сводилось на грубые поборы низшихъ полицейскихъ чиновниковъ и духовенства съ раскольничьяго населенія, на отлученіе отъ общественной жизни людей, часто совершенно безобидныхъ, трезвыхъ и трудолюбивыхъ. Эта точка зрѣнія видѣла, что въ результатѣ преслѣдованія получалось только то, что съ одной стороны угнетались люди за искреннюю вѣру, съ другой — въ большинствѣ случаевъ интересъ Церкви (если уже былъ этотъ интересъ въ преслѣдованіи) *продавался* за взятки, извѣстныя всѣмъ кромѣ правительства, — и не могла считать такихъ явленій полезными ни для правительства, ни для Церкви. Наконецъ, для обѣихъ упомянутыхъ точекъ зрѣнія послѣдователи раскола были тотъ же русскій подлинный народъ, и притѣсненіе его было тяжело по чувству «народности», которая въ это же время была провозглашаема офиціально.

Обличительная церковная литература противъ раскола, начавшись въ XVII столѣтіи, продолжалась почти неизмѣнно до послѣдняго времени. Въ «секретной» литературѣ свѣтской, т.-е. чиновнической, извѣстны сочиненія Надеждина, Даля на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ; въ томъ же «секретномъ» періодѣ изучалъ расколъ Мельниковъ, который съ такимъ успѣхомъ въ публикѣ изображаетъ его въ поэтизированныхъ картинахъ впослѣдствіи. Въ числѣ новѣйшихъ обличителей особенно дѣятеленъ г. Субботинъ, сообщавшій, впрочемъ, много фактическихъ данныхъ. Обличеніе, доходившее до скандала и, какъ говорили, до шантажа, имѣло представителя въ Ѳ. Ливановѣ. Съ другой стороны, образовалась уже теперь весьма обширная литература безпристрастныхъ историческихъ изслѣдованій, начиная съ книги Щапова (1857) и до сочиненій Пругавина, Ѳедосѣевца и проч., гдѣ расколъ разсматривается, внѣ обличительнаго богословія, какъ широкое историческое явленіе народной жизни, старой и новѣйшей, какъ явленіе, развивающееся до сей поры и представляющее въ этомъ развитіи многія любопытныя, здоровыя и привлекательныя черты чисто-русскаго національнаго характера. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей, защищая историческую и человѣческую сторону раскола, доходили, наконецъ, и до преувеличеннаго оптимизма... Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ впервые издано было нѣсколько сочиненій раскольничьей литературы, имѣющихъ историческое значеніе.

Вопросъ о вѣротерпимости относительно раскола возникаетъ нынѣ не въ первый разъ. Бывали примѣры, что тягость преслѣдованія смягчалась; старообрядцы находили заступниковъ между сильными людьми, съ помощью которыхъ получали нѣкоторую льготу. Въ самомъ обществѣ пробуждалось если не сочувствіе, то болѣе мягкое отношеніе къ этой ревности въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ;

мистики конца прошлаго вѣка относились сочувственно къ мистическимъ сектамъ раскола; въ первые годы царствованія императора Александра I положеніе раскола нѣсколько улучшилось. Но все это были отдѣльныя счастливыя случайности; въ царствованіе императора Николая всякія облегченія прекратились; общество не знало дѣлъ раскола, и если бъ знало, не могло осмѣлиться о нихъ говорить. Въ настоящее время вопросъ вѣротерпимости становится болѣе и болѣе живымъ общественнымъ интересомъ и выясняется въ публицистической литературѣ—въ пользу примиренія старой церковной вражды, уничтоженія «раскола» въ смыслѣ народно-общественномъ и государственномъ.

Этотъ длинный рядъ разнообразныхъ изученій народа, исходнымъ пунктомъ которыхъ было время Петра Великаго, указываетъ ясно всякому безпристрастному наблюдателю, что реформа, направившая умы подобнымъ образомъ, именно была обнаруженіемъ глубокой народной потребности, что она не отрывала отъ народа, когда естественнымъ и тотчасъ явившимся слѣдствіемъ ея было обращеніе къ народу и изученіе его, столь широкое и разнообразное, о какомъ понятія не имѣла московская Россія. Въ наукѣ, которая впервые при реформѣ получила право гражданства, искали, во-первыхъ, реальнаго знанія, необходимаго для насущныхъ потребностей общества и государства; во-вторыхъ идеальнаго содержанія, расширенія понятій о природѣ и человѣкѣ; къ этому тотчасъ примкнуло стремленіе приложить научныя знанія къ ближайшему сознательному изученію народа и къ его пользамъ.

Обращаясь къ литературѣ собственно, т.-е. къ содержанію нашей поэзіи, или того, что̀ замѣняло поэзію, увидимъ явленіе, совершенно параллельное тому, что̀ видѣли въ развитіи научной образованности. Мысль о народѣ, какъ основной стихіи государства, ради которой само государство существуетъ, возникаетъ съ первыхъ шаговъ новой литературы, и чѣмъ дальше, тѣмъ становится яснѣе, реальнѣе, шире; литература подходитъ все ближе къ народной жизни, ея содержанію и языку. Формы литературы были заимствованныя, какъ и формы научнаго знанія, потому что своихъ не было: старая литература не выработала формъ для подобнаго содержанія и для личнаго поэтическаго творчества, но извѣстно теперь, что стремленіе усвоить ихъ предшествовало Петровскому времени,—его можно замѣтить еще въ XVII вѣкѣ. Взяты были эти формы не у какого-нибудь одного народа (у «нѣмцевъ»), какъ подражаніе; онѣ приняты были какъ формы *общеевропейскія*, которыя въ самой Европѣ были наслѣдіемъ отъ классическаго міра и прочно установились только съ эпохи Возрожденія. Кантемиръ беретъ форму у Буало, но и у Горація и Ювенала — изъ того же античнаго источника, изъ котораго черпали и литературы новой Европы.

Со временъ Петра литература приняла тотчасъ совсѣмъ иной складъ содержанія, чѣмъ было прежде. Какъ извѣстно, самъ Петръ заботился о переводѣ на русскій языкъ книгъ по исторіи, политикѣ и другимъ общеполезнымъ предметамъ; люди его школы: извѣстный Брюсъ, князь Дм. Мих. Голицынъ, Кантемиръ, Андрей Матвѣевъ, Савва Рагузинскій, заказывали переводы или переводили сами много капитальныхъ сочиненій стараго и новѣйшаго времени, и въ числѣ ихъ много книгъ именно политическихъ. Такъ были переведены въ тѣ годы книги: Гуго Гроція, Юста Липсія, Слейдана, Баронія, Пуффендорфа и т. д.; наконецъ, и «Книга мірозрѣнія» Гюйгенса, гдѣ излагалась система Коперника, которая въ древней Россіи была бы осуждена какъ злѣйшая ересь. Не всѣ эти книги были напечатаны, многія изъ нихъ оставались въ употребленіи частнаго кружка людей съ серіозною любознательностью, но онѣ свидѣтельствуютъ тѣмъ не менѣе о наступившемъ новомъ направленіи умственныхъ потребностей и запросовъ. Извѣстно далѣе, что Петръ и по русскимъ дѣламъ желалъ распространять политическія понятія и знанія. Проповѣдники временъ Петра, его приверженцы, были публицисты, объяснявшіе и защищавшіе реформу съ церковной каѳедры, которая и заговорила тогда послѣ многовѣкового молчанія; «Духовный Регламентъ», приписываемый Ѳеофану, но составляющій также (въ неизвѣстной пока степени) трудъ самого Петра, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ есть настоящая публицистика съ характерными, чисто литературными эпизодами. Это было очень ново и, разумѣется, любопытно для русскаго общества и — что мало обыкновенно замѣчается — эта забота Петра Великаго о воспитаніи политическихъ понятій отразилась потомъ на содержаніи развивавшейся литературы. Первые писатели, настоящимъ образомъ начинавшіе литературу XVIII вѣка, и ихъ преемники постоянно уже затрогиваютъ эту тему — національный политическій вопросъ. Онъ долго еще возвращался въ литературѣ въ видѣ защиты и прославленія реформы, какъ великаго дѣла, давшаго истинное направленіе всей національной жизни, — и это было естественно: для большой массы все еще казалось, что въ старину было лучше, и надо было защищать просвѣщеніе, а кромѣ того, слѣдовавшее за правленіемъ Петра время слишкомъ часто отставало отъ великаго примѣра и объ этомъ примѣрѣ полезно было напоминать. Правда, уже вскорѣ эти разсужденія стали впадать въ рутинные панегирики и стихотворную лесть передъ каждой предержащей властью, — какова бы она ни была, — но осталось вниманіе къ политическому положенію народа, и изъ столкновенія мнѣній мало-по-малу развивалась способность къ серіозной критикѣ общественныхъ дѣлъ.

Новыя идеи, явившіяся въ обществѣ изъ запаса европейскихъ знаній, требовали новаго литературнаго языка, потому что старый книжный языкъ, кромѣ того, что не былъ языкомъ живой рѣчи, не имѣлъ ни достаточнаго запаса словъ для выраженія предметовъ

новаго знанія ни стилистическаго строя, достаточно выработаннаго для передачи болѣе тонкихъ оборотовъ мысли. Это преобразованіе языка было великимъ, еще мало оцѣняемымъ двигателемъ національнаго сознанія, выражавшагося въ литературѣ. Оно впервые выводило литературу изъ прежней условной области въ реальную среду жизни и доставляло образовательнымъ идеямъ простое и близкое выраженіе. Понятно, что это совершалось не вдругъ; но самый языкъ Петровскаго времени, искусственный и необработанный, испещренный иностранными словами, повидимому, столь уродливый, въ сущности былъ все-таки выше гладкаго церковно-славянскаго стиля лучшихъ церковныхъ писателей XVII вѣка,—потому что построенъ былъ на живой рѣчи. Языкъ перваго стихотворенія, присланнаго Ломоносовымъ (какъ нарочно, изъ-за границы), поразилъ какъ что-то неслыханное и вмѣстѣ прекрасное: это именно было впечатлѣніе живого языка, явившагося въ книгѣ съ изящной формой, на какую онъ былъ способенъ, но которой раньше онъ еще никогда не получалъ.

Съ успѣхами книжнаго образованія литературный языкъ все совершенствовался въ одномъ направленіи: каждый первостепенный писатель отмѣчалъ новый шагъ къ *сближенію съ языкомъ общества и народа*. Послѣ Ломоносова, Державинъ и Фонвизинъ, Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій открывали своими произведеніями новыя эпохи въ исторіи литературнаго языка; онъ становился съ каждымъ поколѣніемъ все ярче, живѣе, богаче, подвижнѣе, и въ произведеніяхъ Пушкина наша литература пріобрѣла первостепенные образцы, которые донынѣ, черезъ полстолѣтія (и даже больше), остаются свѣжими, сохранившими для насъ все свое изящество—признакъ, что литература достигла въ языкѣ основного тона, схватила его *народный* складъ. Позднѣйшая литература разрабатываетъ уже подробности, обогащаетъ литературный языкъ еще неизученнымъ раньше матеріаломъ народной рѣчи, продолжаетъ его стилистическую и эстетическую обработку, расширяетъ для научныхъ цѣлей. Таково, въ этомъ отношеніи, значеніе писателей послѣ-пушкинскаго времени: Гоголя, Тургенева, Некрасова, Льва Толстого, новой плеяды писателей, посвящающихъ свой трудъ изученію и изображенію народнаго быта, и, наконецъ, писателей въ области науки.

То же стремленіе къ изученію и воспроизведенію народнаго, какое мы видѣли въ научномъ движеніи и въ исторіи литературнаго языка, находимъ, наконецъ, и въ содержаніи поэтической литературы.

И здѣсь литература пришла къ народному не вдругъ, и это было понятно. Новая литература, которая явилась прежде всего изъ потребностей научнаго и практическаго знанія и затѣмъ естественно распространилась на область общественно-образовательную и поэтическую, въ своихъ европейскихъ образцахъ увидѣла совсѣмъ незнакомыя раньше идеи и новыя формы; а главное, мысль о собственно народной стихіи была еще слишкомъ далека, и въ первое время

трудъ литературы былъ употребленъ на то, чтобы усвоить эти формы, воспринять идеи тогдашней образованности, найти для нихъ выраженіе на русскомъ языкѣ, на которомъ онѣ дотолѣ были неизвѣстны. Писатели XVIII вѣка гордились сами, и другіе ставили имъ въ заслугу, что одинъ написалъ первыя трагедіи, другой—комедіи, третій—оды, четвертый былъ первымъ баснописцемъ и т. д. Это была первая необходимая школа начинающейся литературы. Далѣе, западная литература—въ тѣхъ сторонахъ своихъ, которыя дѣйствовали у насъ—занята была общими философскими вопросами, критикой нравственныхъ идей, отвлеченными вопросами о человѣческомъ обществѣ, и все это весьма естественно занимало первыхъ образованныхъ людей новаго общества,—хотя, конечно, въ весьма укороченномъ видѣ. Свой собственный вопросъ для русской литературы состоялъ, какъ мы видѣли, въ защитѣ реформы, т.-е. въ защитѣ той новой образованности, которой она открывала путь: народившаяся личная поэзія высказывала прежде всего идеалы не столько общественные или народные, сколько именно государственные, надежды на просвѣщеніе и величіе націи, на ея политическое могущество, и затѣмъ надежды, что она будетъ имѣть собственныхъ Платоновъ и Невтоновъ. Но у Ломоносова является уже глубокая забота о массахъ «россійскаго народа» собственно. Ломоносовъ былъ человѣкъ перваго послѣ-Петровскаго поколѣнія. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія завершалась его дѣятельность, и идея о «россійскомъ народѣ», именно объ его массахъ, продолжается въ сочиненіяхъ Новикова.

Косвеннымъ образомъ мысль о народѣ питала и та область литературы, которая посвящена была интересамъ образованнаго (по преимуществу дворянскаго) класса. Эта литература, во вкусѣ XVIII вѣка любившая нравоученіе, старалась смягчать нравы, внушать обязанности къ обществу, и, дѣйствительно, въ этомъ успѣвала. Мало-по-малу, несмотря на все господство крѣпостного права, нравственныя идеи философіи прошлаго вѣка оказывали вліяніе на умы: были люди, которые серіозно задавали себѣ вопросы объ «обязанностяхъ человѣка и гражданина», и въ послѣдней перспективѣ этихъ обязанностей, еще при Екатеринѣ, возникала мысль объ освобожденіи крестьянъ. Въ книгѣ Радищева теоретическія разсужденія перемежаются картинами изъ крестьянскаго быта, смыслъ которыхъ ясенъ.

Народъ начинаетъ тогда же привлекать литературу съ другой стороны. Въ то время, когда нѣкоторые любители сочли нужнымъ собирать нѣкоторую поэзію, являются попытки передавать ее въ новой формѣ на народный ладъ (напримѣръ у Карамзина), вводить въ поэзію черты народнаго быта (какъ у Державина), поддѣлываться подъ тонъ народныхъ сказокъ (у Чулкова), брать цѣликомъ народно-бытовой матеріалъ для драматическихъ пьесъ (у Аблесимова) и прочее. Народное не получало еще полнаго права въ литературѣ, ни какъ предметъ ни какъ форма; все еще полагалось и по старымъ реторикамъ и по псевдо-классической манерѣ прошлаго вѣка, что оно при-

надлежитъ къ «низкому слогу», тогда какъ литература стремилась въ особенности къ «высокому»; народное считалось умѣстнымъ въ поэзіи шутливой и въ комедіи (которыя сами по себѣ допускали извѣстную вольность), въ идилліи и эклогѣ, гдѣ русскій воображаемый пастушокъ могъ съ успѣхомъ замѣнить такого же воображаемаго Дафниса и Титира — но уже возникновеніе народныхъ этнографическихъ изученій показывало, что готовится иное воззрѣніе; смутно чувствовалось, что именно въ народномъ хранится что-то необходимое для нравственной жизни общества и для самой литературы.

Сентиментальная школа сдѣлала шагъ въ этомъ направленіи. Съ романтизмомъ въ литературныхъ взглядахъ произошелъ цѣлый переворотъ, сильно поднявшій и роль народнаго элемента. Съ внѣшней стороны, романтизмъ уже вскорѣ вытѣснилъ натянутыя и жеманныя формы псевдоклассическія и тѣмъ далъ просторъ для новаго элемента, искавшаго мѣста въ литературѣ. Со стороны содержанія романтизмъ, хотя, большею частію, смутно понимаемый самими нашими романтиками, черпавшими его изъ трехъ разныхъ европейскихъ источниковъ, давалъ, однако, совсѣмъ иное настроеніе и складъ поэзіи; онъ расширялъ поэтическую область и вносилъ въ нее много такого, что̀ могло бы привести въ негодованіе классика, и именно, гоняясь за легендарнымъ и чудеснымъ, онъ входилъ въ народное чудесное и вообще въ народный бытъ: тамъ онъ находилъ желаемую оригинальность, простоту и новость красокъ, такъ непохожія на монотонную натянутость псевдоклассицизма и т. д. Новое направленіе очень помогло выработкѣ легкой свободной формы, при которой, въ свою очередь, становилось легче овладѣвать новымъ матеріаломъ.

Произведенія Жуковскаго были уже большимъ шагомъ послѣ Карамзина. Пушкинъ, какъ мы замѣчали выше, овладѣваетъ съ великимъ мастерствомъ народною формой и содержаніемъ (съ нѣкоторыхъ его сторонъ); его дѣятельность стала переломомъ въ развитіи нашей литературы. Съ Пушкина,—литературныя идеи котораго опять питались западными источниками,—начинаются впервые правдивыя, хотя на первое время, конечно, неполныя, изображенія народной жизни. Гоголь, воспитанный на впечатлѣніяхъ народнаго быта своей родины и воспринявшій наслѣдіе Пушкина, выполнилъ этотъ литературный переломъ глубокой истиной своихъ изображеній; и правдивость этого реализма, которая донынѣ остается обязательной для русскаго писателя, существенно помогла вѣрному усвоенію народнаго содержанія. Однимъ изъ первыхъ писателей, въ которомъ удивлялись умѣнью схватывать черты народной жизни и языка, былъ этнографъ Даль; у него было дѣйствительно обширное знаніе народнаго языка и обычая, но онъ не оказалъ большого вліянія въ литературѣ, потому что въ содержаніи разсказовъ ограничивался анекдотически занимательнымъ и не проникалъ въ наиболѣе серіозныя стороны быта, которыя тогда были еще закрыты отъ литературы. Въ новомъ поколѣніи писателей, которые были школой Пушкина и Гоголя,

отношеніе къ народному быту опредѣляется ясно. Уже Лермонтовъ, въ великолѣпной пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ, далъ образчикъ глубокаго мастерства въ изложеніи народно-поэтической темы. У Тургенева, Некрасова, Григоровича, Писемскаго, потомъ у Потѣхина и другихъ является рядъ замѣчательныхъ изображеній народной жизни, проникнутыхъ сознательными сочувствіями къ народу и внимательнымъ изученіемъ. Произведенія этихъ «людей сороковыхъ годовъ» шли въ параллель съ общественными стремленіями другихъ писателей той же школы — критиковъ и публицистовъ; со стороны своего общественнаго смысла, онѣ возникали отчасти подъ несомнѣннымъ вліяніемъ тогдашней западной литературы, и тѣмъ не менѣе еще не было въ нашей литературѣ поры, когда бы съ такою очевидностью высказались сочувствія образованнаго слоя къ интересамъ народной массы, стремленіе защищать ея права, поднять ее изъ матеріальнаго и нравственнаго униженія и порабощенія, и когда бы съ такимъ успѣхомъ усвоено было искусство литературнаго изображенія народной жизни. Произведенія названныхъ и другихъ писателей были для литературы великимъ изобрѣтеніемъ, важнымъ не только по художественному, но и по воспитательному значенію для общества. Они предваряли эпоху освобожденія крестьянъ и въ своей области достойнымъ образомъ послужили великому дѣлу...

Дѣйствовавшее потомъ поколѣніе писателей продолжало трудъ этихъ предшественниковъ. Оно воспиталось подъ вліяніемъ общественнаго и литературнаго оживленія конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, и его дѣятельность займетъ любопытную страницу въ исторіи русской литературы. Эти писатели — Рѣшетниковъ В. Слѣпцовъ, Левитовъ, Глѣбъ Успенскій, Златовратскій, Наумовъ, Назарьевъ, Нефедовъ и много другихъ — посвятили себя исключительно изученію народной жизни и дали рядъ произведеній различной художественной цѣны, но рисующихъ съ небывалою до сихъ поръ правдивостью и наглядностью народный бытъ. Видимо, народъ и его жизнь — господствующая мысль образованнаго класса, представляемаго литературой; и въ самомъ дѣлѣ, довольно самаго бѣглаго обзора современной литературы, чтобы увидѣть, что вопросъ о народѣ есть всеобщая дума, идеалъ и забота. Всюду одинъ глубокій и тревожный вопросъ: имъ по преимуществу занята поэтическая дѣятельность современной литературы; имъ занята публицистика, земскія экономическія изысканія; ему посвящены историческія и этнографическія изслѣдованія. Въ этой массѣ современныхъ изображеній народная жизнь проходитъ передъ нами рѣдко въ свѣтлыхъ картинахъ, которыхъ, къ сожалѣнію, мало даетъ дѣйствительность, а чаще въ печальныхъ чертахъ его тягостей и иногда, наконецъ, въ мрачныхъ до трагизма вопросахъ объ отношеніяхъ этого народа къ обществу и государству.

Пыпинъ.

Этнографическій элементъ въ произведеніяхъ Григоровича.

Стремленіе къ національному творчеству, къ болѣе или менѣе сознательному и правдивому изображенію народныхъ и простонародныхъ типовъ и жизни сказалось въ русской словесности уже во второй половинѣ XVIII вѣка. Несмотря на разрывъ между высшими и низшими слоями общества, происшедшій подъ вліяніемъ Петровской реформы и сильнымъ воздѣйствіемъ европейской культуры, изящная литература, заимствовавши съ запада внѣшнюю форму, а весьма часто и уголъ зрѣнія, все-таки не замедлила обратиться къ роднику народной жизни и народной души.

Первый и главный шагъ въ этомъ направленіи выпалъ на долю драмы: она первая обратилась къ попыткамъ изобразить народную жизнь и дала цѣлый рядъ разнообразныхъ народныхъ типовъ. Конечно, первые опыты были довольно слабы; выведенныя лица, по большей части, шаблонныя, или страдаютъ излишней идеализаціей, почему и кажутся совершенно нереальными, или освѣщаются лишь со стороны комической, являясь типами отрицательными, или присутствуютъ въ пьесѣ лишь въ качествѣ эпизодическаго элемента. Но такъ какъ это теченіе не было всецѣло подражательнымъ, а имѣло въ себѣ и внутреннюю жизненную силу, то оно, совершенствуясь и углубляясь, неуклонно шло впередъ.

Отчасти вслѣдствіе естественнаго развитія, отчасти подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ, главнымъ образомъ, мѣщанской драмы, комедія и комическая опера начинаютъ у насъ съ послѣдней четверти XVIII вѣка принимать уже реальную бытовую окраску. На сценѣ появляется то изображеніе купеческаго быта, какъ, напримѣръ, въ комедіяхъ: «Сидѣлецъ» Плавильщикова, «Купецкая компанія» Чернявскаго, или въ комическихъ операхъ: «Невѣста подъ фатою», «Колдунъ, ворожея и сваха», то изображеніе быта военнаго въ комическихъ операхъ: «Добрые солдаты», «Матросскія шутки», то изображеніе крестьянской среды въ комедіи Плавильщикова «Бобыль» и въ комическихъ операхъ: «Анюта», «Приказчикъ», «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ», «Точильщикъ» и др.

Помимо цѣлаго ряда типовъ и сценъ народной жизни въ этихъ пьесахъ замѣчается уже кое-гдѣ присутствіе и чисто этнографическаго элемента. Такъ, въ комедіи Лукина «Щепетильникъ» мы встрѣчаемъ мужиковъ съ ихъ мѣстнымъ выговоромъ и мѣстными словами и оборотами рѣчи, а во многихъ комическихъ операхъ видимъ народные обряды и слышимъ отрывки народныхъ пѣсенъ. Особенно интересна въ этомъ отношеніи комическая опера Матинскаго «С.-Петербургскій гостинный дворъ», гдѣ «свадебные обряды и пѣсни занимаютъ почти цѣлое дѣйствіе; по своему богатству и близости къ народу они превосходятъ все, что только было подобнаго въ русской литературѣ XVIII вѣка».

Ниже драмы въ смыслѣ изображенія народной жизни стоитъ въ XVIII столѣтіи литература повѣствовательная. Не говоря уже о quasi-историческихъ и любовныхъ романахъ, совершенно отрѣшенныхъ отъ дѣйствительной жизни, романъ реальный не успѣлъ еще развиться, а сентиментальныя повѣсти, хоть и обращаются весьма охотно и часто къ сельской средѣ, по своей слащавости и чрезмѣрной идеализаціи не могутъ быть и сравниваемы съ поэзіей драматической. На одной ступени съ нею могутъ быть поставлены лишь отрывки изъ сатирическихъ журналовъ да еще такія полубеллетристическія вещи, какъ «Путешествіе» Радищева или отдѣльныя мѣста изъ записокъ русскихъ ученыхъ путешественниковъ — Лепехина, Озерецковскаго, Иноходцева и др., дающихъ весьма часто любопытныя и живыя картинки изъ области народнаго быта.

Поэзія лирическая и эпическая такъ же не остались чужды этому довольно широкому теченію. На ряду съ появленіемъ первыхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ, подчасъ съ переложеніемъ на музыку, мы видимъ и первыя попытки самостоятельнаго творчества въ народномъ духѣ, вѣрнѣе, поддѣлки подъ народный складъ; таковы нѣкоторыя пѣсни и романсы Николаева, Богдановича, Нелединскаго-Мелецкаго и Дмитріева. Что же касается до эпоса, то наиболѣе сильная струя народности сказалась, какъ и слѣдуетъ ожидать, въ эпическихъ произведеніяхъ не героическаго, а комическаго характера. Такъ, проблески чисто народнаго юмора и рядъ сценъ и типовъ, выхваченныхъ изъ реальной жизни, мы встрѣчаемъ въ «Енеидахъ», «вывороченныхъ наизнанку» Осиповымъ и Котельницкимъ на русскомъ, а Котляревскимъ на малорусскомъ языкѣ; еще бо́льшее значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи поэма Майкова «Елисей, или раздраженный Вакхъ» съ ея правдивымъ изображеніемъ простонароднаго быта и простонародныхъ героевъ — валдайскихъ и зимогорскихъ мужиковъ.

Какъ бы ни были робки и неувѣренны эти первыя картины народной жизни и какъ бы онѣ подчасъ и ни звучали фальшиво, пройдя сквозь призму тогдашнихъ литературно-художественныхъ принциповъ, во всякомъ случаѣ въ XVIII вѣкѣ уже прочно былъ заложенъ фундаментъ для дальнѣйшаго развитія національнаго творчества. Само собою понятно, что наибольшихъ успѣховъ литература XVIII вѣка достигла въ изображеніи отрицательныхъ и комическихъ сторонъ жизни и типовъ, скорѣе бросающихся въ глаза и легче поддающихся художественной передачѣ.

Какъ и въ предыдущемъ, такъ и въ продолженіе первой четверти XIX вѣка впереди идетъ драма. Въ самомъ началѣ новаго столѣтія появляется «Рекрутскій наборъ» Ильина. Недостатки этой драмы, особенно, съ современной точки зрѣнія, конечно велики; тѣмъ не менѣе она знаменуетъ новое начало въ изображеніи крестьянской жизни. Это первая пьеса, дѣйствующими лицами которой мы видимъ исключительно простой народъ; она имѣетъ не комическій, а траги-

ческій оттѣнокъ; развязка ея происходитъ не въ силу неожиданнаго вмѣшательства барина, а вытекаетъ изъ психологіи ея героевъ; наконецъ, характеръ нѣкоторыхъ типовъ, хоть и слабо выраженныхъ, представляетъ безусловную новость. Многія вполнѣ реальныя сцены и діалоги, простой, мѣстами чисто народный языкъ, серіозность содержанія и горячія симпатіи автора къ мужику придаютъ этой пьесѣ еще большее значеніе, несмотря на нѣкоторую приподнятость и сентиментальность ея тона.

Много лѣтъ спустя тотъ же авторъ снова обратился къ изображенію сельской среды въ своей комедіи «Семикъ». Хотя это произведеніе и слабѣе перваго въ художественномъ отношеніи, оно интересно тѣмъ, что въ немъ дѣйствіе связано съ народнымъ праздникомъ и народными обрядами.

Вообще, если мы заглянемъ въ театральный репертуаръ за первую четверть XIX вѣка, то увидимъ, что сценамъ изъ народной жизни отведено довольно почетное мѣсто. Такъ, въ отдѣлѣ драмъ можно отмѣтить «Русскаго солдата», «Храбрыхъ Кирилловцевъ при нашествіи враговъ», «Семейство Старичковыхъ», а изъ комедій и комическихъ оперъ укажемъ на «Дѣвишникъ или Филаткину свадьбу», «Посидѣлки», «Яма», «Крестьянъ, или встрѣчу незваныхъ»... Довольно большое число пьесъ изъ крестьянской или военной жизни обязано своимъ появленіемъ событіямъ 12-го года, которыя такъ наглядно обнаружили скрытый героизмъ безымянной народной массы. Отмѣтимъ еще многочисленный рядъ различныхъ дивертисментовъ, которые, хотя чисто внѣшнимъ образомъ и не всегда правдиво, все же стараются передать различныя сценки простонародной жизни. Тутъ мы найдемъ «Гулянье 1-го мая въ Сокольникахъ», «Гулянье на Воробьевыхъ горахъ», «Семикъ или гулянье въ Марьиной рощѣ», «Филатку съ Ѳедорою у качелей подъ Новинскимъ», «Праздникъ на сѣнокосѣ», «Праздникъ жатвы», «Ярмарку на Урюпинской станицѣ», «Ярмарку въ Бердичевѣ», «Ирбитскую ярмарку», «Макарьевскую ярмарку», «Федула съ дѣтьми на ярмаркѣ», «Цыганскій таборъ» и т. п.

Какъ мы упоминали выше, проза повѣствовательная и въ XIX вѣкѣ значительно отстаетъ отъ драмы. Правда, двумя годами раньше «Рекрутскаго набора» появился первый реальный русскій романъ Измайлова: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества», но онъ посвященъ изображенію среднихъ классовъ общества, крестьяне же выступаютъ въ немъ лишь мимоходомъ. Къ тому же послѣ этого перваго опыта реальнаго изображенія народной жизни идетъ довольно значительный по времени пробѣлъ, и только въ двадцатыхъ годахъ романъ и повѣсть начинаютъ догонять драму, а въ тридцатыхъ уже рѣшительно опережаютъ ее. Такъ въ романѣ Нарѣжнаго «Аристіонъ» (1822 г.) мы встрѣчаемъ картины «пензенскаго крестьянскаго хозяйства, исчисленіе всевозможныхъ поборовъ, которыми помѣщикъ облагаетъ крестьянъ, экзекуціи мужиковъ и дѣвокъ, уличныя сцены, гдѣ дѣйствующими лицами являются толпа голодныхъ

полуодѣтыхъ оборванцевъ» и т. п.; въ другомъ романѣ того же писателя: «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ», помимо его соціальнаго значенія, какъ и перваго, находится также не мало и бытовыхъ чертъ малороссійской жизни: «сцены изъ быта простонародья, сцены на ярмаркѣ, сельскія картинки, описанія хуторовъ, шинокъ съ его хозяевами и посѣтителями — все говоритъ о тонкой наблюдательности автора». Упомянемъ еще о романахъ: Булгарина «Петръ Выжигинъ», (1829 г.), гдѣ, между прочимъ, «изображенъ бытъ бѣлорусскаго помѣщика, его отношенія къ крестьянину и еврею», и т. п., Гурьянова «Новый Выжигинъ» (1831 г.), «въ которомъ дано недурное описаніе Макарьевской ярмарки», и Орлова, довольно правдиво и реально изобразившаго различные типы мѣщанской и купеческой жизни.

Большой шагъ впередъ дѣлаетъ повѣствовательная литература въ тридцатыхъ годахъ, когда появляются произведенія Даля, Погодина и, наконецъ, Гоголя. Если раньше, въ указанныхъ нами романахъ, и встрѣчалось изображеніе крестьянской жизни, то она входила лишь какъ составной элементъ произведенія, а не представляла собою центръ его; въ повѣстяхъ же и разсказахъ Даля, Погодина и Гоголя народный бытъ и жизнь занимаютъ первенствующее мѣсто.

Произведенія этихъ писателей весьма различны по своему характеру. Даль, знатокъ народа и народной жизни, даетъ, по большей части, небольшіе разсказы и сценки, которые блещутъ, главнымъ образомъ, народнымъ языкомъ, оборотами рѣчи, пословицами, поговорками, вѣрнымъ описаніемъ внѣшней жизни народа, но въ нихъ мало вложено души; видно тонкое знаніе народной жизни, но не слышно горячей любви къ мужику; мало трогаютъ они поэтому и читателя. Противоположный недостатокъ можно отмѣтить въ повѣстяхъ Погодина. Въ нихъ много правдиво изображенныхъ бытовыхъ чертъ, много теплой симпатіи къ «униженнымъ и оскорбленнымъ», основная идея часто глубока и серіозна, но имъ сильно вредитъ сентиментализмъ, совершенно отсутствующій въ разсказахъ Даля. Слѣдуетъ замѣтить также, что, изображая крестьянскую жизнь, Погодинъ съ большею симпатіей останавливался на жизни малорусской, чѣмъ великорусской. Обоихъ этихъ писателей далеко оставилъ за собою Гоголь своими «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки».

Изъ этого краткаго обзора мы можемъ видѣть, какіе успѣхи сдѣлала и на чемъ остановилась русская литература передъ появленіемъ въ сороковыхъ годахъ деревенскихъ разсказовъ Григоровича. Народная жизнь успѣла уже отвоевать право на свое реально-художественное изображеніе; симпатіи къ простому народу установлены и уже издавна въ различныхъ произведеніяхъ проскальзываютъ характерныя мѣстныя черты, слышатся отзвуки народныхъ преданій и повѣрій. Этнографическій элементъ, встрѣчающійся, какъ мы указывали, еще въ XVIII вѣкѣ, въ связи съ успѣхами изученія народности въ ученой литературѣ первой половины XIX столѣтія, особенно пышно расцвѣтаетъ въ произведеніяхъ Даля и Гоголя. Сдѣлано было уже многое, но далеко еще не все.

Прежде всего, какое бы произведеніе изъ народной жизни мы ни взяли, ни въ одномъ не найдемъ мы полнаго соотвѣтствія трехъ основныхъ его элементовъ: художественнаго, общественнаго и, что насъ наиболѣе интересуетъ въ данномъ случаѣ, этнографически-бытового; вездѣ чувствуется преобладаніе какого-либо одного или двухъ, но нигдѣ нѣтъ реально-художественнаго изображенія повседневной будничной народной жизни во всей ея полнотѣ.

Такъ, въ повѣстяхъ Даля мы найдемъ массу интереснаго этнографическаго и бытового матеріала, но художественная, а тѣмъ болѣе общественная, сторона ихъ слаба, и за мастерски изображеннымъ внѣшнимъ бытомъ слабо чувствуется живая душа мужика.

У Гоголя мы также встрѣтимъ и богатство этнографическаго элемента и, сверхъ того, необыкновенно художественную его обработку, но соціальный элементъ опять-таки слабъ, такъ какъ его разсказы представляютъ собою поэтизацію народныхъ преданій и уже по самой задачѣ своей не могутъ дать намъ полнаго представленія объ обыденной малороссійской деревенской жизни. Сильнѣе слышатся соціальные мотивы въ романахъ Нарѣжнаго, повѣстяхъ Погодина и, особенно, въ драмахъ Ильина. Но романы Нарѣжнаго затрогиваютъ простонародье лишь мимоходомъ, а у Ильина и даже у Погодина еще слишкомъ силенъ налетъ сентиментализма, и это, конечно, значительно уменьшаетъ художественную цѣнность ихъ произведеній.

Значеніе разсказовъ Григоровича съ исторической точки зрѣнія въ томъ и состоитъ, что они всегда серіозны по мысли, художественны по выполненію и правдивы по вѣрному, неприкрашенному изображенію сѣрой народной массы. Конечно, есть недостатки и у него; укажемъ хотя бы на нѣкоторую идеализацію его героевъ. Но до Григоровича еще никто не поднимался до такой полноты и цѣлостности въ передачѣ крестьянской жизни.

Мы не будемъ входить въ оцѣнку художественнаго и соціальнаго значенія его разсказовъ, а остановимся только на обзорѣ того этнографическаго матеріала, который они намъ даютъ.

Прежде всего мы встрѣчаемъ у Григоровича необыкновенно тонкое и любовное описаніе природы средней полосы Россіи. Художественность и реальность до мелочей въ ея изображеніи сразу даютъ почувствовать читателю, что авторъ говоритъ не о природѣ вообще, а о хорошо знакомой и горячо любимой имъ Тульской губерніи. Григоровичъ невольно заставитъ насъ понять и оцѣнить всю своеобразную прелесть его родины, рисуя передъ нами то широкіе ландшафты съ уходящими изъ глазъ туманными далями, то скромную и уютную долину извилистой рѣчки Смедвы, то тѣнистые берега обросшаго дубами озера, то уголокъ деревенскихъ задворокъ или озимаго поля. Такое внимательное и задушевно-правдивое изображеніе природы придаетъ особенную жизнь даже и неодушевленнымъ предметамъ. Ока, напримѣръ, возлѣ береговъ которой выросъ авторъ, становится невольно въ его романѣ какъ бы новымъ дѣйствующимъ

лицомъ, съ не менѣе типическими своеобразными чертами, какъ и выведенные имъ люди.

На фонѣ такихъ, еще не бывалыхъ описаній природы Григоровичъ развертываетъ намъ всю жизнь русской деревни, иногда веселую и довольную, а по большей части, глубоко печальную. Картина слѣдуетъ за картиной, и передъ нашими глазами проходятъ трогательныя сцены рожденія ребенка и смерти уже дряхлаго старика, сцены деревенской свадьбы и похоронъ, веселыхъ хороводовъ, гулянокъ и посидѣлокъ и тяжелаго прощанія съ своей родиной молодого рекрута или переселенцевъ. Вмѣстѣ съ авторомъ мы присутствуемъ въ деревнѣ на храмовомъ праздникѣ или встрѣчаемъ радостный день Пасхи, Благовѣщенья или Новаго года; знакомимся со всѣмъ цикломъ деревенскихъ работъ, начиная отъ весенней пашни и кончая осенней рубкой лѣса, или переживаемъ радостное чувство при первомъ весеннемъ выгонѣ скота, при постройкѣ новой избы, при хорошей тонѣ рыбака.

Но гораздо чаще намъ приходится горевать, видя, какъ отъ деспотизма или просто невниманія помѣщика или управляющаго гибнутъ долго лелѣянныя мечты и надежды мужика, какъ ему приходится продавать послѣднюю лошадь или корову, какъ нужда поневолѣ сбиваетъ его съ прямого пути и грозитъ ему окончательной гибелью.

Вмѣстѣ съ мужикомъ мы часто выходимъ изъ замкнутаго круга чисто деревенскихъ интересовъ и знакомимся уже съ барскимъ домомъ, мельницей, кабакомъ, постоялымъ дворомъ, столбовой дорогой, провинціальнымъ городкомъ или большимъ торговымъ селомъ. Тутъ передъ нами мелькаютъ уже иные типы: грозный управляющій, распущенная дворня, мельникъ, цѣловальникъ; по дорогѣ къ селу или городу тянутся столяры, кровельщики, пильщики, шерстобиты, нищіе, побирушки; ѣдутъ ярославцы коробейники, спѣшатъ на ярмарку вожаки медвѣдей. А на ярмаркѣ новыя сцены и новые типы: жалостно поютъ духовные стихи калики, шумно гуляютъ фабричные, кричатъ и плутуютъ цыгане, важно проходятъ волостной писарь, становой или откупщикъ.

На ряду со всей этой массой самыхъ разнообразныхъ лицъ и ихъ духовной жизнью, Григоровичъ познакомитъ насъ и съ внѣшними условіями ихъ быта. Мы живо представимъ себѣ обстановку постоялаго двора, мельницы, кабака или бѣдной крестьянской избы, заставленной корчагами, крышками, лагунами; увидимъ крестьянскую одежду и обувь, разныя поневы, кички, подзатыльницы, исподницы и т. п.; узнаемъ, что ѣстъ и пьетъ русскій мужикъ, чѣмъ занимается онъ помимо работъ земледѣльческихъ, какъ веселится на гулянкахъ и хороводахъ и что читаетъ. Познакомимся мы и съ постепеннымъ разложеніемъ исконной деревенской жизни подъ вліяніемъ только что начавшейся развиваться фабричной промышленности.

Мы не станемъ болѣе говорить о содержаніи разсказовъ Григоровича; уже и изъ этого краткаго очерка видно, какъ полно и ши-

рою передана имъ простонародная жизнь во всѣхъ ея перепетіяхъ. Эта полнота изображенія въ свое время была такою новостью, что повѣсти Григоровича, особенно, первыя по времени своего появленія, могли цѣликомъ представлять для тогдашняго читателя и чисто этнографическій интересъ. Но если мы будемъ понимать слово «этнографическій» и въ несравненно болѣе узкомъ смыслѣ, то и въ этомъ случаѣ найдемъ у Григоровича не мало интереснаго матеріала.

Во-первыхъ, нѣкоторыя народныя преданія, легенды и повѣсти входятъ иногда почти въ полномъ видѣ въ его разсказы. Укажемъ, какъ на примѣръ, на его «Свѣтлое Христово воскресеніе» (т. II, стран. 261), въ основѣ котораго лежитъ, зашедшее съ юга, народное преданіе, или на современный пересказъ старинной повѣсти «О происхожденіи хмельнаго питія» въ романѣ «Переселенцы» (т. VI, стран. 301—305).

Во-вторыхъ, во многихъ разсказахъ Григоровича мы встрѣчаемъ отрывки народныхъ пѣсенъ, и старыхъ и новыхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ городу (напр., т. I, стран. 116, 125, 178; т. V, стран. 278, 426; т. VI, стран. 6, 280; т. VII, стран. 9, 10, 11, 12, 23, 34, 38, 50, 76), отрывки изъ репертуара каликъ (напр., т. I, 101, т. IV, стран. 88, 200, 223, 283) и подлинную передачу или пересказъ причитаній похоронныхъ (т. VIII, стран. 163), причитаній невѣсты передъ свадьбой или словъ дружки на свадьбѣ (т. I, стран. 121).

Въ третьихъ, самый обширный и цѣнный отдѣлъ въ этнографическомъ смыслѣ занимаютъ у Григоровича различные народные обряды, игры, примѣты, суевѣрія и т. п. Что касается до обрядовъ, то мы отмѣтимъ свадебные (т. I, 119—121, т. V, 308—312), при первомъ выгонѣ скота (т. I, стран. 333, 338), при окончаніи жатвы (т. I, стран. 348—350), новогоднія колядки (т. VII, стран. 7—12), встрѣчу весны и жаворонковъ въ Благовѣщенье (т. V, стран. 117—118). Изъ народныхъ представленій о нечистой силѣ укажемъ на разсказы о лѣшемъ (т. I, стран. 98; т. VII, стран. 31—32), оборотнѣ (т. I, стран. 99), домовомъ (т. I, стран. 100), знахаряхъ и знахаркахъ (т. I, стран. 103; т. VI, 42—43; т. VII, стран. 15—17), «дурномъ глазѣ» (т. I, стран. 330; т. VI, 16), «смываніи лихоманокъ» подъ новый годъ (т. VII, стран. 15—17), и т. п. Къ этому же отдѣлу надо отнести и переданныя Григоровичемъ народныя примѣты относительно погоды (т. I, стран. 328, 351, 356, V, 206), суевѣрія и обычаи, связанные съ извѣстными днями года или праздниками (т. II, стран. 272; т. V, 134; т. VII, 37—38) и деревенскія развлеченія и игры (т. I, стран. 96; т. I, 124; т. VI, 76—77; т. VII, 37—38).

Въ-четвертыхъ, въ повѣстяхъ Григоровича найдется не мало данныхъ и для исторіи русскаго языка; иногда дѣйствующія лица являются съ мѣстнымъ выговоромъ, какъ напримѣръ: «у тіе» (тебя) (т. I, 202), «пожалуйце», «откушайце» (т. I, стран. 272), «зъ Воронежа» (т. V, 442), и т. п. Еще болѣе найдемъ мы употребленіе такихъ мѣстныхъ словъ, какъ: засидка (т. I, стран. 98), состебать (т. I, стран. 114), черторой (т. I, стран. 175), кулига (т. I, стран. 220), комуха (т. I, стран. 200), забойный (т. I, стран. 317), мигачъ (т. I, стран. 319), альникъ (т. I,

стран. 318), буяровать, гюфара (т. I, стран. 341), шавель (т. V, стран. 108), усилокъ (т. V, стран. 363), плевокъ (т. V, стран. 304), хлоповень (т. V, стран. 406), и т. п. Слегка отмѣченъ еще Григоровичемъ языкъ приокскихъ рыбаковъ и тульскихъ и рязанскихъ ницихъ (т. VI, стран. 53 и слѣд.). Наконецъ, въ его произведеніяхъ мы находимъ множество народныхъ пословицъ, поговорокъ и выраженій.

Вотъ четыре главные отдѣла, на которые можно разбить весь этнографическій матеріалъ, находящійся у Григоровича. При этомъ надо замѣтить, что Григоровичъ не старался бить имъ на показъ, что онъ тѣсно и органически сливался съ содержаніемъ произведенія и придавалъ ему лишь живость и мѣстный колоритъ. Да и самъ писатель не былъ и не могъ быть знатокомъ русской этнографіи, а развѣ только любителемъ-диллетантомъ. На первыхъ порахъ своей дѣятельности онъ даже прибѣгалъ къ помощи обширныхъ матеріаловъ, собранныхъ Далемъ, пока личный опытъ не замѣнилъ ему чужихъ наблюденій. Не будучи спеціалистомъ, преслѣдуя не научныя, а чисто художественныя цѣли, Григоровичъ не всегда бережно относился къ этнографическимъ и бытовымъ даннымъ, позволяя себѣ кое-что измѣнять, а иногда и допускать ошибки. Но тѣмъ не менѣе внесеніе этого этнографическаго элемента составляетъ немаловажную заслугу писателя. Онъ первый съ рѣдкимъ чувствомъ, глубиною и художественностью заглянулъ въ душу русскаго мужика; онъ первый же и изобразилъ его съ такою реальностью, начиная отъ внѣшняго вида и обстановки его жалкой хаты, одежды, обуви и кончая чисто народными воззрѣніями, обрядами и языкомъ. Значеніе его произведеній въ нашихъ глазахъ должно возрасти еще болѣе, если мы примемъ во вниманіе первоначальную полнѣйшую неподготовленность писателя къ изображенію народной жизни. Полуфранцузъ по происхожденію, по домашнему воспитанію и ученію въ пансіонѣ, онъ потомъ попадаетъ въ закрытое инженерное училище, а оттуда — въ міръ художниковъ и театраловъ. Трудно было бы, казалось, ожидать отъ него правдиваго изображенія деревенской жизни. Но въ немъ, очевидно, была скрытая тяга къ землѣ, хотя до времени и не проявлялась. Только надолго попавши въ деревню, задумалъ онъ написать первый разсказъ изъ народнаго быта, но это не сразу удалось ему.

«Знакомый съ простонароднымъ русскимъ языкомъ только по рѣдкимъ книгамъ, которыя удалось читать», говоритъ Григоровичъ, «я сталъ усердно изучать его практически, проводилъ часы на мельницѣ, бесѣдуя съ помольцами, разговаривалъ съ нашими крестьянами, старался прислушаться къ складу ихъ рѣчи, записывалъ выраженія, казавшіяся мнѣ особенно характерными и живописными. Первыя главы повѣсти «Деревня» стоили мнѣ неимовѣрнаго труда».

И труды его не пропали даромъ: онъ сталъ первымъ по времени художникомъ великорусскаго деревенскаго быта, со всѣми сторонами его жизни — матеріальной и духовной.

К. Покровскій.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

В. Покровскаго:

Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Щеголихи въ сатирической литературѣ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлинскій, какъ критикъ и создатель исторіи новой русской литературы. Ц. 50 к. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Содержаніе: I. Критика Бѣлинскаго — литературная школа для писателей и общества того времени. — II. Бѣлинскій и Мерзляковъ. — III. Бѣлинскій и Полевой. — IV. Бѣлинскій и Надеждинъ. — V. Бѣлинскій и Шевыревъ. — VI. Булгаринъ, Сенковскій и Бѣлинскій. — VII. Бѣлинскій, какъ создатель исторіи новой русской литературы. — VIII. Взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію и древнюю книжную словесность. — IX. Ошибочность воззрѣній Бѣлинскаго на нѣкоторыя произведенія новѣйшей литературы.

Поэзія, какъ главный факторъ эстетическаго развитія. Ц. 1 р. Изд. 2-е. *Включена Мин. Нар. Просв. въ „Каталогъ книгъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“.*

Столѣтіе сатирическаго журнала „Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ“. Содержаніе: Характеръ сатиры журнала. Общее содержаніе. Отношеніе къ предшественникамъ. Литературная дѣятельность писателя. Ц. 20 к.

О педагогическомъ значеніи классного чтенія отрывковъ изъ образцовыхъ писателей Ц. 60 к. (Распродано).

Отношенія А. С. Пушкина къ отечественнымъ писателямъ. Содержаніе: I. Введеніе — II. Пушкинъ приглашаетъ другихъ поэтовъ къ служенію музамъ. — III. Радостное привѣтствіе Пушкинымъ произведеній поэтовъ. — IV. Живое участіе Пушкина къ дѣятельности поэтовъ. — V. Уваженіе Пушкина къ достоинству имени писателя. — VI. Альтруистическія и симпатическія чувствованія Пушкина къ писателямъ. Ц. 20 к.

„Мой досугъ или уединеніе“. (Страница изъ русской журналистики XVIII вѣка.) Ц. 20 к.

Дамскій журналъ. Ц. 50 к.

Журналъ для милыхъ. Ц. 25 к.

Рогоносцы въ эпиграммахъ XVIII вѣка. Ц. 50 к.

Смертодавы (врачи) въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. Ц. 30 к.

Книга и читатель двѣсти лѣтъ назадъ. Ц. 50 к.

Жены декабристовъ. (Сборникъ историко-литературныхъ статей съ портретами). Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго по новой русской литературѣ. Ц. 1 р. (8°, 428 стр.) *Допущенъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

Исторической хрестоматіи (Сборника историко-критическихъ изслѣдованій) выпуски:

I вып. О народной словесности. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

II „ О книжной словесности XI — XVI вв. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

III „ О книжной словесности XVI — XVII вв. Изданіе 2-е. Ц. 2 р.

IV „ О Петровской и Елизаветинской эпохахъ и ихъ литературныхъ представителяхъ. Ц. 2 р.

V „ О ложно-классическомъ направленіи въ иностранной и русской литературахъ. Ц. 2 р. 50 к.

VI вып. Объ европейскомъ просвѣщеніи XVII — XVIII вв. и о вліяніи его на русскую литературу и общество. Ц. 2 р.
VII „ О литературной дѣятельности Екатерины II. Ц. 1 р. 50 к.
VIII „ О Фонвизинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
IX „ О Державинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р. 50 к.
X „ О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
XI „ О просвѣщеніи въ XVIII в. Ц. 3 р. 50 к.
XII „ О положеніи и состояніи русскаго общества въ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
XIII „ О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц. 3 р.
XIV „ О Новиковѣ. Ц. 3 р. 50 к.
XV „ О Радищевѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной и книжной словесности до эпохи Петра.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8°, 659 стр.). Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о **Кантемирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Екатеринѣ II. Фонвизинѣ и Державинѣ.)** Пособіе при изученіи литературы для учениковъ среднеучебныхъ заведеній (8°, 1175 стр.). Изд. 2-е. Ц. 2 р. *Одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.)** Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к. (8°, 818 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Пушкинѣ.)** Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8°, 733 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ.)** Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8°, 648 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VI. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ.)** (8°, 1044 стр.). Изд. 3-е. Ц. 2 р. 50 к. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Майковѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ.)** (8°, 505 стр.). Ц. 1 р. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ.*

Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Ч. I. Этимологія. Изд. 17-е. Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., Уч. Ком. при Св. Синодѣ для духовныхъ училищъ и Учил. Сов. при Св. Синодѣ для церковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 15-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

Имена существительныя, употребляющіяся только во множественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанія. Ц. 20 к.

Справочный орѳографическій словарь. Изд. 10-е. Ц. 25 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

1-25

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются книги,

составленныя В. И. ПОКРОВСКИМЪ:

Аксаковъ, С. Т. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Гоголь, Н. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб.

Гончаровъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Грибоѣдовъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Григоровичъ, Д. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Державинъ, Г. Р. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Достоевскій, Ѳ. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Часть I. Цѣна 50 коп.

Екатерина II. Ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Жуковскій, В. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Кантемиръ, А. Д. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Карамзинъ, Н. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Кольцовъ, А. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Крыловъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Ломоносовъ, М. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Майковъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Новиковъ, Н. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Островскій, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Полонскій, Я. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб.

Пушкинъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Радищевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Сумароковъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Толстой, А. К. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Толстой, Л. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Тургеневъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Тютчевъ, Ѳ. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 15 коп.

Фетъ, А. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Фонвизинъ, Д. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Чеховъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 2 руб. 50 коп.

PG
3337
G77Z65
1910

Dmitrii Vasil'evich Grigorovic

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY